

Н. П. ИВЛЕВ

9 (584.6) / 1955

И 255

к

Рхерз

360

Ислам
 Шейх Кашъ
 محمد بن عبد الله
 بن محمد

И
 ОЖИВАЮТ
 БИОГРАФИИ

№ 5/2

Иван

Ноябрь - 1955
 Август
 Сентябрь
 Октябрь
 Ноябрь
 Декабрь

Председатель

Виза

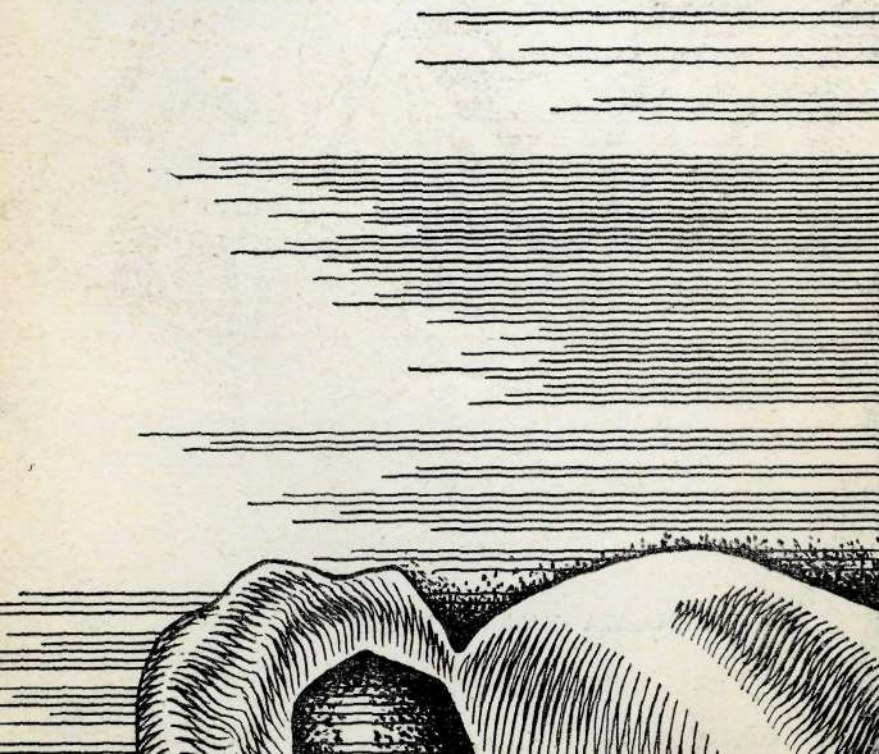
Чужая жизнь — безжалостней моей —
Зовёт меня... И что мне делать с ней?
Ведь можно лишь рукою великана
В лазоревой высокогорной мгле
Куском нефрита выбить на скале
Рассказ о гордом подвиге Чокана!

СЕРГЕЙ МАРКОВ

И

ОЖИВАЮТ

БИОГРАФИИ

9(584.6)
И 255
К

Н. П. ИВЛЕВ

63.5г Ч. Валиханов
И 17

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Ивлев Н. П.

И 17 И оживают биографии: Записки краеведа.— Ал-
ма-Ата: Казахстан, 1983.—204 с.

В новой работе Н. П. Ивлева, автора известной книги «Находки краеведа», рассказывается об интересных людях, живших в Семиречье в середине XIX века,—Чокане Валиханове и его современниках, друзьях и знакомых, несомненно обогащавших его внутренний мир и испытавших на себе влияние его незаурядной, обаятельной личности.

Историко-биографические очерки написаны на основе архивных материалов и литературных источников. Автор вводит в научный оборот малоизвестные или совершенно неведомые исторические факты, не публиковавшиеся ранее свидетельства очевидцев.

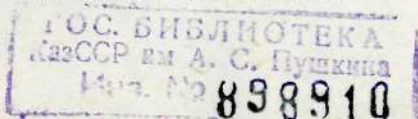
Книга рассчитана на массового читателя.

Рецензент.— доктор исторических наук *В. Я. Басин*.

63. 5 г Ч. Валиханов

И $\frac{0505020000-07}{401(07)-83}$ 27-81.

© Издательство «Казахстан», 1983.

ПРЕДИСЛОВИЕ

ПРОШЛО 250 лет с того знаменательного события, когда начался процесс добровольного присоединения Казахстана к России. Русский и казахский народы имели традиционные контакты: путем взаимного товарообмена казахи приобретали предметы домашнего обихода, производство которых в условиях кочевого хозяйства связано со значительными трудностями, огнестрельное оружие, а русские покупали тягловую силу (лошадей, крупный рогатый скот), сырье и т. д.

Этим, однако, не исчерпываются причины взаимного тяготения. Угроза захвата казахских земель со стороны Джунгарского военно-феодалного государства, в особенности усилившаяся в первые десятилетия XVIII века, держала казахское общество в состоянии постоянного напряжения. Джунгарская экспансия обнаружила политическую и военную слабость Казахстана; произошло передвижение казахских кочевий на северо-запад, значительная часть казахских родов оказалась выбитой из привычной колен, был нарушен исторически сложившийся цикл кочевий.

Казахский народ вел упорную кровопролитную борьбу против джунгарского нашествия, а организованный отпор агрессору начался в 1726 году. Казахские ополчения в 1728 году на берегу реки Буланты нанесли джунгарским феодалам поражение, а в 1730 году разгромили джунгарские войска к югу от озера Балхаш, в районе Ан-

ракай. Однако эти победы еще не означали ликвидации опасности порабощения казахов джунгарскими феодалами.

Многовековая экспансия Джунгарии, Кокандского ханства и феодально-патриархальные отношения привели казахские жузы к политическому, социальному и хозяйственному упадку. Ко всему этому следует добавить губительные межфеодалные усобицы, разорявшие казахских скотоводов.

Передовые представители народа упорно и настойчиво искали путь к спасению. И он был найден — союз, а затем присоединение Казахстана к своему могущественному северо-западному соседу — России.

В свою очередь и Россия обращала пристальное внимание на Казахстан. Упрочение ее позиций в казахских степях позволяло на востоке противостоять Джунгарии, а после ее падения — Цинской империи, воспрепятствовать проникновению Англии (из колонизированной ею Индии) в Среднюю Азию, а также оказывать противодействие кокандской угрозе. Вместе с тем характер и направление российской политики в Казахстане определялись и стремлением проложить через казахские степи безопасные торговые пути к азиатским рынкам.

Таким образом, вырисовывается двусторонний взаимовыгодный процесс сближения. Упрочение русско-казахских связей явилось результатом объективных причин, конкретных обстоятельств, а не каких-то «симпатий» или «антипатий» царского правительства к казахам, дружественных или недружественных отношений казахских владетелей к России. Русско-казахские отношения диктовались глубокими интересами обоих народов.

Знаменательно, что союз с Россией становился реальностью в самый тяжелый и трагический период истории Казахстана — «Актабан шубырынды» («Годы великого бедствия»), когда перед ним стоял вопрос: быть или не быть?

Ходатайство о российском подданстве становится основной задачей казахских посольств в Россию и русско-казахской дипломатической переписки, и вопрос о присоединении начинает находить свое практическое решение.

В сентябре 1730 года через свое посольство во главе с Сейткулом Койдагуловым и Кутлумбетом Коштаевым казахский народ обратился к императрице Анне Иоанновне с просьбой о присоединении Младшего жуза. Просьба была удовлетворена. 19 февраля 1731 года Анна Иоанновна подписала грамоту о присоединении казахских земель к России, а 30 апреля для сообщения этой вести к казахам было направлено специальное посольство во главе с А. И. Тевкелевым. 10 октября 1731 года была юридически оформлена присяга на верность и подданство России Младшего жуза во главе с ханом Абулхаиром. Тем самым было положено начало добровольному присоединению Казахстана к России.

«Этот исторический акт, — говорил на XV съезде Компартии Казахстана член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК КП Казахстана товарищ Д. А. Кунаев, — стал поворотным пунктом, навсегда определил единство и общность судеб казахов с великим русским и другими народами России» [1]. Благодаря этому казахский народ сохранил свое существование, а его самобытная культура была спасена от полного уничтожения. Так было положено начало великой дружбы двух народов.

В процессе присоединения Казахстана к России была ликвидирована опасность порабощения казахского народа агрессивными деспотическими восточными державами. Включение казахов в состав Российского государства, несмотря на жесточайший национальный и социальный гнет, открывало возможность широкого проникновения в Казахстан более передовой экономики и культуры. Вызревали условия для перехода к более эффективным формам ведения хозяйства.

Влияние русской культуры раскрепостило народ от тесных уз ислама. Казахи-кочевники приобщались к земледелию, постепенно переходили на оседлый образ жизни. В глубинах степей возникали города и рабочие поселки, торговые и промышленные центры. Все больше в Казахстане стало сказываться влияние революционного движения русского пролетариата, а внутри казахского общества зрели социальные силы, воспринявшие идеи революционной России, идеи большевистской партии, ставшей во главе освободительного движения громадной многонациональной страны.

Процесс объединения двух народов — русского и казахского — получил свое фактическое завершение лишь с победой Великой Октябрьской социалистической революции. Казахский народ при помощи великого русского и других братских народов, под руководством Коммунистической партии создал свое суверенное государство — Казахскую Советскую Социалистическую Республику, которая на равноправных началах добровольно вошла в Союз Советских Социалистических Республик, органически влилась в братскую семью народов СССР.

* *
*

✓ Под благотворным воздействием русской культуры сложилось и развивалось творчество казахских просветителей Ч. Ч. Валиханова, И. Алтынсарина, А. Кунанбаева. Настоящая книга, автором которой является казахстанский краевед Н. П. Ивлев, прослеживает связи прогрессивных представителей русского народа в Семиречье 1850—1860-х годов с казахским ученым Чоканом Чингисовичем Валихановым.

Ч. Ч. Валиханов являлся крупнейшим представителем общественной мысли Казахстана начала второй половины XIX века, его труды занимают особое место среди исследований того времени. В них мы находим и точные за-

ключения, и непосредственные наблюдения, и сохранившиеся в народной памяти сведения о событиях прошлого. Знание народных традиций и преданий, а также многочисленных рукописных и печатных материалов дало ему возможность масштабно и глубоко осветить наиболее трагические моменты истории Казахстана. В 1856—1865 годах Ч. Ч. Валиханов вложил много сил и энергии в решение вопросов, связанных с мирным принятием русского подданства казахами родов Старшего жуза и некоторыми киргизскими племенам.

Жизнь ученого, к сожалению, была весьма короткой. Он скончался 10 апреля 1865 года, не успев прожить тридцатую весну. Погребен у подножия Алтып-Эмельского хребта. В Семиречье им прожито с перерывами в общей сложности около двух лет.

Несмотря на относительно небольшое суммарное время пребывания Чокана в Семиречье, оно оказалось необыкновенно счастливым в творчестве и богатым по результатам. Именно здесь Чокан проявил себя как смелый путешественник, пытливый ученый. По семиреченским наблюдениям им написана значительная часть работ. Здесь он приобрел немало друзей и знакомых. Некоторые из них оставили значительный след в истории изучения не только Семиречья, но и Средней Азии. Это ученые А. Ф. Голубев, Н. А. Северцов, М. И. Венюков.

Среди семиреченских знакомых Чокана Валиханова много скромных людей, и не все они были учеными. Но и они вызывают к себе определенный интерес, поскольку их жизненные пути когда-то пересекались с жизнью Чокана. Зная их, мы можем лучше представить себе чрезвычайно интересную личность Чокана Валиханова. Именно эти соображения побудили Николая Ивлева рассказать о людях из семиреченского окружения Валиханова, акцентировать внимание на моментах контакта их с ним и на том, что могло служить поводом и причиной знакомства и дружбы.

Повествование ведется на документальной основе с привлечением работ Ч. Ч. Валиханова, М. И. Венюкова, Н. А. Северцова, П. П. Семенова-Тян-Шанского, А. Ф. Голубева, А. К. Гейнса, журнальных и газетных статей из малоизвестных и давно забытых изданий, ставших библиографической редкостью. Автор умеет увлекательно строить сюжет.

Несомненно, автором выполнена большая и интересная работа по выяснению семипреченского окружения Чокана. Удалось рассказать о четырнадцати его знакомых. Такие фамилии, как Бардашев, Абакумов, Венюков, до этого в чокановедческой литературе лишь мимолетно упоминались. Не были раскрыты мотивы, характер и длительность связей их с Чоканом Валихановым. А фамилии Ларионова, Северцова, Обуха, Никитина, Соболевского, Гейбовича, братьев Криштановских и Андреевских вообще отсутствовали в биографии Чокана и в материалах о нем. В книге дается канва их биографий, уточняются обстоятельства знакомства и дружеского общения с Чоканом Валихановым. В итоге существенно расширяются наши представления о самом Чокане и об эпохе, в которую он жил. Ценным является то, что автор отыскал, использовал и ввел в научный оборот немало неизвестных ранее документальных материалов о Чокане Валиханове.

Очерки в целом имеют документальную основу, допускаются лишь некоторые логические «дорисовки», чтобы связать между собой разрозненные факты. Убедительность повествования объясняется умением автора проникать в имеющиеся в его распоряжении архивные данные (они указаны в сносках в конце книги).

Несомненно, книга будет прочитана с большим интересом и пользой самым широким кругом читателей.

В. Я. Басин,
доктор исторических наук.

В УКРЕПЛЕНИИ ВЕРНОМ, будущей столице Казахстана, Чокан Валиханов бывал неоднократно. С ним связаны узловые моменты жизни первого казахского ученого. В каждый приезд в Верненское укрепление Чокан жил здесь от нескольких суток до месяца и более.

Пятидесятые годы прошлого века были временем закладки будущего города Верного: появились жилые и хозяйственные постройки Большой Алма-Атинской станицы, возникли Татарская слободка и Алма-Атинский выселок, впоследствии названный Малой станицей.

Как выглядели эти населенные пункты? Какой видел Чокан в разные годы Большую станицу — ядро будущего города Верного, а сейчас лишь небольшую часть Алма-Аты, по-прежнему, по привычке или традиции, называемую станицей? Это интересно знать. Может быть, те дома, в которых бывал Чокан, сохранились? К сожалению, мы этого не знаем... В те годы фотографический аппарат в своем триумфальном шествии по миру еще не успел дойти до отрогов Заилийского Алатау. Из людей, профессионально владевших карандашом и кистью, в Верненском укреплении побывали лишь двое: тобольский художник М. С. Знаменский и П. М. Кошаров — учитель рисования Томской гимназии, приглашенный П. П. Семеновым (впоследствии Тянь-Шанским) в путешествие 1857 года по Казахстану и Киргизии. К содержанию их рисунков мы обратимся позднее. В алма-атинских архивохранили-

щах не сохранилось подробных планов ни самой крепости, ни поселений, впоследствии составивших город Верный. Таким образом, нужную, хотя и довольно скудную информацию об укреплении Верном прижизненных лет Чокана могут дать только немногие описания, оставленные путешественниками, и косвенный архивный материал.

Закладка крепости произошла при следующих обстоятельствах. С целью оказания помощи казахам Старшего жуза и северным киргизам в борьбе с Кокандом началось продвижение русских войск в Заилийский край. В середине лета 1853 года из Капала вышел отряд майора Перемышльского в составе одной роты солдат и двух сотен казаков. Кстати, в одной из казачьих сотен числились переводчик Иван Бардашев, с которым мы еще встретимся в этой книге, и молоденький хорунжий Григорий Потанин — друг Чокана и будущий путешественник. Перед Перемышльским была поставлена задача — форсировать реку Или и выбрать место для закладки крепости и при ней казачьей станицы. При отряде имелось две лодки. Везли их в разобранном виде на верблюдах. Отряд благополучно форсировал Или у устья реки Тургень. Часть казаков была направлена с топографом Сониным вниз по течению Или с целью осмотреть берега и выбрать удобное место для организации паромной переправы и закладки небольшого укрепления для охраны переправы.

Основные силы отряда прошли вверх по реке Иссык. У подножья хребта Перемышльский решил обосноваться для зимовки. Казаки приступили к заготовке зимнего запаса сена для лошадей. Солдатам поручили рубить в горах строевой лес и подвозить его к лагерю, рыть котлованы и строить казарменные землянки, рубить из бревен дом для Перемышльского, лазарет и кухню, ставить юрты для офицеров отряда, заготавливать топливо, строить для лошадей загон со стойлами, навес и сарай. Рядом с загонем казаки скирдовали накошенное сено.

Топограф Сонин избрал место для переправы через

Или у устья реки Талгарки. И здесь казаки заготавливали топливо и сено, строили казарму-землянку, кухню, загон для своих лошадей и сарай для хранения сбруи, оружия, провианта. Вокруг этих сооружений создавали земляной вал. Все это называли Илийским укреплением.

Зима 1853—1854 годов была на редкость многоснежной и суровой. Лошадей рано поставили в стойла. К середине зимы поняли, что заготовленного сена мало. Не все лошади выжили до весны. Большая их часть пала от скудости корма. Зима оказалась нелегкой и для людей — топлива оказалось крайне недостаточно. Землянки и юрты отапливались экономно, люди цепенели от сырости и холода. Скудно выдавалось топливо и для лазарета.

В соседних аулах у казахов также пало много скота — отряд лишен был возможности закупить мясо. До весны не хватило муки и соли. Рядовые казаки и солдаты питались постной кашей из ячменной крупы. По рекомендации отрядного лекаря пили чай, заваренный на корнях шиповника, благо в ближайшем ущелье его было вдоволь.

Весной, как только стаял снег, отряд ушел с места зимовки и остановился лагерем у Илийской переправы — подождать подвоза провианта да подкормиться свежей маринкой.

О первых месяцах жизни отряда Перемышльского в Заилийской равнине оставили краткие воспоминания казах Адбан Саркутеев и бывший солдат Михаил Аликин в записи местного краеведа В. Е. Недзвецкого 1901 года [1].

Послушаем первого: «Я принадлежу к роду чапрашты... Наш род всегда кочевал в Верненском уезде... Русские нам много сделали добра... Жили мы бедно: хлеба совсем не было, сеяли только просо, чаю совсем не знали, одежда тоже была бедная. Первый раз, когда пришли русские, они зазимовали на Иссыке в землянках... Помню, полковник (по времени воспоминаний. — *Н. И.*) Перемышльский приехал с казаками в наш аул около Курту и

начал требовать, чтобы киргизы (так тогда называли и казахов — *Н. И.*) доставили верблюдов. Наши... испугались и думали, что верблюды пропадут. Оказалось, что верблюды понадобились для перевозки муки и овса из Канала, и нам не только вернули всех верблюдов, но заплатили за перевоз и за утонувших в Или. Тогда мы поверили русским и начали помогать. Мы, молодые, часто ходили в лагерь на Иссык и познакомились с казаками».

Михаил Аликин свидетельствует: «В землянках мы перезимовали отлично и спокойно. Одна беда — это лошадей много пропало от изнурения. На следующую весну 1854 года мы... спустились к Илийскому пикету, где встретили первую роту, прибывшую к нам на усиление вместе с сотней казаков. При этом отряде прибыл к нам инженер Александровский. Он хотел было строить укрепление тут же, на берегу Или около Караузeka, но через неделю среди отряда появились больные и нас двинули вперед — вверх по Каскелену и Алматинке, где ныне крепость. Главные работы по постройке лежали на пехоте. Мы рубили лес, делали рогатки, копали ров. Первое укрепление состояло преимущественно из рогаток. Большие валы и рвы, остатки которых видны еще ныне, возведены были после».

Уточняя и дополняя предельно скудные рассказы престарелых очевидцев, скажем, что место для закладки укрепления было выбрано еще в конце лета 1853 года. Тогда Перемышльский с инженером Александровским в сопровождении сотни казаков проехал вдоль предгорий Зайлийского Алатау от реки Иссык до Каскеленки. Им понравилось урочище между Малой и Большой Алматинками, у выхода из ущелий. По возвращении в отряд Перемышльский писал генерал-губернатору Западной Сибири: «Осмотрев с инженер-поручиком Александровским первые и вторые Алматы и долины между ними, мы нашли их по удобству добывания леса, большому количеству прекрасной, перерезанной арыками хлебопахотной земли,

пажитей и сенокосных мест далеко превосходящими урочища на Иссыке и Талгаре, почему и предложили Алматы местом будущего поселения» [2].

В другом официальном документе, фактические сведения для которого, вероятно, даны инженером Александровским, обоснована целесообразность закладки укрепления именно в этом урочище и сформулированы те цели, достижению которых должно служить укрепление. «Окружающие укрепление места представляют все удобства для скотоводства и хлебопашества. Для строительства нового укрепления в окрестностях его найдется достаточно строительного материала: в горах имеется хороший строевой лес и плитный камень гранитной породы. Пункт этот, находясь в средоточии плодородной Заилийской долины, будет служить, во-первых, к упрочению порядка и спокойствия в Большой Орде, во-вторых, к приобретению влияния на дела в Коканде и Ташкенте, в-третьих, к сближению с ...киргизами..., в-четвертых, к обеспечению торговых путей, ведущих из Семиреченского края в Ташкент и Коканд» [2].

Отряд Перемышльского сначала временно останавливался на берегу безымянной речушки, которой вскоре дали название «Весновка», так как здесь провели весну, весновали. Солдаты жили в палатках и юртах. По утрам их выводили в ущелье на заготовку бревен.

Здесь отряд постигло второе несчастье. По наущению кокандцев киргизский бий Байсент Тойчибеков ночью «отбарымтовал» (угнал) 70—80 лошадей. В отряде не осталось достаточного количества лошадей, чтобы тотчас организовать погоню. Помощь пришла от кочевавшего на территории Семиречья султана рода албанов Тезека — будущего родственника Чокана. Он пригнал в отряд почти две сотни лошадей, а также несколько десятков быков для использования их на строительных работах.

Получив от Тезека такую помощь, майор Перемышльский счел необходимым если не сурово наказать, то хотя

бы поугатать враждебного бия. В ночь на 30 июня 1854 года отряд в 250 казаков при двух ракетных станках (прообразы современных минометов) вышел из укрепления и форсированным маршем двинулся на урочище Суук-Тобе, где находился главный аул Тойчибекова с его барымтачами.

На четвертые сутки отряд достиг цели. Несколько удачных залпов из ракетных станков внесли смятение в ряды врага, а дружная атака казаков развеяла скотокрадов. Тойчибеков бежал на Чу под защиту кокандцев. 11 июля отряд возвратился в укрепление с табунами отбитых лошадей, верблюдов и рогатого скота. Султану Тезеку с благодарностью были возвращены на время взятые лошади и быки.

Когда инженер Александровский закончил разбивку крепости — обозначил кольшками расположение будущих валов и необходимых сооружений, солдат перевели на место строительства и они приступили к выполнению земляных работ. В тот год крепость была заложена наскоро и вчерне. К зиме она представляла собой небольшую территорию, обнесенную невысоким валом. Грунт для вала брался с внешней стороны укрепления. В месте выемки грунта образовался ров.

В плане вал представлял собой неправильный многоугольник. На его углах отсыпали площадки для установки пушек. На вершине вала намечалось впоследствии устроить из бревен сплошной частокол для защиты от вражеских пуль, а для пушек — пропилить бойницы. Но пока ограничились установкой рогаток.

Внутри крепости солдаты успели построить жилые казармы-полуземлянки, пороховой погреб, землянки под арсенал и продовольственный склад. На скорую руку срубили кухню. Пища раздавалась солдатам и казакам в медные котелки и принималась зимой и в непогоду в казармах, а летом — под открытым небом. Офицеры жили в юртах и в отдельной офицерской землянке.

На второй год строились из бревен госпиталь, гауптвахта, склад оружия, дом для Перемышльского, расширялся продовольственный склад, подсыпался крепостной вал, по валу приступили к установке деревянного частоккола из заостренных бревен и толстых плах. Поставили двое ворот. Одни выходили из крепости на юго-запад, вторые — на северо-восток.

К декабрю 1855 года за невысоким валом крепости, а он досыпался ежегодно еще шесть лет, возвышались бревенчатые стены двух сараев для хранения оружия и обмундирования, две жилые казармы, навесы для лошадей, здание полугоспиталя.

В октябре из-под стен укрепления барымтачами было угнано 213 строевых лошадей. Только в конце ноября из укрепления выступил отряд Шайтанова (150 казаков) для поимки воров и возвращения угнанных лошадей. С отрядом Шайтанова шли 230 казахов под начальством батыра Джантая. Барымтачи успели разбежаться, но отряд отобрал у них и пригнал обратно триста лошадей, пятьсот верблюдов, пятьдесят быков и коров, двести баранов. Годных к строевой службе лошадей оказалось не более полусотни. Джигиты Джантая пригнали и для себя тысячу лошадей, двести верблюдов, сто голов рогатого скота и пятьсот баранов [3]. После такого наказания набеги чуйских барымтачей прекратились.

На исходе лета 1855 года к крепости прибыла из Западной Сибири первая партия переселенцев из ста казачьих семей. Им были «дарованы» пособия и льготы. При отправке каждой семье выдали на приобретение скота по 55 рублей, комплект обмундирования, конскую сбрую, телегу, оконное стекло, гвозди и скобяные изделия для строительства домов. На месте поселения выдавался годичный запас хлеба на всех членов семьи и зерно для посева [4].

Зима была не за горами, за осень успели только построить временные сооружения и простейшие землянки

для размещения семей на одну зиму. До появления в горах снега вновь прибывшие казаки занимались заготовкой и вывозкой леса из ущелий.

Для будущей станицы был отведен участок земли к юго-западу от крепости. Со взводом солдат инженер Александровский приступил к разбивке кварталов, улиц и дворов, обозначая их рядами колышков. На углах будущих кварталов станицы вкопал столбики из нетолстых бревен. Будущую станицу нарекли Алма-Атинской. Она вместе с крепостью составляла Верненское укрепление. Разработанная инженером Александровским планировка станицы основывалась на прямоугольной системе неравновеликих кварталов. Улицы тянулись с юга на север, а перпендикулярные им — с востока на запад. Такое направление улиц диктовалось характером рельефа местности. При этом были учтены как господствующее направление ветров, осуществлявших естественную вентиляцию поселения, так и перспектива орошения будущих зеленых насаждений и фруктовых садов станицы. Каждый квартал первоначально вмещал четыре домовладения, расположенные по его углам. Застройщикам поставили условия: жилой дом должен выходить парадным крыльцом на улицу, имеющую направление с юга на север; на поперечные улицы должны смотреть окна другого фасада дома. Домовладения следовало обносить или деревянным забором, или дувалом. Во дворе должны были размещаться хозяйственные постройки, сарай для скота и обязательно — фруктовый садик.

В центре станицы была оставлена обширная площадь. В южной части отведена другая — для базара. Здесь располагается и поныне Центральный колхозный рынок. На западной околице станицы первоначально размещался скотный базар.

Таким Валиханов и мог увидеть, приехав в первых числах мая 1856 года, укрепление Верное. Свежеотсыпанный крепостной вал опоясывал небольшую площадь.

На участках готового вала строился тын — деревянный частокол. На двух углах крепостного вала, обращенных на север и запад, установили две чугунные пушки, изготовленные в XVIII веке на екатеринбургских заводах.

В укреплении стояли две длинные солдатские казармы, добротно срубленные из бревен, дом майора Перемышльского, дом холостых офицеров, кузница, цейхгауз, гауптвахта, кухня и еще какие-то небольшие постройки. Часовые из рекрутов Центральной России маячили у крепостных ворот, сбитых из толстых досок, у цейхгауза и складов. При появлении господ офицеров они вытягивались в струнку. Майское солнце еще было ласковым, не знойным, и часовые не прятались в тень под козырьки входов в помещения.

Восточнее вала крепости, в долине реки Малая Алматинка, были установлены рядами казахские юрты для холостых казаков, между юртами стояли печи с вмазанными казанам, рядом — столы и скамейки, сколоченные из толстых досок. Для каждой сотни казаков — своя группа юрт и столовая. Поблизости от юрт — коновязи и скирды заготавливаемого сена, кучи валежника, коряг и бревен.

У юго-западных ворот крепости располагалась зарождающаяся станица. В центре ее на небольшой площади строилась церковь. Рядом стоял домик, уже заселенный семьями священника и дьячка. Вокруг церкви в разбитых в прошлом году кварталах кое-где были поставлены переселенцами-казаками свеженькие дома и хозяйственные постройки, много стояло возводимых стен. Повсюду лежали кучи бревен, доставленных с гор. По всей станице слышался визг пил — казаки на козлах распиливали бревна на доски. По уже наметившимся улицам проезжали подводы: от реки возили булыжники и глину, с гор — бревна, сено, валежник для топлива, в обратную сторону подводы шли порожняком. Семейные казаки, еще не успевшие построить дома, жили в шалашах или

землянках. Над жильем курился дымок, и пахло варевом и блинами. Повсюду бегали босоногие дети, да бабы в ведрах на коромыслах таскали воду из Алматинки.

В год первого приезда Валиханова в крепости и станции насчитывалось более двух тысяч жителей. Женщин было всего десять процентов. Мужчины — почти все военнослужащие и казаки.

Май и июнь 1856 года Чокан Валиханов провел в экспедиции Хоментовского на Иссык-Куле, во время которой вел так называемый «Иссык-Кульский дневник», интересный по содержанию и замечательный по яркому, сочному и образному языку — подлинно художественное произведение. В том же году осенью он вел «Кульджинский дневник», тоже замечательный по выразительному изложению. Они — наиболее талантливые произведения Чокана, хотя писались не для печати, а для себя, наспех, экспромтом, урывками в походных условиях, в армейской палатке, на почтовых станциях во время остановок для ночлега или ожидания смены лошадей. Эти дневники дают точное представление о живой речи Чокана. Современники свидетельствовали: «Приятнейшим собеседником Валиханова делал дар слова, умение метко и образно выражаться; к этому присоединялась еще его всегдашняя склонность облекать свой рассказ в пролическую форму, ловко подделываясь под тон и способ выражения мыслей действующих лиц рассказа, и дополнять все это изумительной мимикой. Кажется, ни одна манера, ни одна черта характера кого-либо из его знакомых или развиденных им людей не ускользала от его внимания... По нескольким особенностям физиономии, по манере держаться, по схваченному на лету слову Чокан умел очерчивать целый характер человека» [5].

Другой современник писал: «Настоящее призвание его было сделать казахским публицистом и литератором» [6]. Обладая острой наблюдательностью, большой памятью и даром художественного слова, Чокан мог

оставить яркое и достоверное описание укрепления Верного. Жаль, что он по неизвестным для нас причинам не сделал этого.

В 1856 году в укрепление Верное прибыли три партии 1464 переселенца. В следующем году они также прибывали, но уже не такими большими партиями. Все они к зиме 1856—1857 годов поставили дома, может быть, не до конца отделанные, но, во всяком случае, годные для жилья. Площадь, отведенная под станицу, в большей своей части оказалась застроенной. Выше станицы на Алматинке выросла первая водяная мельница Алимжанова, а энергичный предприниматель Кузнецов неподалеку от мельницы поставил пивоваренный завод.

Дома в станице рубились из горных елей. Высыхая, бревна растрескивались. Еще в первый свой приезд осенью 1856 года наблюдательный Петр Петрович Семенов посоветовал казакам не торопиться с вывозкой бревен из горных ущелий. Срубленные деревья должны вначале полежать на месте рубки, в лесной зоне, где воздух не такой сухой. Казаки убедились в правильности предсказания «петербургского барина». П. П. Семенов советовал также казакам заниматься пчеловодством в горных долинах. Переселенец-казак Осип Мамеев привез с Алтая 5 ульев. Пчелы отлично акклиматизировались и быстро стали размножаться. Через пять лет в Верном насчитывалось 373 улья. Приехавший 14 мая 1857 года П. П. Семенов был приятно удивлен отрядными переменами в облике населения за прошедший год. «Верное, к моему крайнему удовольствию, представилось мне уже в более приглядном виде, чем в 1856 году. Все домики юного укрепления были более или менее отстроены, и около домика приставы Большой Орды был уже посажен молодой садик» [7].

Пока П. П. Семенов занимался организацией экспедиции в Тянь-Шань, приехавший с ним художник Павел Михайлович Кошаров, не теряя времени, с альбомом в

руках знакомился с окружающей местностью и укреплением. Он выбрал возвышенное место на юго-восточной стороне земляного вала крепости и приступил к зарисовке казачьей станицы.

Рисунок этот сохранился. Справа нарисован уголок земляного вала крепости. На валу — тын из плетня. За тыном стоял высокий с растяжками флагшток, на котором в торжественные дни развевался русский государственный флаг. Вдоль берега Алматинки проходила дорога, вероятно, идущая из одноименного ущелья, у входа в которое были расположены летний лагерь и госпиталь. А из самого ущелья по этой дороге возили строевой лес. На обочине дороги — полосатый верстовой столб.

В центре рисунка — площадь. Почти посередине ее — маленькая церковь. К церкви пристроена низенькая колокольня с высоким шпилем. Шпиль увенчан крестом. Церковь обнесена штакетной оградой.

Церковная площадь со всех сторон застроена добротными бревенчатыми домами. Судя по количеству окон, дома станичников — весьма вместительные, рассчитанные на многодетные семьи. Кроме того, станичники были обязаны по разнарядке старост и станичного атамана размещать на постой солдат, офицеров, командировочных. Постой являлся очень обременительной и крайне неприятной повинностью, к тому же не единственной.

Во дворах видны хозяйственные постройки. Жители застраивались основательно и добротно, на века. Станица уже значительна по величине. Поселение показано на фоне прилавков (так называют предгорные возвышенности Заилийского Алатау).

Известна еще одна зарисовка станицы того же Павла Кошарова. Позиция для зарисовки выбрана с западной стороны площади. На рисунке полностью виден фасад колокольни, из-за которой сама церковь выглядывает краешком бокового фасада. За церковью вдоль площади вытянулись в улицы дома станичников. На переднем пла-

не, перед колокольней, изображен бревенчатый дом в пять окон по дворовому фасаду и с четырехскатной тесовой крышей. Дом угловой, двумя фасадами выходит на две улицы. Огорожен забором из жердей или плах. Двор обширный. Во дворе установлены две юрты для жизни в летнее время года.

Майор Перемышльский разместил петербургского гостя П. П. Семенова, как позднее вспоминал тот в описании своего путешествия, в юрте, установленной во дворе собственного дома. Надо полагать, что юртами могли обзаводиться только состоятельные люди. Бедные станичники не могли позволить себе эту роскошь. Юрта стоила недешево.

На этом рисунке П. Кошарова привлекает внимание такая деталь — на вершине самого низкого прилавка растет хвойный лес. В наше время на таких высотах хвойного леса нет. Он вырублен еще в прошлом веке застройщиками станиц, а затем города.

И наконец, имеется третье изображение станицы, правда, относящееся уже к 1864 году. Оно выполнено цветными карандашами. Два первых рисунка станицы давно известны по книжным репродукциям [8], третий остался вне поля внимания историков Алма-Аты [9]. Автор его — тобольский художник М. С. Знаменский, с 1860 года знакомый Чокану по Петербургу, затем — его соотарищ по Черняевской экспедиции 1864 года. Композиционным центром всех трех рисунков является станичная церковь. Рисунок Знаменского почти ничем не дополняет изображения Кошарова, за исключением весьма несущественной детали — в церковной ограде появился домик служителей культа. В нижнем правом углу рисунка дата: «Конец июня 64».

М. Д. Перемышльский информировал ученого гостя П. П. Семенова о том, что еще в июле 1855 года генерал-губернатор Западной Сибири Гасфорт рекомендовал, «чтобы обезопасить укрепление Верное и Алма-Атинские ста-

ницы от огня и иметь более способов к обороне на случай неприятельских вторжений», жилые и хозяйственные постройки возводить из камня, сырцового и жженого кирпича, избегая использования лесного материала. Гасфорт советовал поискать в окрестных горах известняковый камень. Перемышльский просил П. П. Семенова при изучении им геологического строения горного хребта иметь в виду — не найдутся ли залежи известняка вблизи Верненского укрепления. Закончив свои путешествия 1856—1857 годов, П. П. Семенов сообщил Перемышльскому, «...что в верховьях Тургеня действительно есть известковый камень., но добывание его из гор будет чрезвычайно затруднительно и на довольно далекое расстояние, а именно в 70 верстах от укрепления Верного» [10]. Основным строительным материалом здесь оставался лес.

У первых застройщиков крепости и станицы проблем было немало. Например, красный кирпич для кладки печей. Где его брать? Изготовление требовало много топлива. Начальство запретило использовать горный лес для массового обжига кирпича. И правильно поступило! Обжиг был организован на реке Или в четырех верстах от пикета, где было много камыша. На выделке кирпича и его транспортировке до пикета и Верного были заняты казахи-байгуши (самая бедная часть казахского населения) [11].

В январе 1858 года Чокан Валиханов вновь приехал в Верненское укрепление и прожил здесь не день, не неделю, а довольно продолжительное время. Дневника не вел. О характере служебных занятий его в это время дает представление лишь буквально считанное число скупых на сведения официальных документов да одно письмо к К. К. Гутковскому. А занимался он сбором сведений у бывалых людей о дорогах из Семпречья в Кашгар, об условиях проезда и торговли, по рассказам записывал маршруты. С этими вопросами обращался к знатоку Семиречья И. А. Бардашеву, в канцелярии начальника Алатау-

ского округа просматривал перениску, касающуюся вопросов торговли, изучал карты Семиречья местных топографов.

В июне того же года с торговым караваном Чокан отправился в свое знаменитое Кашгарское путешествие. Вновь возвратился он в укрепление Верное 12 апреля 1859 года, а выехал отсюда в Омск 25 апреля. Таким образом, в 1859 году он прожил в укреплении две недели.

Каким оно стало к тому времени? Количество населения выросло до пяти тысяч человек, из них почти половина — солдаты. По-прежнему каждое лето прибывали переселенцы, но уже из Воронежской губернии. Их записывали в казаки.

В одной версте на север от крепости было заложено поселение — выселок Алма-Атинский (впоследствии его станут называть Малой станицей). Между станицей и выселками еще в 1857 году был построен солдатами крепостного гарнизона деревянный мост через речку Алматинку. Прямо на восток от крепости, почти у прилавков, в 1858 году появилась Татарская слободка. Жили в ней по преимуществу семипалатинские татары, занимавшиеся мелочной торговлей.

Южнее Татарской слободки и станицы, на правом берегу Алматинки, с 1857 года закладывается казенный сад. В нем только фруктовые деревья — яблони, груши, абрикосы; кустарники — малина, смородина, шиповник. Несколькими годами позже начинается выращивание табака и цветов, будет построена оранжерея с буфетом и танцевальной площадкой. Но это произойдет уже после смерти Чокана. При его жизни по дорожкам молоденького сада прогуливались только влюбленные парочки да чиновники и офицеры, ищущие уединения ради короткого отдыха от служебных забот.

Юго-западнее обеих станиц много распахали участков под хлебные злаки и клевер. Наиболее предприимчивые жители, особенно из Татарской слободки, завели себе

бахчи. Но большинству жителей — выходцам из Западной Сибири — бахчевые культуры представлялись элементом восточной экзотики. Они не умели выращивать арбузы и дыни. Однако, осенью любили лакомиться дынями, покупали их на Зеленом рынке.

В одном из донесений омскому начальству сообщалось о занятиях жителей станицы сельским хозяйством: «Огородные овощи всех возможных сортов разводятся жителями в достаточном количестве и с большим успехом... Табак разных сортов также жителями разводится с хорошим успехом, хотя в небольших размерах. Нет сомнения, что с окончанием домашнего устройства казаки примутся с большим прилежанием и с большим успехом за садоводство и огородничество» [12].

Огороды разводились во дворах и по берегам реки Малая Алматинка. От потравы скотом и «набегов» молодых солдат огороды охранялись подростками.

За 1858—1859 годы большие изменения произошли и на подходах к Верному. На реках Иссык и Талгар возникли новые станицы, которые должен был видеть Чокан. Пока было построено по два-три десятка дворов. Но это уже постоянное жилье. Усталому путнику было где найти кров в непогоду.

В Верненской крепости появилось еще несколько сооружений и третья по счету казарма. Предполагалось в будущем заложить еще две казармы, площадки для них выделили. Одна казарма строилась в станице. Возобновились работы по усилению крепостного рва и деревянного частокола. Станичники обязаны были вокруг станицы возвести вал, а по валу устроить рогатки. Вал начинался на берегу Малой Алматинки, шел с востока на запад по нынешней улице Пастера. Дойдя до нынешней улицы Пушкина, вал поворачивал на север, а на углу улицы Новосельской поворачивал на восток и вновь упирался в Алматинку.

Станичный вал был срыт в 1869 году, когда стал воз-

никать собственно город Верный. Станичники тогда отгородились от мещан города посадкой четырех рядов тополей по улице Кульджинской (ныне Пастера).

Новожители станиц Верненского укрепления в первые годы безжалостно и хаотично вырубали еловый лес — даже на топливо. Склоны гор безобразно лысели.

С конца пятидесятых годов были приняты энергичные меры по ограничению хищнической и бессмысленной вырубке леса. Делянки под вырубку стали отводить в такой очередности, чтобы они успевали самовозобновляться. Каждый застройщик получал лицензию на вывозку строго определенного количества бревен. Для наблюдения за правильностью рубки и вывозки бревен в соответствии с лицензией во всех ущельях поставили кордоны с постоянными сторожами. От фамилий сторожей произошли названия ущелий: Лебедевское, Каменское, Ремизовское... Бутаковское ущелье названо по фамилии есаула Бутакова, казаки которого в 1854 году рубили лес в ущелье.

Вторым мероприятием было запрещение использовать лес на топливо. Для этого советовали употреблять валежник, солому, сухостой и кизяк. В качестве стенового материала усиленно рекомендовали саман. Еще в 1857 году управлением инженеров штаба Сибирского отдельного корпуса предполагалось «устроить конер для приготовления землелитного кирпича. Земля по Талгару для этого весьма способна, и через построение зданий из этого материала сбережется лес. Необходимые же для бивки землелитного кирпича две чугунные бабы будут доставлены из Аягуза... Препровождая при сем... модель землелитной машины..., не оставьте сделать распоряжение об устройстве двух таких машин» [13].

Когда с 1868 года стал строиться собственно город Верный, запрет действовал в полную силу. И до катастрофического землетрясения 1887 года город был в основном саманным и кирпичным. Кирпич и саман изготавливались на двадцати кустарного типа заводиках, владельцами ко-

торых были калмыки, дунгане, казахи и русские. После землетрясения стали вновь строить только деревянные здания.

В 1859 году вместе с Валихановым в Верном находился петербургский астроном капитан А. Ф. Голубев, а в мае приехал географ и военный писатель М. И. Венюков (о них подробнее — в отдельных очерках). Оба оставили описание Верненского укрепления.

Голубев: «Оно состоит из двух частей: одна из них примыкает к земляному укреплению и имеет небольшую деревянную церковь; другая лежит в полутора или двух верстах от первой и только что начинает обстраиваться. Население Верного состоит почти исключительно из казаков Сибирского линейного войска. Дома в нем одноэтажные, деревянные... В настоящее время начали думать о садоводстве и разведении винограда. Но такие желания являются у официальных лиц, а пока сами жители не пожелают и не выучатся держать виноградных лоз, промысел останется игрушкой... Некоторые из жителей Верного сеют особый род дынь. Эти дыни небольшие, чрезвычайно сладкие» [14].

Венюков: «Я переехал реку Или и вступил в жаркую долину ее левого берега 1 мая 1859 года. Окрестности Алматов или укрепления Верного уже представляли в то время всюду засеянные поля, но на них самая светлая зелень только что пробивалась, составляя противоположность с густою, хотя не высокою травою лугов, уже пестревших цветами; абрикосовые деревья, местами разросшиеся в три и четыре года до высоты двух и трех сажень, давали очень хорошую тень своими молодыми ветвями. Укрепление Верное устроено в 1854 году. Небольшая, довольно живописная речка Алматинка, выбегая из гор и раздробляясь на многочисленные арыки, орошает эту военно-земледельческую колонию с пятью или шестью тысячами душ населения. Алматы построены исключительно из дерева. Новенькие и чистые домики смотрят

пока приветливо, но, без сомнения, скоро примут несколько мрачный вид.

Большинство алматинцев — и не только казаков, а лиц всех сословий — занимаются земледелием., ибо казна берет все излишки хлеба без остатка и платит хорошие цены. Кроме того, часть хлеба и получаемого некоторыми казаками из заведенных уже пчельников меду имеет сбыт на вновь устроенный пивной и медоваренный завод. Жаркое лето позволяет с успехом разводить в Алматах виноград, абрикосы, груши и превосходные дыни.. Наконец, торговля как мануфактурными изделиями, так и сырыми продуктами приносит здесь, даже по сибирским понятиям, хорошие барыши.

Алматы когда-нибудь — и, надобно полагать, скоро — могут сделаться немаловажным местом для всей Средней Азии.

Небольшая Татарская слободка с мечетью, которая теперь составляет южную часть поселения, обещает в будущем развиваться в обширный коммерческий центр. Построенные здесь лавки, в числе более двадцати, все уже заняты, кроме того, их торговля производится во многих домах.

После утомительной поездки по степи можно с удовольствием отдохнуть в Алматах не только физически, но и нравственно. Образованный кружок, почти исключительно офицерский, много читает; при штабе квартирующего здесь батальона основалась уже небольшая библиотека и получается немало журналов. Зато женского общества, к сожалению, почти нет.

Между казаками грамотность распространяется из двух станичных школ, которые шутя названы университетами. В Татарской слободке учат детей мулла и некоторые грамотные татары. По дороговизне учебных пособий и недостатке преподавателей это уже большие шаги. С основанием публичного сада, которым заведует ученый

садовник из Крыма, несколько мальчиков поступили к нему для обучения садоводству» [15].

Для офицеров в 1858 году создали нечто вроде клуба — офицерское собрание. Арендовали вместительный дом. В зале поставили бильярд, другие комнаты обставили стульями, столами [16]. Здесь собирались офицеры с женами для мирного времяпрепровождения за житейскими беседами, обменивались новостями, организовывали лекции, балы, безобидные игры в картишки и бильярд. В офицерском собрании был устроен буфет.

Будучи в Верном, Валиханов мог приходить в собрание, здесь все же собиралась офицерская молодежь. Бывал тут и М. И. Венюков. Только здесь можно было услышать как местные новости, так и газетные известия. В собрание поступали военные издания: газета «Русский инвалид», журналы «Военный сборник» и «Артиллерийский журнал».

Октябрь 1860 года принес Семиречью большие тревоги. Жители укрепления познали леденящую душу смертельную опасность, повеявшую с кокандской стороны. Алчное Кокандское ханство не могло примириться с мыслью об окончательной потере своего влияния на южные казахские роды, а следовательно, и поступления отсюда богатств. Русские взяли под защиту казахское население. До освоения русскими Семиречья кокандские отряды ежегодно появлялись здесь для сбора зякета. Жадные и наглые кокандские сборщики особую прыть проявляли в аулах бедняков.

Русские решительно искореняли барымту. Казахи Старшего жуза, таким образом, получали некоторую гарантию, что они не всегда могут быть безнаказанно ограблены и обездолены барымтачами. Народ был доволен. Но не было довольно паразитирующее Кокандское ханство. Оно подталкивало отдельных манапов и биев на конфликты с русскими, а в 1860 году решило покончить с соперниками единым ударом.

До укрепления Верного стали доходить слухи, что у Чу сосредоточиваются кокандские войска, подвозятся пушки. Цель приготовлений — изгнание русских за Или. Кокандцы были уверены в победе настолько, что заранее поделили между собою всех жен русских офицеров. Слухи стали подтверждаться: в кокандских войсках 20—22 тысячи воинов. Только сарбазов — регулярных пехотинцев — тысяча.

И вот в середине октября многотысячная армия кокандцев перешла Чу и Курдайский перевал, напала на Кастекское укрепление. Отдельные разъезды кокандцев появились у Илийской переправы и под самым валом Верненского укрепления. Нескольких казаков и казачек, встреченных на полевых работах, зарубили.

Алатауский округ мобилизовал всех мужчин, способных носить оружие, — немногим менее двух тысяч человек. Все остальные жители вышли на обновление валов и рвов вокруг Большой и Малой станиц. Из цейхгауза извлекли устаревшие пушки. На валах Большой станицы установили 7, Малой — 2, а на валу собственно укрепления — 3 пушки. Из того же цейхгауза раздали весь наличный запас винтовок старикам и инвалидам. Из молодых создали команды, для которых назначили командиров из инвалидов и отставных солдат и казаков. Они обучали приемам штыкового боя и стрельбе. Под их руководством сколачивали рогатки и ими перегораживали улицы на тот случай, если кокандскому войску удастся подойти к укреплению и ворваться в станицу. Наткнувшись на рогатки, всадники замедлят скорость бега лошадей и дадут защитникам станиц возможность вести прицельный огонь по неприятелю из-за дувалов и своих домов. На валах дежурили подростки. По ночам защитники патрулировали вдоль валов. Защищать крепость и станицы поручили двум ротам численностью 200 солдат, 246 казакам и тремстам мобилизованным мужчинам из торговцев, мещан и отставных солдат. Майор (впоследствии

вии — семиреченский губернатор) Колпаковский повел на встречу с кокандскими войсками отряд солдат. Противники сошлись у Узунагачского пикета 21 октября. Отряд русских насчитывал 800 человек при 6 орудиях, кокандцев было 19 тысяч с двумя орудиями. Штабс-капитан Василий Обух походную артиллерию установил на возвышенности. И когда кокандцы, увидев малочисленность отряда русских, бросились на приступ, пытаясь одним натиском смять врага, Обух встретил их картечью. После каждого выстрела в густых рядах наступающих образовывались просеки. Урон кокандцев был немалый — убитых четыреста, раненых шестьсот. Они отступили. Бежали на Курдай. Разгром завершила морозная ночь с 21 на 22 октября. Раненые и обессиленные кокандцы замерзли и обмороживались.

Русские же потеряли всего двух солдат, было ранено 30 солдат и два офицера. На возвышенности, где стояли пушки Василия Обуха, впоследствии в память победы был воздвигнут верненским архитектором К. А. Борисоглебским монументальный памятник.

Об этих событиях Чокан Валиханов, находившийся тогда в Петербурге, впервые мог прочитать весной 1861 года в журнале «Военный сборник». Затем о подробностях Узунагачской битвы он услышал через два года в Омске из уст автора статьи П. Пичугина, также служившего в штабе войск Западной Сибири, а в 1864 году — от многих участников похода Черняева на Аулие-Ату, в том числе от офицера Василия Обуха, Коджегула Байсеркина, Аблеса Аблиева и других.

Приехав в укрепление Верное в апреле 1864 года, Валиханов должен был отметить новые большие изменения. За валами укрепления появилось много сооружений: несколько казарм с кухнями, конюшнями, артиллерийский склад, канцелярия начальника Алатауского округа. За валами крепости стояло 12 жилых домов и казарм, 8 пежилых сооружений. Вырос сад, его пересекали арыки с

постоянно журчащей водой. На правом берегу Алматинки разросся казенный сад. Он превратился в место отдыха жителей Верненского укрепления. При нем была открыта школа садоводства. В ней первоначально обучалось десять подростков, затем — до 25. Набор учеников производился раз в шесть-семь лет. Окончившим школу выдавалось свидетельство за подписью ученого садовника Марка Криштопенко, который в свое время прошел курс обучения в подобной школе в Севастополе и в 1857 году прибыл в Семиречье.

В саду появился большой пруд, образованный плотиной, отсыпанной поперек оврага. В летнюю пору мальчишки не вылезали из воды.

Большая станица к 1864 году оказалась полностью застроенной — почти четыреста добротных домов, в которых проживало более двух тысяч человек. На улицах вдоль заборов и во дворах тянулись вверх молодые деревья. Посадочный материал бесплатно выдавался из питомника казенного сада. Вдоль уличных посадок были прорыты арыки. В пятидесяти лавках и лавчонках велась бойкая торговля. Продавались мануфактура и обувь, писчая бумага и соленые огурцы, скобяные изделия и оконное стекло, сушеные фрукты и французские духи.

И Малая станица была застроена. По занимаемой площади и количеству домов она почти не уступала своей «старшей соседке» — четыре нежилых и триста жилых домов. Проживало 1800 человек. В казармах укрепления находились 2600 солдат.

Утром, когда скот лениво шел на выгон, и вечером, когда возвращался с пастбищ, над станицей слышалось мычание коров, пахло парным молоком. Это воспринималось как верный признак благополучия и сытости обывателей станицы. Содержали они немало скота. В Большой станице насчитывалось более тысячи лошадей и до девятисот коров; в Малой станице соответственно по 800. Водяных и ветряных мукомольных мельниц имелось 33.

Всего, по данным учета 1863 года, в укреплении жили 6164 человека, из них 4322 мужского и 1842 — женского пола [17]. Таким образом, на 100 мужчин приходилось 43 женщины.

Ко времени последнего посещения Чоканом Валихановым Верненского укрепления здесь было открыто почтовое отделение со штатом три человека: два почтальона и один письмоводитель. В обеих станицах имелось по одной школе для солдатских и казачьих детей. А в Татарской слободке при мечети тоже действовала школа. В качестве учителей выступали немолодых лет мулла и отставные солдаты. Срок обучения — не более двух лет. Наглядных пособий — никаких, учебники не у всех учеников. Учили чтению и письму и четырем арифметическим действиям.

В Большой станице на углу бульвара (ныне улица Пушкина) перед артиллерийской казармой с квартирой штабс-капитана В. В. Обуха Чокан должен был заметить закрытый резервуар. Из него жители станицы брали питьевую воду. Вода в резервуар подавалась арыком из реки Малая Алматинка. Чтобы не осыпались грунтовые стенки резервуара, они были выложены булыжным камнем. Такие резервуары имелись в нескольких местах Большой и Малой станиц. Они были нужны для тушения пожаров. Пожары из-за беспечности населения возникали довольно часто, не реже трех-четырёх ежегодно.

К концу апреля 1864 года закончилось формирование экспедиционного отряда Черняева, и 1 мая отряд выступил в поход для изгнания кокандцев из Токмака, Пишпека, Мерке, Аулие-Аты и Чимкента. Крепость и станицы заметно обезлюдели. По вечерам не слышались грустные и забубенные песни. Торговля в мелочных и швных лавчонках прекращалась с заходом солнца.

С отрядом Черняева ушел и Чокан. В Узунагаче была устроена дневка. Солдатам и офицерам показывали место недавней битвы с кокандцами. Здесь Валиханов слышал

от непосредственных участников подробные рассказы о самой битве 21 октября 1860 года и предшествующих ей событиях. Из отряда Черняева он возвратился в укрепление 24 июня. Прожил здесь не менее двух недель, отдыхая от перенесенных трудностей походной жизни и хлопота о подорожной до Петербурга.

Лето было в разгаре. Жаркое, засушливое. Земледельцы уже тревожились за судьбу урожая. А дождей не было. С надеждой и мольбой посматривали на вершины гор — не собираются ли там долгожданные тучи. 1864 год для Семиречья оказался неурожайным. На неполивных площадях хлеба не удалось. А то, что не было иссушено солнцем, подвергалось беспрерывному нашествию саранчи. Взрослые и дети отпугивали их криками, стуками колотушек о старые ведра и медные тазы, стрельбой из ружей. Разводили костры. Но шум не выручал — саранча потравила хлебные нивы, огороды, сады.

В конце первой декады июля Чокан получил подорожную до Семипалатинска и навсегда покинул Верненское укрепление. Но выехать из Семиречья ему не удалось. Добравшись до Алтын-Эмельского перевала, почувствовал сильный упадок сил. Заехал в аул султана Текека, чтобы отдохнуть несколько суток. Но болезнь ододела. Он надолго слег и 10 апреля 1865 года скончался.

В «ОЧЕРКЕ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Ч. Ч. ВАЛИХАНОВА», предваряющем его пятитомное Собрание сочинений, утверждается: «В 1855 году Чокан принял участие в поездке генерала Гасфорта и совершил большое путешествие по Центральному Казахстану, Семиречью и Тарбагатаю» [1].

Да, Гасфорт действительно в тот год совершил такой вояж и Чокан сопровождал его, о чем мы знаем из ходатайства Гасфорта перед военным министром о награждении группы офицеров. Оно составлено 17 декабря 1855 года. Гасфорт писал о Чокане Валиханове следующее: «...он, сопровождая меня в Киргизскую степь, принес большую пользу» [2]. Но из этого ходатайства не видно, по какой именно территории сопровождал Чокан Гасфорта. Тогдашняя Киргизская степь ведомства Западно-Сибирского генерал-губернаторства простиралась с востока на запад от Иртыша до Сарысу, а с севера на юг — от города Петропавловска до северных отрогов Тянь-Шаня. Из других письменных источников известно, что Чокан побывал в Центральном Казахстане и Семипалатинске. Но не имеется абсолютно никаких сведений, указывающих на то, что в 1855 году Чокан Валиханов, сопровождая Гасфорта, побывал в Тарбагатае и Семиречье. И как бы в противовес этому в своих «Очерках Джунгарии» Валиханов категорично свидетельствует, что Семиречье он посетил «в первый раз в 1856 году и участвовал в первой экспедиции, предпринятой полковником Хоментовским на озеро Иссык-Куль» [3].

В дневнике за 1856 год имеется одна фраза Валиханова, смысл которой исключает всякое допущение возможности посещения им Тарбагатая. Вот эта фраза: «...из всех станиц в Киргизской степи Аягуз, кажется, самый

невзрачный на вид, впрочем, говорят, Кокпекты не лучше» [4].

Если бы Чокан действительно посетил с Гасфортом когда-либо Тарбагатай, а заезд в Кокпекты был бы неизбежным, то вскользь брошенных слов «впрочем, говорят, Кокпекты не лучше» не было бы в дневнике. Чокан не ссылался бы на мнение других, а высказал бы собственное суждение о Кокпекты.

Стало быть, в Семиречье он впервые побывал лишь в 1856 году, чтобы принять участие в экспедиции М. М. Хоментовского на озеро Иссык-Куль.

18 апреля он выехал из Семипалатинска, а 20-го поздно ночью приехал в Аягуз, преодолев за трое суток 272 версты. Дневниковые записи Чокана, дополненные сведениями современных ему авторов и архивными данными, позволяют нам довольно подробно представить, каким он мог видеть Семиречье в то время.

Он ехал в собственном тарантасе, в упряжке была пара почтовых лошадей. Грунт дороги, недавно размороженный весенним солнцем, был еще мягким и податливым под колесами. Поэтому тарантас не очень «лихорадило», как обычно бывает летом, когда грунтовая дорога высохнет и на ней образуется бесчисленное множество неровностей. Но все же при проезде суходолов и прошлогодних выбоин тарантас немилосердно бросало из стороны в сторону. Он то прыгал, то внезапно проваливался. От таких «пируэтов» холодело сердце, под ложечкой давило. Нужно было обладать незаурядным здоровьем, чтобы выдерживать многосуточную езду на рысях по грунтовым неровным дорогам. А ровных дорог тогда здесь вообще не существовало. За сутки Чокан преодолевал в среднем 90 верст. В то время ямщики обязаны были возить пассажиров со скоростью 8—10 верст в час. Значит, ежедневно Чокан просиживал в тарантасе не менее 9—11 часов. А если учесть, что его путешествие совпало со временем

половодья на стених речушках и затопления талой водой всех стених понижений, которые приходилось осторожно переезжать или объезжать по бездорожью, то обоснованным окажется предположение, что в тарантасе Чокан находился до 15 часов в сутки.

В пути от Семипалатинска до Капала Чокан наблюдал пробуждение природы. Дни были по-весеннему теплыми. Воздух чист и прозрачен. Хорошо просматривались дали. Стение жаворонки заливались радостными трелями. В залитых талыми водами небольших понижениях — лощинах — плавали утки, по мелководью бродили цапли или журавли. Кое-где на увалах виднелись серые слезуэты осторожных дроф. Появилась первая зелень травы. Редкие кустарники стояли еще обнаженными, без листьев. Чокан любовался видами далеких Аркатских гор. Лишь они разнообразили скучное путешествие по безлюдной дороге. Она бесконечною лентою тянулась на юг по солончаковой степи. Обширные и малые понижения степи предусмотрительно огибала, пролегала по возвышенным местам. В апреле все понижения залиты талой водой. В них образуются мокрые солончаки, которые даже сайгаки обегают, чтобы не увязнуть.

В первый день путешествия Чокан Валиханов проехал два перегона. В своем путевом дневнике он записал: «Все пикеты по Аягузскому тракту пользуются водой из колодцев, до Аягуза их шесть». Чего шесть — пикетов или колодцев?

Проехавшие по Аягузскому тракту Николай Алексеевич Абрамов в 1854 и 1857 годах и в августе 1856 года Петр Петрович Семенов (Тянь-Шанский) называют девять пикетов, а официальные источники — десять [5]. Вот их названия от Семипалатинска до Аягуза с указанием числа верст между ними: Улугузский — 25, Аркалыкский — 22, Ащиккульский — 27, Джартагасский — 27,5, Кызыл-Моллинский — 26, Аркатский — 26,5, Алжан-Ады-

ровский — 24, Узунбулакский — 24,5, Енрекейский — 26,25, Алтын-Кулакский — 22,75, Аягуз — 26,25.

Следовательно, только у шести пикетов имелись колодцы, остальные четыре пикета располагались вблизи рек.

Организованная относительно регулярная перевозка пассажиров и почталыонов с казенной почтой стала осуществляться с 1831 года. Для обеспечения безопасного (от дорожных разбойников) проезда пассажиров, которыми тогда могли быть только чиновники и офицеры, по тракту через определенные расстояния создали пикеты, в которых поселили небольшие команды казаков Сибирского казачьего войска. Они были обязаны не только сопровождать проезжающих с целью охраны, но содержать по две-три пары лошадей для подмены, обеспечивать пассажирам ночлег и возможность переждать непогоду. Таким образом, пикеты выполняли функции почтовых станций.

В первые годы существования почтового тракта Семипалатинск — Аягуз каждый пикет представлял собой несколько казахских юрт, огороженных дувалом из дерна. Потом постепенно возводили постоянного типа сооружения: жилой дом, который называли казармой, и хозяйственные постройки: конюшню, навес, сарай-овсяник с погребом-ледником для хранения скоропортящихся съестных продуктов.

На пикетах Улугузском, Аркалыкском, Ащиккульском, Джартасском, Кызыл-Моллинском, Аркатском и Алтын-Кулакском жилые дома были срублены из сосновых бревен. Крыты тесом. Стены жилого дома Узунбулакского пикета, как и Алжан-Адыровского, — из хворостяных плетней, обмазанных с обеих сторон глиной. Крыша камышовая.

Состояние жилого дома Узунбулакского пикета к 1857 году было настолько плохим, что к началу следующего года начали строительство нового из камня-плитня-

ка на глиняном растворе. К осени 1860 года были сложены стены. В следующие два года стены оштукатурили, над ними устроили крышу из кровельного железа, поставили оконные и дверные переплеты. На чердак вела лестница. В новом пикетном здании были сложены две голландские печки. В 1860 году строительные работы выполнялись двадцатью солдатами, присланными из Семипалатинска от 7-го линейного батальона, как раз того, в котором служил до июля 1859 года Федор Михайлович Достоевский.

Новое здание получилось несравненно просторнее и красивее старого. Узунбулакский пикет зарисовал в своем дорожном альбоме уже упоминавшийся нами тобольский художник Михаил Степанович Знаменский, проезжая по тракту в апреле 1864 года [6]. Благодаря этому обстоятельству мы имеем счастливую возможность в какой-то мере представить себе пикет. Знаменский изобразил старый пикетный дом справа, новый — слева. Рисунок полностью соответствует описанию пикета в официальных документах за 1860—1862 годы [7].

Жилой дом Енрекейского пикета был сложен из камня-плитняка и крыт тесом. Хозяйственные постройки на многих пикетах сооружались из хворостяных плетней, а на Узунбулакском, Кызыл-Моллинском, Джартасском и Ащиккульском были сложены из дерна.

Ко времени проезда Чокана по тракту многие пикетные дома обветшали. Из переписки командира 8-го казачьего полка Гулькевича с семипалатинским губернатором от 12 января 1861 года мы узнаем, что «на Удугузском пикете, где помещаются нижние чины, потолок угрожает падением, и в этой же комнате передний угол и стены ниже окон совершенно прогнили..., сырость и тяжелый воздух подвергают людей болезням. На пикете Аркатском в комнате для проезжающих пол проваливается от сгнивших под оным стоек».

Современник Чокана, а возможно, и лично ему знако-

мый казачий офицер Михаил Путинцев в своей статье довольно ярко описал пикеты [8]. «Пикет — домик, построенный или невдалеке какой-нибудь речки, или, за неимением ее, близ озера или колодца... Домик заключает в себе казарму для семи, двенадцати, а иногда, смотря по важности пункта, пятнадцати казаков. Небольшие сени отделяют казарму от комнатки для проезжающих. Если на пикете живет офицер, то он помещается в этой комнатке, отделяя себе дощатой перегородкой или просто ширмой из кошмы уголок для постели. Но офицеры живут не на многих пикетах, например, по Сергиопольскому тракту только двое из них обречены на пикетную жизнь.

На пикете есть также конюшни, завозни, сарай, погреб и прочие службы. Все эти здания большею частью обнесены рвом и валом для защиты от нападений... Цель пикетов заключается в том, чтобы обезопасить сообщения между степными округами... Зимой пикет обыкновенно до самого верха занесен снегом, остаются только узкие дверцы, ежедневно очищаемые казаками от снега для прохода в казармы и в службы».

За рвом и земляным валом, а на иных пикетах за дувалом из дерна казаки складировали накошенное летом сено — корм для лошадей и коров. Коров держали на пикетах из-за молока, которое сами употребляли в пищу, а часть продавали проезжающим пассажирам. На иных пикетах предприимчивые казаки держали кур. Яйца также продавали. Перед пикетным домом стоял фонарный столб. На ночь в фонаре зажигали сальную плешку или свечу, чтобы ямщики издали видели место расположения пикета. Тусклый огонек фонаря в особо темные ночи служил путеводной звездой, а в зимнюю непогоду иногда был поистине спасительным для запоздавших ямщиков.

Казаки, поселенные в пикетах, служили не менее года, потом их сменяли другие. Они выполняли обязанности ямщиков и военизированной охраны. Мелких чинов-

ников, почталыонов и младших офицеров в дороге сопровождали два-три всадника-казака. Каждый имел пику, саблю и гладкоствольную винтовку. Пикетные казаки летом заготавливали сено и топливо на зимний период. Занимались ремонтом хозяйственных построек, сбруи и всего инвентаря. Для соблюдения дисциплины из среды поселенной на пикете команды казаков назначался так называемый тогда командующий пикетом, или староста. Иначе говоря, это был станционный смотритель. Старостой пикета назначали смышленого и, конечно, мало-мальски грамотного рядового казака, чтобы он мог вписывать в подорожную пассажира время приезда и отъезда его из пикета, составлять начальству несложные отчеты и рапорты о состоянии нехитрого хозяйства, о происшествиях и нуждах.

Для контроля за деятельностью старост 2—3 пикетов назначался младший офицер. Он был обязан не менее двух раз в месяц проезжать по закрепленной за ним дистанции, чтобы проверить четкость исполнения казаками повседневных обязанностей по содержанию лошадей и пикетного имущества, а также по перевозке пассажиров.

Служба казаков на пикетах была очень нелегкой, а главное — до одури монотонной, скучной. Все они были молодыми людьми в возрасте от 20 до 25 лет. Оторванность от семьи и родной станицы угнетала. Служба на степных пикетах воспринималась как тяжелое наказание. Всякий проезжающий по тракту вносил ненадолго какое-то разнообразие. Казаки получали кое-какую информацию о жизни за пределами их одинокого пикета.

На каждом пикете производилась смена лошадей и ямщика. Уставшие лошади, пробежавшие перегон в 25—30 верст от пикета до пикета, выпрягались, новый ямщик впрягал в тарантас свежих лошадей. Эта процедура занимала 10—15 минут, за которые путник, должно быть, успевал немного размяться, напиться воды или паскоро перекусить из взятой в дорогу провизии.

Ночь с 18 на 19 апреля Чокан провел, вероятно, в Джаргасском пикете, а следующую — в Узунбулакском. В августе того же 1856 года П. П. Семенов (Тяи-Шанский) провел одну ночь на Аркатском пикете. Но он предпочел почевать под открытым небом в своей коляске, а не в помещении пикета.

В Аягуз Чокан приехал поздней ночью 20 апреля. Здесь провел более суток. «Аягуз — маленькая станица, в нем окружной приказ для управления наймановских родов... Маленькая крепость, форштадт, где несколько деревянных домов, мечеть в Татарской слободке и землянки. По новому положению с основанием Семипалатинской области он называется городом, и несколько чалаказаков составляют его гражданство. Чалаказак — т. е. полуказак (киргизы называют себя казак) — называются выходцы из среднеазиатских владений, вступившие в русское подданство с записанием в киргизские волости на общих с киргизами правах», — записал Чокан Валиханов свои небогатые впечатления о городе Аягузе [4].

После полудня 22 апреля он выехал. Через разлившуюся в половодье Аягузку переправился на ненадежном пароме из двух спаренных лодок. Устройство парома — проще некуда. На параллельно установленные лодки уложен настил из толстых досок. По периметру настила устроено перильное ограждение. Грузоподъемность парома — вес трех лошадей, телеги и четырех — шести человек. Телегу расчалками привязывали к столбикам, а под колеса подкладывали брусья. Лошадиные морды коротко привязывали к брусьям перил. А пугливых лошадей даже стреноживали, чтобы во время переправы они не вздумали выпрыгнуть с парома.

Летом, когда спадает половодье, Аягузку переезжали вброд. Паром за ненадобностью вытаскивали на берег. Им пользовались в весенние разливы с 1847 года. Паром содержали аягузские казаки Степан Литвинов и Григорий Чуркин [7]. Паромщики каждому жаловались, что

из-за ветхости лодок переправа небезопасна. Надо бы заменить их на новые, да начальство не дает ни леса, ни денег. Благо, что движение редкое.

Когда в последний раз, в апреле 1864 года, Чокан переезжал реку Аягуз, царовщики могли сообщить ему, что в Аягузе и Семипалатинске поговаривают о необходимости построить мост через Аягузку. Но это будет осуществлено, однако, только спустя 23 года.

От Аягуза начинались Семиречье и Капальский почтовый тракт протяженностью 364 версты. На тракте имелось двенадцать пикетов. Михаил Путинцев в 1865 году описал состояние пикетов: «От Сергиополя до Капала почти все пикеты очень ветхи, покосились, словно дряхлые старухи. Комнаты для проезжающих до того холодны, что нет возможности побыть в них и четверти часа. В грязных каморках и сверху и снизу дует, и справа и слева свободно врывается сквозной ветер. Поэтому мы, где случалось нам ночевать, спали в казармах, на казачьих кроватях. Здесь гораздо теплее, чем в комнатах для проезжающих» [8]. Гейнс дополняет: «...бывали и такие станции, с которых мы сбегали с большим удовольствием. И теперь еще со страхом вспоминаешь про холод, искусно перемешанный на подобных станциях с угаром, про разбитые стекла, грациозные кучечки снега на подоконниках, непритворяющиеся двери и проч. На таких станциях с особенным злорадством читаешь жалобную книгу и уж куда как хочется присоединить еще одну ехидную ябеду» [9].

За Аягузом Валиханов видел: «Вся степь была покрыта светлым ковром зелени. Листья на карагане, таволге и тальнике были уже распущены, да и самое солнце грело более теплым, южным огнем... Прибрежные дуга были богаты кормовой и сенокосной травой» [4]. К ночи он доехал до первого пикета — Среднеаягузского. Здесь быстро сменили уставших лошадей на свежих. Глубокой ночью проехал Талды-Кудукский пикет. Чокан предпо-

лагал еще до рассвета доехать до Кызыл-Кийского пикета с тем расчетом, чтобы при восходе солнца на полпути до следующего, Малоаягузского, пикета посетить известное всем казахам надгробное сооружение Козы-Корпеша и Баян-Слу.

В дневнике Чокан Чингисович записал: «...нам хотелось встать там в утро и на могиле выпить чаю. Приятно в дороге пить чай, особенно на развалинах, на древних могилах. Думать о прошедшем и заботиться о настоящем. С этой целью ямщику приказано было ехать так, чтобы только утром при восходе солнца, когда жаворонок поет первую свою песню, когда с одной стороны мрак и ночные тучи уходят на север, с другой — с востока восстает утреннее багровое солнце и свет приятно освещает верхи деревьев, воду каким-то чудным светом, чтобы в этот поэтический час он был у могилы. Человек предполагает, но бог располагает. Всю ночь крупные капли дождя стучали по зонту тарангаса. Истомленные лошади, скользя по грязи, перебирались шагком. Только усиленное хлопанье бича и фыркание усталых коней и отчаянные крики ямщика нарушали однообразный бой дождя. Скверная была ночь, и скверно было ехать. В тревожном сомнении, чтобы дождь не помешал задуманному плану, я несколько раз обращался к ямщику с вопросом: «Ну что, не разъяснело?» Ямщик, промокший до костей, брезгливо отвечал: «Нету», — и потом, в виде обращения к судьбе, прибавлял: «Эка погода! брр...» И отряхнул набравшуюся на колени воду. Жаль мне было ямщика — если бы ехали скоро, он давно бы отдыхал на теплой печке. Жаль было и памяти прекрасной Баяны. Так мы ехали час.

— Ваше благородие, — отнесся ямщик, — вот и могила!

Я высунул голову. Солнце тускло выходило из-за угрюмых туч, все небо было покрыто сплошной массой грязно-матовых облаков, дождь шел, как прежде, замы-

лившиеся лошади едва тащились по грязному солончаку, направо за рекой виднелся через верхи тополей остро-конечный шпиль могилы: она казалась сложенной из красного кирпича. В такую погоду нечего было думать о чае и комфортабельном осмотре киргизского антика.

— Кажись, и река в разливе, ваше благородие: не переедете, — заметил ямщик, как бы угадав мою тайную мысль.

— Ну, поезжай вперед, посмотрим в обратный путь, — сказал я и, завернувшись в шубу, повернулся на правый бок и закрыл глаза, чтобы уснуть» [10].

Могилу Козы-Корпеша и Баян-Слу Валиханов посетил осенью того же года, когда возвращался из Семипалатинска в Омск. Сохранились его карандашные зарисовки четырех каменных изваяний.

Проехавший по тракту вскоре после этого, в мае 1857 года, Н. А. Абрамов собрал предания об этих памятниках далекого прошлого.

Изваяния когда-то стояли внутри надгробного сооружения, но потом их кто-то вынес и установил с внешней стороны, прислонив к стенке. Из рисунка Валиханова видно, что одно изваяние обезглавлено, а другое разбито на две части. Но оно установлено, и верхняя часть поставлена на нижнюю.

Изваяния были вынесены из надгробного сооружения, скорее всего, пикетными казаками, которые во время сенокосения прятались в нем от жаркого летнего солнца.

Николай Алексеевич Абрамов, знакомый, хотя и поверхностно, Чокану Валиханову, работал начальником хозяйственного отделения Семипалатинского областного управления. Известен по многочисленным публикациям из истории иртышских городов и Восточного Казахстана.

На пикете Малоаягузском казаки рассказали Абрамову суть легенды о Козы-Корпеше и Баян-Слу. Он записал краткий рассказ и опубликовал его в «Археологичес-

ком журнале» в 1858 году, а затем легенду перепечатала газета «Тобольские губернские ведомости».

Как известно, сюжет этой легенды был известен еще А. С. Пушкину, но в пересказе русских путешественников по степи. Ценность публикации Абрамова в том, что его вариант легенды был записан непосредственно на месте описываемых в ней событий.

Проливной дождь и в связи с этим поднявшийся уровень воды в Аягузке, как уже знаем из дневника, не позволили Чокану осмотреть достопримечательность. Он вынужден был без остановки продолжать свое путешествие. Проехал Малоаягузский пикет. И только на Джусагачском пикете сделал относительно длительную остановку, чтобы позавтракать. Он вез с собою походный сундук, в котором находились съестные припасы. Пикетные казаки подали кипяток. Чокан изготовил крутую заварку и пил чай.

Арганатинский пикет размещался среди гор в ущелье, вблизи немногочисленного ручья с удивительно чистой и вкусной водой. Тракт открыли в 1848 году, и ко времени первого проезда по нему Валиханова на Арганатинском, Ащибулакском, Лепсинском, Басканском и Аксуйском пикетах уже были выстроены дома, большей частью из бревен, привезенных из Шульбинского соснового бора.

После завтрака на Джусагачском пикете Валиханов выехал на Ащибулакский, а к вечеру подъехал к реке Лепсы. Здесь только что было закончено сооружение парома, построенного солдатами Капальского гарнизона по указаниям и при наблюдении инженера П. А. Никитина. Паром из двух спаренных плоскодонных лодок действовал со времени вскрытия реки до ледостава [11]. Пока ямщик и паромщики готовились к переправе, Чокан, вероятно, перекусил снедью из своих дорожных припасов. Пикетные казаки могли предложить чайник с кипятком. Пикетный дом стоял на правом берегу Лепсы.

«По берегу реки, к горе, по направлению к устью Леп-

сы, виднелись киргизские могилы. Им не было счета. Следы зимовок видны были по дороге... Лепсы берет начало из склона Алатавских гор и впадает в Балхаш. Вода в ней глубока. По берегу ее растет довольно густой лес — тополи, осиновый тальник, джида, жимолость. Устье же покрыто густым и высоким камышом. В камышах этих бывает много разных птиц и попадаются тигры. Однажды тигр ночью искусал часового на пикете» [12], — такую информацию лепсинских казаков записал в дневнике Чокан. Он обратил внимание, что на Лепсы очень много гусей, еще больше лягушек. Неумолчные крики и тех и других раздражали. Чтобы меньше слушать их, Чокан заткнул себе уши кусочком ваты на время, пока отъехали от реки. Ночью он чутко спал в тарантасе. Слышал, как вброд переехали Баскан и к утру прибыли на Аксуйский пикет. Он стоял на правом возвышенном берегу реки Аксу. От Лепсы до Аксу дорога пересекала сплошной песчаный массив. Поэтому за долгую восьмичасовую апрельскую ночь удалось проехать всего 57 верст. Такое расстояние по более твердой дороге проезжали всего за 5—6 часов.

Через Аксу переправились на пароме, также построенном под наблюдением инженера Никитина совсем недавно. На Аксуйском пикете при восходе солнца Чокан любовался открывшейся панорамой еще далекого хребта Джунгарского Алатау, или, как тогда говорили, Алатавских гор. «Дальняя синева этих гор, — записал свои впечатления Чокан, — пестрела высоко, соединяясь с облаками. Местами верхи выходили из-за туч; восходящее солнце разливало на них багрово-блестящий, свет. Картина удивительная». На этом пикете Валиханов немного отдохнул, размялся и позавтракал. За рекою лежала ровная степь. «Направо и налево от дороги виднелись могилы в виде крепостцы с бастионами или сферического вида, большей частью были первой формы. Попадались табуны лошадей, баранов, и вдали белели киргизские юрты» [12].

Чокан решил заехать в юрту султана, чтобы вышить чашку-другую свежего кумыса. «Увидевшие нас киргизы спешили скорее убраться, и когда мы остановили пастуха, чтобы узнать, где кочует султан, то бабы в ауле подняли шум. Аул шумел. Из одной юрты в другую шныряли бабы, звали кого-то по имени, должно быть, бия.

— Моего барана они взяли,— говорила одна крикливая марджа».

После такого беспричинного и неожиданного обвинения Чокану уже не хотелось отвезать кумыса и не стал нужен султан. «Мы поехали дальше, и аул начал успокаиваться. Только далекое шавканье упомянутой бабы доходило до нас: нет сомнения, она благодарила аллаха, что он спас своим всемогуществом ее барана от русских»,—язвил Чокан в свое утешение.

На этом обрывается описание его первой поездки к Верненскому укреплению. Но проследить его путь и представить то, что он видел, дают нам возможность другие источники.

В 25 верстах от Аксу находился Карасуский пикет, на который Чокан приехал во второй половине дня 24 апреля. В том же 1856 году на Карасуском пикете Чокан проездом побывал еще три раза. В самых последних числах июля он возвратился из Иссык-Кульской экспедиции. В Капале познакомился с горным инженером Н. Ковригиным, который готовился съездить на золотые прииски в урочище Иргайлы на реке Тентек. В дневнике Чокан записал: «Мне хотелось видеть Ойджайлеу, лучшее место в степи, как говорили многие, и, пользуясь случаем, взялся сопутствовать господину Ковригину».

Следует пояснить, что именем Ойджайлеу называлось урочище, где в 1855 году образовалось казачье поселение Лепсинское, которому казахи присвоили свое наименование «Чубарагач». В переводе на русский язык это название означает «пестрое дерево», вернее, «пестрый лес».

Ковригин и Валиханов в полдень выехали из Капала.

Заночевали на Арасане и утром благополучно проехали перевал. На Карасуском пикете, который Чокан по-казахски называет Караузом, переменили лошадей и после полудня с шестью конвойными казаками поехали по дороге к Лепсинской станице. День был жарким. Молодые люди — Ковригин, Валиханов и казаки — при переезде реки Аксу купались в ее холодных водах.

Именно у этого переезда в следующем 1857 году будет строиться Абакумовский пикет взамен ликвидируемого Карасуского. «Самый лучший в Семиреченском и Заилийском краях. Он имеет две очень просторные комнаты: одна с голландскою печью, а другая с камином, что очень нужно для проезжающих зимою. Комнаты эти хорошо меблированы диванами, стульями и столами. В связи с этими комнатами, через широкий коридор (сени) построена и удобно поместительная для казаков казарма. На дворе два большие амбара, конюшня и поднавес. Все эти здания из необожженного кирпича, оштукатурены и крыты тесом». Такое описание Абакумовского пикета нам оставил Н. А. Абрамов, побывавший на пикете в 1860 году [13]. Таким видел пикет Чокан Валиханов в 1859 и 1864 годах. Кстати, меблирован пикет был на средства, пожертвованные С. М. Абакумовым — казальским знакомым Валиханова.

Покинув берег Аксу у места расположения будущего Абакумовского пикета, Ковригин и Валиханов к ночи подъехали к реке Баскан, преодолев тридцативерстное расстояние часа за три. Молодые люди, отправляясь из Капала в путешествие, не запаслись провизией, надеясь у Баскана встретить какой-нибудь аул, в котором сумеют купить на ужин и завтрак баранину, молока и хлебных лепешек. Но просчитались, аула не встретили. Посетовав на легкомысленную непредусмотрительность, вызванную надеждой на русский «авось», путники приготовились к ночлегу под открытым небом. Но «аллах в милосердии своем,— иривизировал в путевом дневнике Чокан,— не

хотел, чтобы его грешные слуги лежали без пищи и крова: к ночи с гор спустились аулы и наткнулись на нас». Казахи поставили путникам юрту и накормили. «Пока ставили нам юрты и мы были в невольном соседстве, они очень беспокоились, кричали и из благоразумия удалили всех девок вперед, а которые из них не успели уехать, оделись в изорванные халаты и измазали лица грязью, чтобы быть хуже... Утром к нам пришел султан спускающихся с гор аулов аргынцев. Султан объяснил, кто он, причем заметил, что ...привез бурдук кумызу. Просил извинить. После долгого и миролюбивого разговора султан, как неглупый человек, смекнул, что мы чиновники так себе, выродки между чиновниками, возвысил голос и продал в тройной цене барана, которого прежде предлагал даром.

Казаки, нас сопровождавшие, потешались между собой, косо посматривали на нас, и один остряк заметил, кстати, что «мирного Миколу телята лижут». Этим он намекал на нахальное поведение султана, который прежде, когда они ездили с заседателем, не смел даже при них дышать», — делился своими наблюдениями Чокан в том же дневнике [14].

Вблизи того места, где они ночевали, в апреле 1858 года стали строить Саркандский пикет и возле него поселили 22 казачьи семьи из Капальской и Лепсинской станиц. А в следующем, 1859 году сюда приехали и поселились две крестьянские семьи. Казаки в станицах разобрали и перевезли в Сарканд свои дома. За эту работу окружным начальством выдано по 20 рублей каждой семье. Так возник Саркандский выселок. В 1862 году в нем уже имелось 54 деревянных дома и 2 мукомольные водяные мельницы. Жителей насчитывали 272 человека, из них мужского пола 148, женского — 124. Содержали 120 лошадей, 169 коров, 110 баранов и 53 свиньи [15].

В 1872 году в Сарканде имелось уже 150 жилых домов, в том числе кирпичные дома станичного правления,

мужской и женской школ. Каменная церковь и дом попа стояли на обширной площади, по периметру которой высажены серебристые тополя. В 1875 году выселок переименован в станицу. Через реку Саркан в 1871 году построен «большой прекрасный деревянный мост» [16].

Между реками Саркан и Баскан в начале шестидесятых годов инженером Никитиным было построено три моста через безымянные то ли речушки, то ли арыки.

Ковригин и Валиханов Баскан пересекли по броду, не совсем безопасному даже в период спада вод. Проехав в тот день верст сорок, путники решили переночевать в ауле на берегу реки Теректы в урочище Алмалы. Отсюда начинались прекрасные сенокосные угодья. Склоны гор были покрыты елями, а их подножья — тополями.

Утром, выпив по чашке айрана, Ковригин и Валиханов, не сходя с тарантаса, бродом пересекли незначительную горную речушку Теректы, а вскоре, не без некоторого риска, и Агныкатты. Наконец, достигли Лепсинского поселения — цели поездки Чокана. С последнего перевала любовались панорамой гор и Чубарагачской долиной, по которой текла река Лепсы. Долина имела эллипсообразную форму, была длиной до 12 и шириной до 7 верст. Красотой долины любовался и П. П. Семенов-Тянь-Шанский в 1857 году. Он писал: «Вообще Чубарагачская долина представляет местность..., не менее привлекательную, чем лучшие долины французских Вогезов и Гардта в Баварском Пфальце, с которыми имеет большое сходство в своем осеннем убранстве» [17].

Заселение станицы Лепсинской, как, впрочем, и всех населенных пунктов Семиречья, производилось организованно. Желаящим переехать на жительство в Семиречье выдавали по 55 рублей на семью единовременного пособия и по три с половиной копейки на члена семьи за каждые сутки нахождения в пути. По прибытии к месту поселения переселенцам бесплатно выдавали годовое хлебное довольствие и зерно для первого посева. С поселен-

цев снимались все прошлые недоимки, гарантировалось двухлетнее освобождение от воинской повинности. На каждую мужскую душу нарезалось до 30 десятин хлебопашотных и сенокосных угодий (18, 19). Бедных крестьян такие льготы и пособие вполне устраивали, и они соглашались переезжать в Семиречье из своих родных мест в Воронежской, Тобольской и Томской губерниях. Чокан Валиханов дополняет П. П. Семенова-Тян-Шанского: «Станица стоит в долине, окруженной со всех сторон горами. Станица основана в 1854 году, дома только строятся, там водворена была сотня 10-го полка, теперь же пришло до трехсот семейств крестьян из Тобольской губернии» [14]. Видимо, это записано с чьих-то слов, так как не все сведения в деталях точны. А именно — Лепсинская станица стала заселяться только с 1855 года, «когда здесь поселились семьи двух офицеров и 95 казаков. 11 мая 1856 года прибыла первая партия крестьян из Томской и Тобольской губерний. 22, 24 и 28 июня и с 1 июля прибывали новые группы поселенцев. За 1856 год в станице Лепсинской поселилось двести крестьянских и девяносто семь казачьих семей. Крестьян записали в казачье сословие», — авторитетно засвидетельствовал Н. А. Абрамов [20].

Таким образом, новоселы появились на урочище Чубарагач незадолго перед приездом сюда Ковригина и Валиханова. Им довелось наблюдать далеко не идиллическую картину жизни первых поселенцев, тем более только что прибывших. Они жили по-цыгански, «табором», под открытым небом. Кто был пооборотистее, тот разместил свои семьи в юртах. Но большинство довольствовались тем, что детей прятали от солнца под телегами или в парусиновых шатрах. На поднятых вверх оглоблях висели люльки, молодухи убаюкивали младенцев. Рогожка, привязанная к веревкам люльки, защищала младенцев от жаркого июльского солнца. У телег на треноге висели таганцы, под ними курились сухой конский навоз

и сырые дрова. В таганцах варилась скудная крестьянская еда. Мужчины занимались рубкой леса в горах и подвозкой бревен, готовясь к осени срубить хаты.

Те, кто поселился здесь еще с 1855 года, уже имели вчерне законченные отделкой дома. Во дворах они строили из осиновых плах сараи, навесы, заборы. Повсюду визжали пилы, стучали топоры, плакали дети и кричали бабы. Ленсинская станица представляла собою сплошную строительную площадку, земля была усыпана свежими стружками. К концу 1856 года здесь жили 200 крестьянских семей и 194 казаки [20]. По данным П. П. Семенова-Тян-Шанского, в 1857 году в Ленсинской станице насчитывалось 440 домов и проживало 2216 человек, в том числе мужчин 1158, а женщин—1058 [17].

Через девять лет посетивший Ленсинскую станицу почитатель Чокана А. К. Гейнс писал: «Ленсинская станица, или, как ее называют киргизы, Чубарагач, едва ли не самое цветущее поселение в степях. Местность, в которой она лежит, чрезвычайно живописна... Станица весьма опрятна, велика и хорошо устроена. Богатство жителей находится в зависимости от очень многих причин. Черноземная почва на предгорьях не требует ирригации и без поливки... дает баснословные урожаи. Особенно хороши бывают урожаи проса, пшеницы и ярицы. Богатые сенокосы покрывают всю долину.

Несмотря на безжалостное истребление лесов, которыми покрыты горы, деревья на постройки и топливо, вероятно, хватит еще на настоящее поколение. Окрестные горы изобилуют всякого рода дичью. Но все эти богатства ничтожны по сравнению с выгодами, доставляемыми жителям пчеловодством. Ленсинский мед, благодаря обилию душистых трав и цветов в долинах, чрезвычайно ароматен... В Ленсинскую станицу пчелы завезены с Бийской линии казаками, пришедшими оттуда для ее заселения» [9]. В 1865 году в станице имелось уже 500 домов, не считая хозяйственных и вспомогательных построек.

В строящейся Лепсинской станции Чокан прожил несколько суток и оттуда снова возвратился в Капал через Карасуский пикет. В октябре того же 1856 года Чокан проездом побывал в четвертый раз на Карасуском пикете.

Однако возвратимся к апрельским дням. На Карасуском пикете Чокан остался ночевать, с тем чтобы утром 25 апреля продолжить путешествие. Глядя на ночь пускаться в путь к Арасанскому пикету было более чем легкомысленно. На этом перегоне длиной в 22 версты требовалось преодолеть тяжелый и небезопасный перевал. В сумерках, а тем более темной ночью, немудрено и свалиться с обрыва.

Выехал рано утром. Дорога вошла в темное и мрачное ущелье, круто, замысловатыми зигзагами поднималась к верхней точке перевала. Лошади быстро уставали. Когда они останавливались на пятиминутный отдых, ящик моментально подкладывал камни под колеса, чтобы тарантас не скатывался вниз. Слева и справа вздыбились скалы красноватого и бурого цвета. Они так высоки, что редко здесь видно солнце—только в летнюю пору. Ночью в ущелье не видно ни зги. Тишина—гробовая, ее нарушает лишь ручей, сбегая с камня на камень, а днем здесь слышится щебетанье скворцов да стрижей. Ими усыпаны скалы. С перевала открывается величественная панорама Джунгарского хребта, изумрудной зелени долины Джунка. Блестит полоска реки Биен. Оглянувшись назад, видишь бескрайнюю степь. Четкого горизонта нет. Далекодалеко степь и небо сливаются в широкую полосу серой дымки. В долине Джунка на берегу реки Биен белеют домики Арасана. Пикет здесь создан еще в 1848 году, а возле него с 1855 года возникло казачье поселение из нескольких семей.

Приехав на Арасан, Чокан узнал, что поселенцы перезимовали в здании, где летом производился отпуск минеральных вод. За осень прошедшего года и первую половину 1856 года они заготовили бревна и уже приступили к

возведению стен. Были видны связанные в лапу венцы будущих домов, уже построены навесы и загоны для скота.

Летом 1856 года сюда подселили еще десять казачьих семей. Когда осенью того же года Чокан вновь проезжал Арасанский пикет, то видел уже улицу, застроенную новенькими бревенчатыми домами. За околицей выселка желтела стерней убранная нива.

А к последнему посещению Чоканом, весной 1864 года, в Арасанском выселке насчитывалось до ста сорока жителей. Имелась небольшая саманная церковь и двадцать девять жилых домов. Жители содержали 153 лошади, 122 коровы, 49 овец, 49 свиней и 15 коз [15, 16]. Здесь можно было купить, и очень дешево, для дальнейшего путешествия печеный хлеб, творог, масло. В ста метрах от выселка находился минеральный источник, над которым еще в 1850 году было построено деревянное здание из трех обширных комнат. В июле 1856 года здесь ночевали Ковригин и Валиханов — в неприятном обществе бахвала и пьяницы Тынеке Дюсетова [14].

На Арасанском пикете Чокану быстро сменили лошадей, и перед закатом солнца он въехал на улицы Капала. В первое посещение Чоканом Капал продолжал строиться. Застранивали хозяйственными сооружениями свои дворовые участки старожилы, строились новоселы. Возводились в крепости казенные здания.

Капалу предрекали блестящее будущее, но прогнозы уже вскоре не оправдались. Он быстро развивался лишь до 1867 года. Как только стал расширяться областной город Верный, быстрое развитие Капала стало угасать, и уже в начале семидесятых годов было ясно, что будущего у Капала нет — ему не вырваться из заурядного положения уездного городка.

Число жителей Капала в 1862 году составляло 5325, из них мужчин 3343, женщин — 1982. Диспропорция полов была образована скоплением большого числа военно-

служащих: полторы тысячи казаков Сибирского 10-го полкового округа и более девятисот солдат линейного 6-го батальона.

В 1862 году в Капале родилось 163 ребенка, а умерло 96 [15]. Из пяти родившихся умирало трое. Для нас, людей XX века, такая высокая детская смертность невероятна, ужасна. Но в прошлом она была обычным явлением и мало беспокоила царских администраторов. В Аягузе, например, детская смертность среди мальчиков была еще большей, а в иные годы даже превышала рождаемость.

Перед застройкой Капала ближайшие прилавки гор были покрыты лесом. Застройщики бессистемно и безжалостно рубили лес. Из целых бревен возводили не только дома, сарай, риги и бани, но даже заборы. Прекрасный строевой лес рубился даже на топливо. Когда в последний год своей жизни Чокан был в Капале, то ближайшие склоны прилавков уже оказались безлесными. Власти слишком поздно спохватились, когда запретили употреблять в качестве топлива лес, производить порубки вблизи города. Для рубки строевого леса отвели делянки в 25 верстах от Капала в очень трудных для вывозки бревен ущельях [21]. Завели «лесных сторожей», то есть лесняков. Этими мерами несколько ограничили стихийное уничтожение лесов.

В Капале 50—60-х годов XIX века можно было купить многое: швейную иголку и бегового скакуна, китайскую фарфоровую вазу и бутылку бургундского вина. Торговля в капальских лавках велась бойко, но стоимость товаров была чрезвычайно высокой. Например, бутылка шампанского продавалась по 3,5—4 рубля. Чтобы понять, насколько высока эта цена, надо иметь в виду, что тогда на поденной работе землекоп, плотник или каменщик зарабатывал всего по 12—15 рублей за месяц. Очень высоким считалось жалованье в 25 рублей.

В Капале проживало до 35 чиновников гражданского ведомства и до полусотни офицеров. Среди этой интеллигенции имелись люди весьма образованные, с творческими наклонностями. Иногда появлялись их статьи в газете «Тобольские ведомости», в столичных журналах.

Около города был разбит сад. В нем построен павильон, в котором иногда по вечерам играл полковой оркестр. Офицеры и чиновники танцевали под духовую музыку. Возле танцевальной площадки толпились взрослые и дети. Приходили и казахи посмотреть, как развлекаются господа [22].

В городе имелась своя достопримечательность — естественный грот в овраге. Из стен грота бесчисленными струйками вытекала вода. Отсюда начинался ручей. Днем, когда лучи солнца проникали в глубину грота, у входа образовывалась разноцветная радуга. И ночью при лунном освещении грот был не менее привлекательным. Лунные лучи, преломляясь в капельках воды, фосфорическим светом освещали его, усиливая таинственность этого уединенного уголка. Грот и днем и ночью посещался лирически настроенными офицерами и влюбленными парочками. От казахов капальцы знали печальную легенду, объясняющую происхождение грота. Когда-то в далекие-далекие времена молоденькая и красивая султанская дочь полюбила сына чабана. Родственники девушки не могли понять ее счастья, и, тем более, допустить встречи с простолудином. Для нее подобрали «достойного» жениха — высокого происхождения, богатого, но старого. Со своим возлюбленным она убегает из-под родительского крова. За беглецами посылается погоня. Влюбленные были настигнуты в овраге и убиты. С тех пор грот оплакивает-де их горькую участь.

Чокан Валиханов в Капале бывал не раз. И с этим городком связана его служебная и творческая жизнь. В июле 1856 года он встречался здесь с купцом Исаевым, от которого при содействии подполковника С. М. Абаку-

мова получил интересную и обширную записку о приключениях, случавшихся с ним во время торговых поездок по степям и горам Киргизии. Эта записка сохранилась в бумагах Чокана. В 1858 году Чокан готовился в Капале к своему путешествию в Кашгар, а возвращаясь из путешествия в следующем году, опять побывал в Капале. Осень и зима 1864 года прожиты Чоканом здесь. Он лечился у окружного врача Соболевского. В это время Валихановым была составлена для военной газеты «Русский инвалид» обширная корреспонденция «Восстание дунган в Западном крае Китайской империи» [23]. Она была опубликована в 1865 году, уже после смерти автора.

Корреспонденция написана в полном соответствии с обычаями того времени — в форме письма к читателям. Для историков корреспонденция является сейчас ценным первоисточником. В ней Чокан впервые решил загадочный вопрос о происхождении дунган — от древних уйгуров, окитавшихся еще в средние века.

В свой первый приезд Чокан ненадолго задержался в Капале. Может быть, на сутки, двое, но не более. Он торопился успеть в укрепление Верное до выхода из него экспедиционного отряда Хоментовского. А предстояло преодолеть еще 383 версты. На этом участке пути тракт обслуживался несколько лучше. Пикетные дома были более опрятными, хотя бы только потому, что их построили всего год назад. Некоторые из них все еще достраивались.

Чокан Валиханов, как адъютант генерал-губернатора Западной Сибири, безусловно, был знаком с указом Правительствующего сената от 19 мая 1854 года, которым было повелено учредить между Капалом и Верненским укреплением постоянную почтовую гоньбу и построить двенадцать пикетов. Подготовка к этому строительству продолжалась без малого целый год. В Капале и Верненском укреплении из служилых казаков и солдат формировались строительные партии. Только 3 апреля 1855 года из Верненского укрепления вышла партия строителей

в составе одного офицера, семи урядников и девяноста девяти казаков. Этой партии поручили построить семь пикетов: Заилыйский, Илийский, Чингильдинский, Карачекинский, Куянкузский, Алтын-Эмельский и Терсакканский. Технический надзор за правильностью ведения строительных работ поручался инженерам Александровскому и Гумницкому. Каждому из семи урядников выделили 16—17 рядовых, за которыми закрепили строительство одного пикета. Из Капала вышла вторая партия строителей, которой поручили построить остальные пять пикетов: Коксуйский, Джангизагачский, Карабулакский (он же — султана Сюка), Сарыбулакский и Ак-Ичкинский. Все пикетные дома были построены из саманного кирпича, только один из них — Коксуйский — срублен из бревен местной ели. Казаки, строившие пикеты, были оставлены на местах в качестве ямщиков и сопровождающей охраны, для содержания лошадей и хозяйственного инвентаря [18].

Для строительства моста через бурную горную речку Коксу от инженерного управления были командированы из Омска инженер Нечогин, а из Капала — Никитин. Место выбрали как нельзя более удачно — у выхода реки из узкой теснины на просторную долину. В качестве правой опоры использовали огромный валун. Левую опору сложили из крупных тесаных камней [24]. Пролеты моста были перекрыты деревянными балками, по которым устроен настил из плах. Известна зарисовка этого моста, выполненная в 1856 году топографом М. Спроткиным. За прошедшие 127 лет в этом створе не раз разбирались старые, обветшалые мосты и строились новые. Последний мост сооружен в 1947 году с металлическим пролетным строением. Он служит и поныне.

И Чокан, и Семенов-Тянь-Шанский, и многие другие путешественники оставили упоминания о Коксуйском мосте. Такое внимание объясняется тем обстоятельством,

что он был почти единственным в 1856 году на трактах всего Семиречья.

Вернемся к выехавшему из Капала Чокану и последуем мысленно за ним дальше. Первая смена лошадей произведена на пикете Ак-Ичке, вторая — на Сарыбулаке. В августе того же 1856 года на Сарыбулакском пикете ночевал П. П. Семенов (Тян-Шанский). Он отметил, что комната была чистой и просторной.

На следующем, Карабулакском, пикете здание из кирпича все еще достраивалось. Для проезжающих и ямщиков было поставлено несколько казахских юрт. В подобных юртах жили и строители пикетного дома.

П. П. Семенова-Тян-Шанского поразила здесь невиданная картина: «Обыкновенно все пикеты, много лет существовавшие, были расположены на совершенно обнаженной поверхности, и никаких деревьев около них посажено не было, а здесь я увидел, что около недостроенного пикета был целый садик. Но пришлось очень скоро разочароваться: садик этот состоял из довольно больших деревьев, привезенных из Каратальского ущелья и натыканых в землю в виде садика только по случаю моего приезда. Это объясняется тем, что перед моим приездом в Капал пронесся слух, что едет из Петербурга ревизор, который обращает особое внимание на растущие везде травы и деревья, почему и называется «министром ботаники». Слух этот был основан на том, что я был назван в открытом листе, данном мне Русским Географическим обществом, магистром ботаники... Абакумов после моего первого посещения Капала сделал распоряжение, впоследствии вполне удавшееся, чтобы пикеты обсаживались деревьями» [25].

Декоративный садик перед зданием пикета Чокан мог видеть при последующих проездах через Карабулакский пикет осенью того же 1856 года.

В восьми верстах от пикета П. П. Семенов впервые в Семиречье занимался этнографическими исследованиями

чалаказаков* из бывших беглых русских каторжан и археологическими раскопками. Для раскопок он нанял на пикете пять казаков с лопатами и ломом. Переводчик понадобился лишь в начале переговоров с чалаказаками. Они вскоре стали свободно объясняться с Петром Петровичем, к удовольствию обеих сторон, на русском языке.

Чалаказаки показали место находок старинных предметов и помогли в земляных работах. Петр Петрович отыскал какие-то глиняные предметы конической формы высотой до десяти сантиметров, с тибетскими надписями. По свидетельству Петра Петровича — это были предметы буддийского культа, а раскопанное сооружение — кельями тибетских монахов-отшельников [25]. К сожалению, он не нашел глиняных медальонов, которые ранее отыскивали здесь инженеры, производившие земляные работы при строительстве дороги. В 1866 году семипалатинский краевед Н. А. Абрамов сокрушался: «...при всем старании моем не дошли до меня эти древности». К этим словам П. П. Семенов, редактор статьи Абрамова в «Записках ИРГО», сделал примечание: «Я видел эти плиточки, или медальоны, у покойного Чокана Чингисовича Валиханова» [26]. Значит, Чокан оказался более удачливым коллекционером.

Летом 1858 года у Карабулакского пикета поселилось десять казачьих семей, в следующем году — восемь. В 1860 году приехало еще 18 крестьянских семей [16]. Проезжая Карабулак весной 1864 года, Чокан уже мог видеть тридцать три опрятных саманных домика под камышовыми крышами. Жителей насчитывалось сто пятьдесят пять: 89 мужчин и 66 женщин. Мужчины были записаны в казаки. На берегу Каратала крутились крылья четырех мельниц. Карабулакские казаки жили по тем временам зажиточно. У тридцати трех семей имелось 160 голов крупного рогатого скота, 95 лошадей, 84 овцы, 15

* См. объяснение Ч. Валиханова в начале очерка.

коз и 20 свиней. При каждом доме имелся огород, к небу тянулись фруктовые деревья. А перед домами, вдоль единственной улицы, росли тополя. Через десять лет в казачьем выселке Карабулаке насчитывалось 50 дворов, а к началу нашего века — 150 с числом жителей до 750 [27]. Вероятно, Чокану приходилось не раз почевать в Карабулакском пикете.

Дорога к Джангизагачскому и Коксуйскому пикетам проходила в горной местности и была опасна для проезда в ночное время. Поэтому проезжающие предпочитали почевать на Карабулакском пикете с тем, чтобы утром продолжить путешествие. Джангизагачский пикет одиноко приютился на склоне горы, вокруг было мрачно, пустынно. Только с 1872 года у пикета стали селиться семьи казаков.

От Джангизагачского пикета к Коксуйскому дорога была ненамного легче. Более десятка верст она тянулась по склонам гор, ныряла в глубокие овраги, взбиралась на возвышенные места, пока не выходила в долину реки Коксу. Восемнадцать верст она тянулась по правому берегу реки, то приближаясь к пенящемуся потоку воды, то удаляясь на целую версту. Чокан записал в дневнике: «Долина Коксу холодна. Хлеб здесь часто вымерзает. Снег сходит здесь гораздо позднее, чем в других местах Семиречья» [28].

Еще издали стали видны постройки Коксуйского пикета и постоянного двора под шатровой крышей. «Через Коксу имеется мост, при нем полагается быть станице, в которой также предполагается открыть ярмарку», — вновь записал в дневник Чокан [28]. Ярмарка не была создана. Но летом того же 1856 года здесь обосновались три казачьи семьи. Временно разместились в помещении постоянного двора. Приступили к заготовке леса для будущих домов. К зиме построили надворные сооружения для скота и нехитрого крестьянского инвентаря. Жилые дома поставили только в следующем году [29].

Осенью 1857 года прибыло на Коксуйский пикет пять семей повоселов, в 1858 году подкочевало еще пять казачьих семей из Канала [15, 16]. А 6 октября 1859 года на Коксу прибыло 17 семей тамбовских крестьян, которых тотчас же причислили к казачьему сословию.

В последний свой проезд через Коксуйский пикет в январе 1865 года Чокан мог насчитать сто жителей. Еще через пять лет здесь имелось 43 дома с числом жителей 270 [30]. А к 1876 году уже жили 370 человек обоего пола [31]. Казаки имели много скота, а по берегам реки — богатые сенокосные угодья. Разводили пчел, сеяли хлеб. Урожаи всегда были отличные, так как Коксуйская долина не знала засух.

П. П. Семенов-Тяп-Шанский не раз ночевал на Коксуйском пикете.

Проезжая в самом начале мая между Коксуйским и Заилийским пикетами, Чокан обратил внимание, что степь была густо покрыта дикорастущим маком, от которого местами была красной или оранжевой. Бодро бежали лошади по торной дороге, невысохший грунт которой был еще мягким и податливым под колесами. Поэтому тарантас на мелких неровностях дороги не «лихорадило», как в летнюю пору. Проехал Алтын-Эмельский, Куянкузский, Карачекинский и Чингильдинский пикеты.

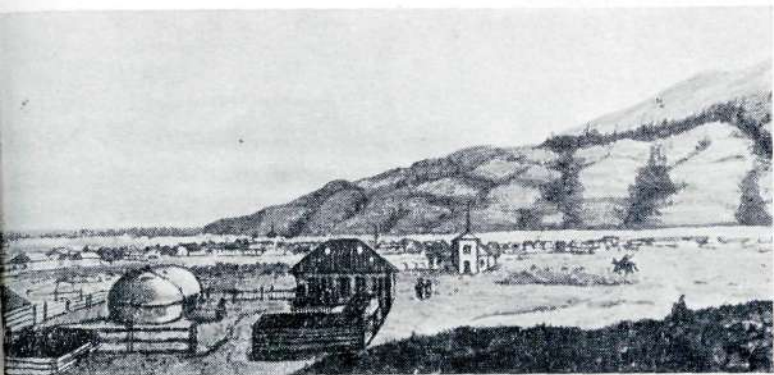
Через эти же пикеты Чокан вторично проезжал в июне того же года, завершив путешествие на озеро Иссык-Куль и возвращаясь из Верного в Канал.

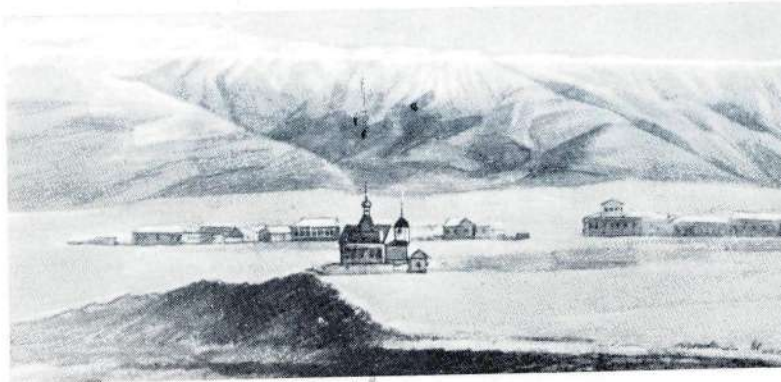
В пяти верстах от Карачекинского пикета ямщик поведал, что здесь обнаружены залежи удивительного камня калыпташа. Свежевырытый, он легко режется и поддается обработке. Из него изготавливают посуду, различные безделушки, формы для отливки пуль и надмогильные камни. Калыпташ имеет различные оттенки — от красного до серого. Только ночная пора не позволила Чокану удовлетворить свое всегдашнее любопытство — осмотреть месторождение калыпташа.

Площадь в укреплении Верном.
Рисунок П. Кошарова (1857 год).

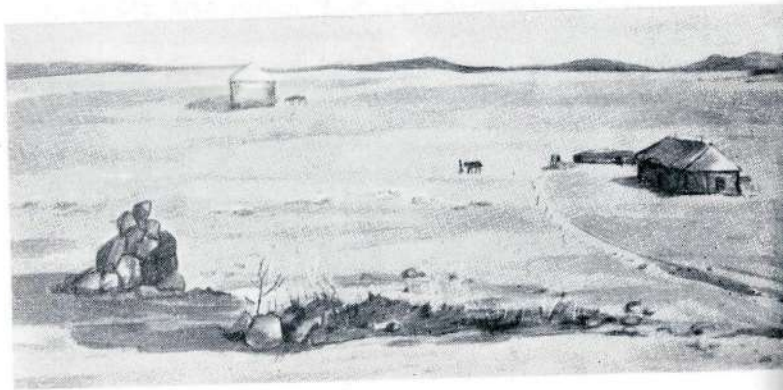
Верненское укрепление.
Рисунок П. Кошарова (1857 год).

Верненское укрепление.
Рисунок М. Знаменского (1864 год).

Узунбулакский пикет.
Рисунок М. Знаменского (1864 год).
Публикуется впервые.

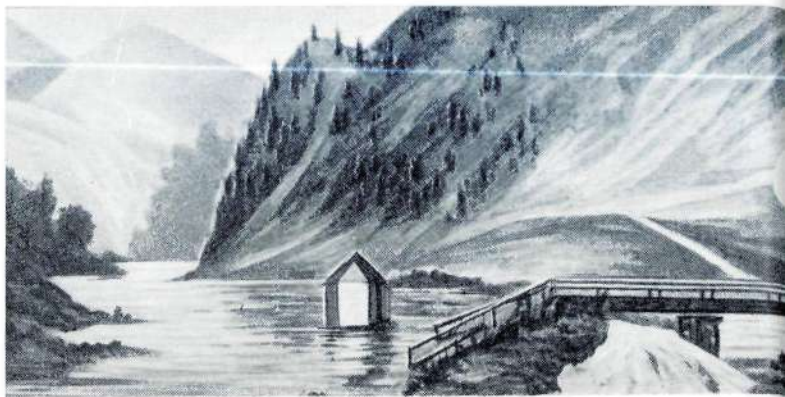

Почтовая езда в степи.
Рисунок М. Знаменского (1864 год). Публикуется впервые.

Станция Любонная (ныне город Каскелен).
Рисунок 60-х годов XIX в.

Коксуйский мост.

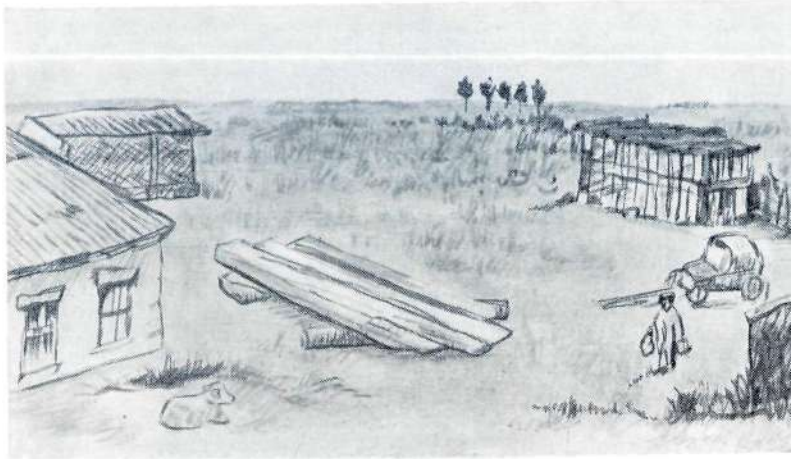
Рисунок топографа Н. Сироткина (1856 год).

Здание бывшего Сергиопольского станичного правления и приказа (середина XIX в.). Фото автора, 1975 год.

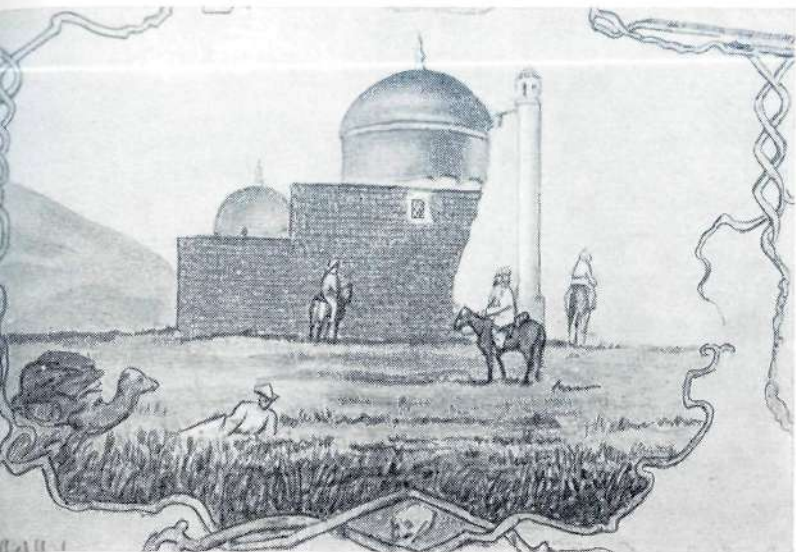
Н. А. Северцов. Рисунок Т. Г. Шевченко (1859 год).

Зайли́йский пикет.

Рисунок Ч. Ч. Валиханова (1856 год).

«21 мая. Около Мерке. Киргизские муллушки».
Рисунок М. Знаменского (1864 год).
Публикуется впервые.

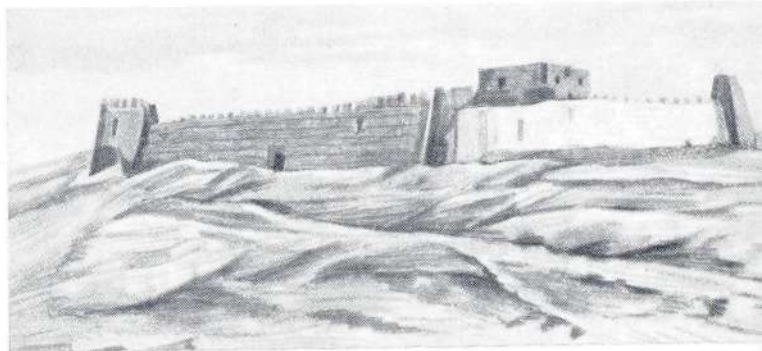
Н. А. Северцов, этнограф Ю. Д. Южаков, художник
М. Знаменский, барабанщик-солдат.

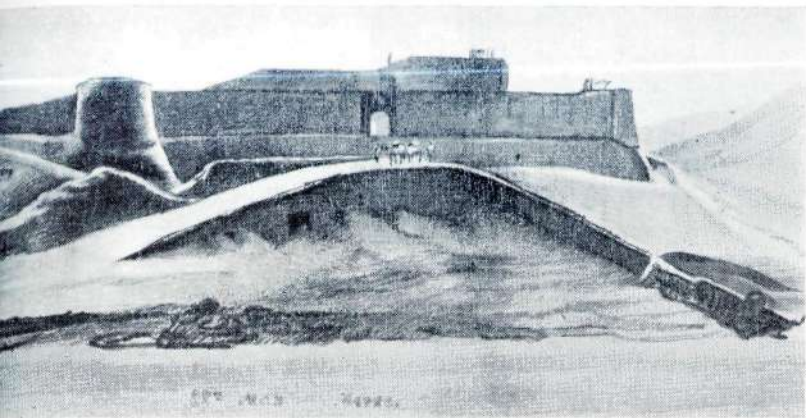
← Дружеский шарж М. Знаменского (1864 год).
Публикуется впервые.

Чашитие на биваке отряда Черняева.
Рисунок М. Знаменского (1864 год).
Публикуется впервые.

Крепость Мерке 21 мая по рисунку В. В. Обуха.
Копия М. Знаменского (1864 год).
Публикуется впервые.

Крепость Мерке 28 мая.
Рисунок М. Знаменского (1864 год).

Дом сергиопольского казака
(середина XIX века). Фото автора, 1975 год.

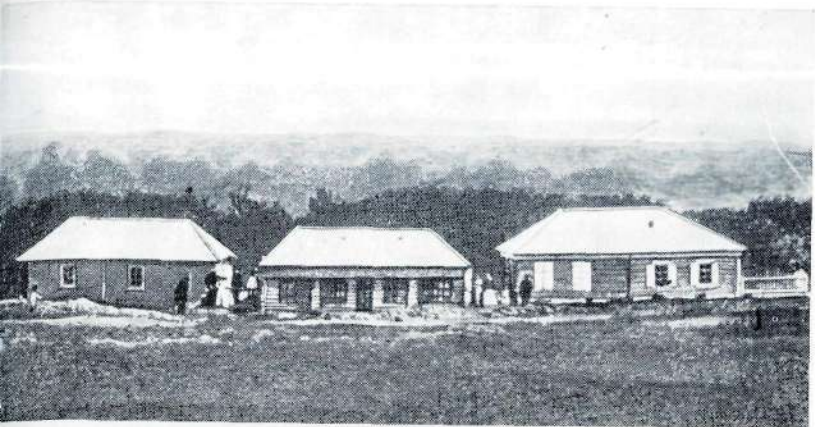

Слева направо: переводчик
О. С. Бородин, востоковед
Н. Н. Пантусов, топограф
К. А. Ларионов
(фото 1877—1879 годов).

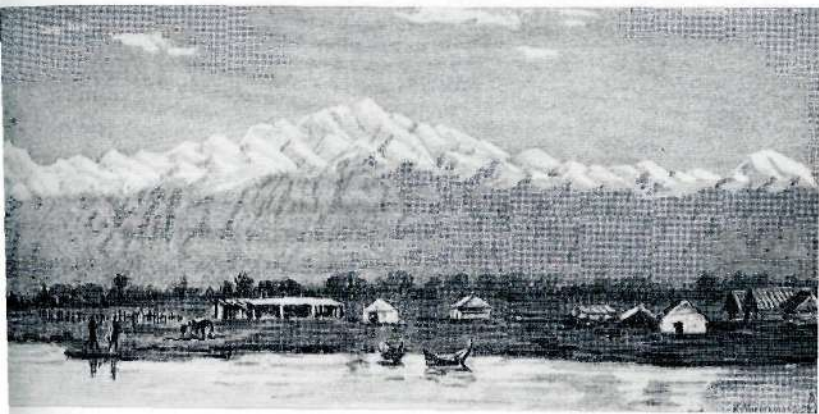

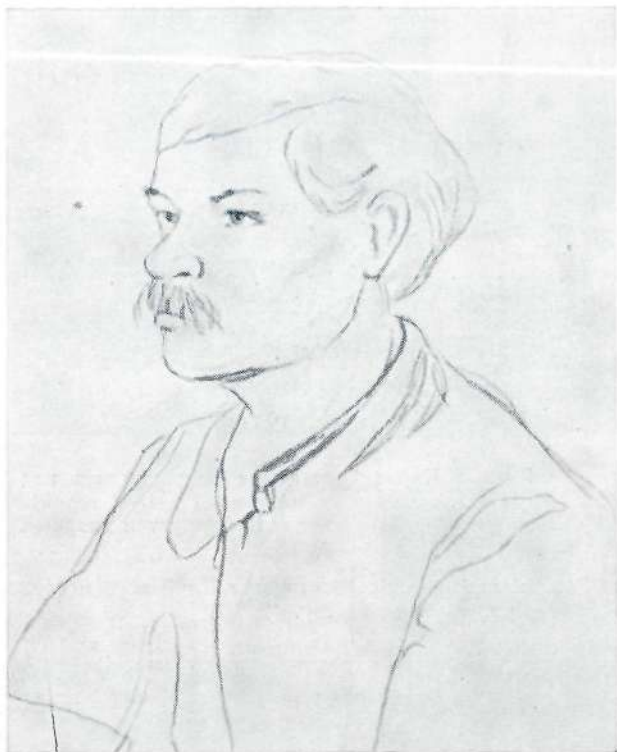
Врач И. И. Соболевский.

Здание Капал-Арасанских минеральных вод
(фото 1877—1882 годов).
Публикуется впервые.

Зайлийский Алатау со стороны Илийского поселка.
Автор рисунка неизвестен.

Г. Н. Потанин. Рисунок Ч. Ч. Валиханова.

Мы не знаем, на каких именно пикетах от Капала до Верного Чокану приходилось ночевать. Дело в том, что в прошлом веке областной и уездные архивы уничтожали служебную переписку после хранения в течение нескольких лет. К такому малозначительному, не подлежащему к долгому хранению и не имеющему, по представлениям чиновничества, ни исторического, ни юридического, ни хозяйственного интереса материалу относилось делопроизводство по почтовой части. Именно в нем отлагались сведения о выдаче проезжающим подорожных, хранились эти подорожные, использованные и сданные с финансовой отчетностью. А на обратной стороне подорожных смотрителями почтовых станций или старостами пикетов заносились отметки о времени прибытия на пикет и отъезда из пикета владельца подорожной. Если бы в архивах сохранились использованные подорожные, мы бы могли знать даже мельчайшие подробности о маршрутах Чокана Валиханова. Пока же знаем только то, о чем он сам поведал в дневниках и письмах.

...Между Чингильдинским и Илийским пикетами лежала унылая песчаная степь, летом покрытая бедной растительностью. А во время проезда Чокана, в начале мая, она ярко зеленела. Над низкорослой растительностью возвышались головки красного и желтого мака. Слева виднелась река Или, левый пологий берег густо порос камышом. У места впадения в Или реки Талгар с возвышенного правого берега внезапно открывалась панорама Илийского пикета. Он состоял из нескольких серых юрт, огороженного стенкой камыша загона для лошадей и временной стоянки почтовых телег. Вблизи пикета находилось Илийское укрепление. На небольшой площади за линией грунтового бруствера и рва горбилась крышей полуземлянка-казарма, в которой размещались на двухъярусных нарах до 50 казаков. Рядом с казармой стояли саманные кухня-столовая и сарай. В сарае имелся погреб с ледником.

Подъехав к реке, ямщик объявил Чокану, что нужно подождать перевоз. Ямщик сложил рупором ладони и несколько раз прокричал: «Переправа!» Вскоре от левого берега отошел паром, устроенный из спаренных лодок. Через полчаса он причалил к берегу гораздо ниже того места, где остановился тарантас Чокана. Из-под тента Чокан наблюдал, как паромщики бечевою поднимали вверх по течению реки паром, с тем чтобы при переправе он причалил как раз напротив юрт пикета. Ямщик распряг лошадей и верхом налегке поехал в обратный путь — к Чингильдам. Тарантас Чокана вкатили на паром. Началась переправа. Быстрое течение Или заметно сносило паром вниз. Паромщики изо всех сил работали веслами, третий стоял у руля. Рулем служила длинная жердь, уложенная на уключину. На конце жерди прибит кусок доски. Этим рулем паромщик не только держал паром в направлении, перпендикулярном течению, но в меру своих возможностей помогал товарищам грести.

30 августа того же 1856 года через Или переправлялся Петр Петрович Семенов-Тянь-Шанский. Он оставил такое описание: «Переправа наша через Или оказалась довольно затруднительной и взяла немало времени. Хотя течение против Илийского пикета не особенно быстро, но в нем немало опасных водоворотов. Тарантас мой переправили кое-как на каюке. Но я сам вынужден был переправляться с казаками верхом на лошадях вплавь. При этом лошадь одного из них начала тонуть; казак спасся только потому, что мы плыли толпой, один подле другого, и он успел ловко перебраться на лошадь своего соседа, его же лошадь исчезла под водой и вынырнула только гораздо ниже по течению реки» [32].

На левом берегу в тарантас Чокана впрягли свежих лошадей. До Верного осталось проехать всего два перегона, общей длиною в 70 верст.

При следующем проезде через Илийский пикет в 1858 году Чокан мог заметить большие изменения. Здесь был

сооружен казарменного типа саманный дом. Над его двускатной тесовой крышей возвышалась вышка. На ней постоянно находился часовой. Он зорко наблюдал за тем, чтобы купцы не переправлялись где-нибудь выше или ниже через Или [33]. Дело в том, что у пикета постоянно находился сборщик пошлины за перевозимые грузы. Платить деньги за пошлину торговцам, конечно, не хотелось, поэтому они стремились уклониться от встреч со сборщиком.

При Илийском укреплении летом 1858 года была построена кирпичная казарма для местного гарнизона. Для обжига кирпича здесь использовали камыш. Казарму строили солдаты подпоручика Оленичева под руководством инженера Пашина. Рядом строилось кирпичное здание «провантского магазина», по современной нашей терминологии — продовольственного склада, с двух-трехлетним запасом зерна, отпускаемого солдатам местного гарнизона и казакам пикета. А на пикете построили из самана под тесовой кровлей конюшню, овсяник и сарай для хранения экипажей и сбруи. Кстати, такие же сооружения появились в том же 1858 году на Чингильдинском, Карачекинском и Куянкузском пикетах [34]. В 1857 году у пикета поселилось десять семей, которыми основан казачий выселок — Илийский. Через пять-шесть лет здесь уже проживало до двадцати семей. В долине Талгарки они разводили огороды. Занимались хлебопашеством, а осенью — рыболовством. Богатые уловы сбывали в Верненском укреплении. Продавали маринку и османа не дороже полутора рублей за пуд [35]. Выселок, как и Илийское укрепление, был обнесен рвом и, в рост человека, земляным бруствером. У выездных ворот и днем и ночью маячил часовой.

На пути к Верненскому укреплению находился последний пикет — Заилийский. В 1856 году Чокан дважды проезжал его. В один из проездов пришлось надолго задержаться. В ожидании, когда в тарантас запрягут лошадей,

сделал карандашный набросок пикета. На переднем плане виден угол пикетного жилого дома под гонтовой кровлей шатровой крыши. Перед окнами дремлет собака. Чуть далее сложены то ли плахи, то ли толстые доски. Справа виден забор из плетня. Стоит почтовая брчкка. Рядом изображена человеческая фигура с ведрами в руках. Один сарайчик сооружен из бревен, поставленных вертикально, нижний конец их врыт в землю. Крыша плоская — явно предназначена для сеновала. Слева за пикетным домиком виден второй сарай с двускатной крышей. Стены сарая — из плетня, еще не обмазаны глиной. На дальнем плане виден ряд деревьев.

В следующем 1857 году П. П. Семенов-Тянь-Шанский отмечал, что «пикет украсился надстройкой в виде мезонина, служащего хорошим наблюдационным (наблюдательным.— *Н. И.*) пунктом для Илийской равнины» [36].

После окончания путешествия на озеро Иссык-Куль в составе экспедиции Хоментовского, в конце второй декады июня Чокан вновь посетил Илийский пикет. Еще в первый проезд он узнал от местных казаков, что ниже по течению Или, в 30—35 верстах от пикета, где скалистые берега реки близко подходят друг к другу (эта теснина называется по-казахски Капчагай, сейчас здесь построена крупная ГЭС и возник город Капчагай), на скалах заметны какие-то письмена и рисунки. Эти «писанные» камни — тамгалытас — Чокану захотелось осмотреть, чтобы убедиться в их действительной древности и попытаться разгадать, какому народу обязаны они своим появлением. Он договорился со старостой пикета об оплате за использование лошадей, ямщика и проводников.

Выехал в своем тарантасе, сопровождаемый тремя-четырьмя казаками. Через два с половиной часа доехали до места назначения. Чокан осмотрел тамгалытас. Сопровождающие его казаки также проявили интерес к рисункам. Любопытство их было вызвано тем, что головы человеческих изображений были обрамлены кругами, явно

напоминающими пимбы у православных святых на иконах и книжных репродукциях. От такого сходства казаки невольно прониклись религиозным почтением к тамгалытасу. Чокан объяснил им, что древний художник высек на камнях отнюдь не православных святых. Вот доказательство этому. На одном рисунке изображено четырехрукое божество, характерное для восточных религий. Позы сидящих изображений характерны опять-таки для буддийского культа. Объяснение явно разочаровало казаков. Им казалось бесполезным, пустым занятие офицера Валиханова, который битый час зарисовывал в тетрадь наскальные изображения и непонятные письма. И невдомек было им, что из русских и зарубежных ученых Валиханов оказался первым, кто осмотрел тамгалытас и зарисовал изображения.

Через год, 13 мая тамгалытас осмотрел П. П. Семенов. Сопровождавший его томский учитель рисования Павел Михайлович Кошаров тщательно перерисовал все изображения и письма.

Я убежден, что это посещение состоялось не без влияния Чокана, сообщившего об интересной находке. Ведь в предварительной программе путешествий Семенова не были предусмотрены ни посещение, ни зарисовка тамгалытаса. Сделал он это после того, как в ноябре 1856 года встретился впервые с Чоканом в Семипалатинске. Они там не менее двух недель находились в обществе солдата, писателя, впоследствии знаменитого Федора Достоевского. Все трое, кстати, были наделены природой и образованием обостренным интересом к прошлому человечества.

И когда весной 1857 года П. П. Семенов вновь приехал из Барнаула в Семиречье, то не мог устоять перед соблазном осмотреть то, о чем рассказывал Валиханов. Петр Петрович описал свою поездку к тамгалытасу [36].

«Только к вечеру 12 мая я прибыл... в Илийск. Я остался почевать в Илийске с тем, чтобы на другой день

совершить еще одну интересную для меня экскурсию в Илийской долине в сопровождении художника Кошарова... В день этой экскурсии, 13 мая, погода была совершенно благоприятная, и когда мы тронулись в путь в 5 часов утра, было уже 10°Ц. Главной целью нашей экскурсии вниз по Или было урочище Тамгалытас (писаные камни), отстоявшее от Илийска на расстоянии от тридцати до тридцати пяти верст по течению реки. Действительно, мы нашли в широком ущелье, через которое пробивается здесь река, на высоком утесе огромные буквы тибетской надписи, которую я скопировал как умел, при помощи художника Кошарова... К вечеру мы вернулись в Илийск.

Валиханов в 1856 году также посвятил почти весь день тамгалытасу и возвратился в Илийск к вечеру. Ему без задержки сменили лошадей. Они быстро домчали тарантас Валиханова до Чингильдинского пикета. На закате солнца Чокан успел осмотреть жалкие остатки средневекового города и его гончарный водопровод, из которого взял на память метровый кусок трубы [37]. Кстати, П. П. Семенов в 1857 году тоже осмотрел «незнакомый нам еще источник» [36], от которого начинался гончарный водопровод средневекового города. Осмотр Петром Петровичем Чингильдинского источника также явился последствием «информации», полученной от Валиханова.

В апреле 1859 года, возвращаясь из Кашгарского путешествия, Чокан Валиханов вновь проехал вдоль отрогов Заилийского Алатау. Приятной неожиданностью для него оказалось то, что немногим более чем за сорок верст до Вернейского укрепления возник новый населенный пункт — Надеждинская станица. Основана она была прибывшими сюда 14 июля 1858 года переселенцами в числе двадцати четырех казачьих семей. Вскоре подкочевало еще 32 крестьянских семьи. В 1859 году в Надеждинской станице (ныне город Иссык) поселилось еще девяносто семей. В 1862 году в станице насчитывалось 234 жилых дома, 717 мужчин и 584 женщины.

Не доехав 23 верст до Верненского укрепления, Чокан встречает вторую станицу — Софийскую (ныне город Талгар). Основали ее в марте того же 1858 года двадцать четыре семьи капальских казаков. К середине лета сюда прибыли еще 49 крестьянских семей. Для защиты поселенцев от возможных набегов барымтачей в возникающей станице разместили двадцать пехотинцев и двадцать казаков под общим командованием одного офицера. Чокан увидел не совсем достроенные подворья новоселов. Дома образовали единственную улицу. Станица производила жуткое впечатление. Нищета, бедность. Дети худые, рахитичные. У взрослых землистые лица, особенно у женщин. Люди заморены тяжелой работой, неустроенностью быта, постоянным недоеданием, болезнями. Подобную картину Чокан наблюдал не только здесь, но и во всех возникающих станицах.

В 1859 году в станицу Софийскую прибыла новая партия переселенцев — сто семей. Через три года в станице насчитывали 303 дома с числом жителей 1253 человека обоего пола, из них 682 женского и 571 — мужского [15, 18, 19].

Новоселам Надеждинской и Софийской станиц, кроме тяжестей переезда с детьми по пустынной дороге от Иртыша до отрогов Заилийского хребта, строительства домов и хозяйственных построек, пришлось пережить эпидемию. По заключению лекаря Зубковского, причинами вспышки тифа явились плохие жилищные условия и недостаток пищи, «в особенности здоровой, которую составляет только печеный хлеб». Жителям станиц из Верненского укрепления подвезли овощи и зерно из казенных запасов, выдали недополученные ими подъемные деньги, за которые они могли покупать у казахов мясо [38]. Принятыми мерами было приостановлено распространение тифа.

Чокан Валиханов, возможно, по служебным обязанностям читал приказ по отдельному Сибирскому казачь-

ему войску № 42 от 27 апреля 1860 года. В нем сообщалось, что из 295 больных выздоровело 273, «при лечении которых показали особое усердие и заботливость главный лекарь алма-атинского полугоспиталя коллежский асессор Пячковский, лекари 6-го Сибирского линейного батальона Зубковский и 10-го казачьего полка Изаксон, через что первый и последний сами подверглись этой болезни». Начальство благодарило «означенных медиков за столь похвальное усердие к службе и добросовестное исполнение ими своих обязанностей» [39].

Кстати, услугами этих врачей мог пользоваться и Чокан Валиханов, здоровье которого было подорвано еще в 1859 году, а в 1864 году уже внушало серьезную тревогу.

В 1864 году, как мы уже упомянули, Чокан принял участие в военной экспедиции полковника Черняева на Аулие-Ата. Отряд Черняева вышел в поход 1 мая из Верненского укрепления, минуя пикеты Каскеленский и Узун-агачский, укрепление Кастек. Через Кастекский перевал вышел на долину реки Чу у Токмака.

Почтовый пикет на Каскелене был построен еще в 1858 году. В нем разместилось 40 служивых казаков. А через два года у пикета образовалась казачья станица. Поселилось 143 семьи алтайских казаков. Они приехали на 325 подводах, имея 582 лошади, 268 голов крупного рогатого скота.

В 1861 году к каскеленским казакам поселили 12 крестьянских семей [19]. В следующем году в станице насчитывалось почти семьсот жителей в 156 домах [16]. В 1864 году Чокан видел уже хорошо устроенную станицу. Казаки, по своим представлениям, жили вполне зажиточно, занимаясь хлебопашеством и скотоводством одновременно. Плоды своих трудов в большом количестве сбывали казенным заготовителям. Промышляли мелкой торговлей на рыночной площади у пикетного дома. Топленое и кислое молоко, пироги, яйца, вареное мясо домохозяйки про-

давали проезжающим, служивым казакам и солдатам. В станице имелась лавка с мануфактурой и нехитрыми изделиями промышленного производства.

Бабы и девицы ведрами подносили к лагерю отряда, остановившегося на околице станицы для почевки, квас и молоко, на противнях — горы пирогов, лепешек, блинов, жареной рыбы.

Следующая остановка отряда — возле Узунагачского пикета. Его основали в 1860 году как форпост на дальнем подходе с запада к Верненскому укреплению. Стены пикетного здания сложили из самана, крыша тесовая [40]. Вместимость здания — 50 человек. Вокруг отсыпан земляной бруствер.

На следующий день после завтрака солдат и казаков повели к вершине возвышенности, что рядом с пикетом (в наше время здесь возвышается монументальный обелиск из гранитных блоков). Фронтом построили по ротам в виду восьми могильных холмиков. Один из старших офицеров зычным голосом начал рассказ об Узунагачской битве в октябре 1860 года. После речи в честь этой победы солдаты долго кричали «ура», а потом слушали панихиду по «убиенным воинам», которую справил отрядный священник Малов.

Солдат и казаков отвели к пикету, где их ждали походные кухни с мясным усиленным обедом. Участники событий октября 1860 года до вечерней побудки рассказывали новичкам об увиденном, пережитом и услышанном. В офицерских палатках тоже не обошлось без воспоминаний. Именно здесь Чокан Валиханов узнал подробности узунагачских событий от непосредственных участников — Обуха, Шайтанова, Шаняевского, Бутакова, Соболева, Курковского, Сяркового, бывших с ним теперь в отряде Черняева.

За Кастекским перевалом и рекою Чу кончилось Семиречье. С отрядом Черняева Чокан дошел до кокандско-

го укрепления Аулие-Ата, а затем с попутным транспортом возвратился в Верненское укрепление.

Поездки Чокана по Семиречью иногда происходили не по почтовым трактам. Так, в 1856 году в составе экспедиционного отряда Хоментовского он прошел путь от Верненского укрепления к низовьям реки Чилик. По долине Чарына вышел к восточной оконечности озера Иссык-Куль, проехал по северному побережью озера. От залива Тюп возвращался в Верненское укрепление по горным долинам. На Илийскую равнину вышел из гор где-то у реки Иссык.

В том же 1856 году проехал до Коксуйского пикета через Югенташ к Борохудзиру, затем на Хоргос и далее через Суйдун в Кульджу. Возвратился к Коксуйскому пикету тем же путем.

В 1858 году с торговым караваном прошел по следующему маршруту: перевал Алтын-Эмель, переправа через реки Или, Чарын, Кегень, верховья Текеса, перевал Сапташ, юго-восточное побережье Иссык-Куля, ущелье Зауки и далее путь на Кашгар. Обратный путь проходил по территории Семиречья через ущелье Зауки и долину Чилика. Двигаясь дальше вдоль подножья Заилийского Алатау, Чокан достиг Верненского укрепления.

На этих маршрутах тогда не было постоянных населенных пунктов, изредка встречались лишь временные стоянки казахов и киргизских аулов. Перечень маршрутов Чокана по Семиречью небогат. Но зато каждый маршрут имел большую протяженность. На поездки по грунтовым дорогам того времени требовалась немалая затрата времени и энергии. Нужно было обладать завидным здоровьем, чтобы выдерживать по 10—15 часов непрерывную тряску почтовой телеги, летнюю жару, дорожную пыль.

С ЛЕГКОЙ РУКИ П. П. Семенова-Тян-Шанского в середине XIX века началось паломничество исследователей в Семиреченский край. Одним из них был астроном и геодезист Александр Федорович Голубев, откомандированный в 1859 году из Генерального штаба Министерства военных дел для определения высотного положения важнейших пунктов Семиречья.

П. П. Семенов, уже имея знакомство с местными условиями, наметил семнадцать важнейших пунктов: Аягуз, Урджар, Лепсинск, Капал, Верный, Илийск; перевалы: Алтын-Эмельский, Каскеленский, Сантапский, Турайгырский и некоторые урочища в окрестностях Иссык-Куля, Тарбагатай и Джунгарского хребта.

При личных беседах с Голубевым об условиях работы в предстоящей экспедиции Семенов делился своим опытом, давал советы, характеристики некоторым лицам — жителям Омска, Капала и Верного, которые могли бы оказать ту или иную практическую помощь. Называл имена Валиханова, Потанина, Бардашева, Обуха.

12 февраля 1859 года Голубев выехал из Петербурга в укрепление Верное через Омск, Семипалатинск и Капал.

В Верное он приехал 2 апреля. Весь путь от Петербурга преодолел за полтора месяца. Памятуя о том, что только до Москвы он мог проехать в поезде, а далее в почтовых санях и коляске по тряским дорогам тогдашней России, невольно удивляешься довольно большой скорости его движения, на что требовалось необыкновенное напряжение физических и нравственных сил. Поэтому неудивительно, что, приехав в Верное, он заболел и не смог, как планировалось ранее, встретить у Хан-Тенгри возвращающийся из Кашгара караван с поручиком Валихановым [1].

Случилось так, что известие о приближении каравана к русской границе поступило еще до приезда Голубева в укрепление Верное, и начальник Алатауского округа Колцаковский срочно 27 марта выслал к границе отряд из семидесяти казаков при двух ракетных станках под командой есаула Варагушина.

Это оказалось очень кстати и избавило Валиханова от крупных неприятностей.

Когда караван спустился из ущелья Зауки на южное побережье Иссык-Куля, он был задержан манапом Турегельды из киргизского рода сарыбагыш. Валиханов писал: «Турегельды... притеснял караван более всех из своих собратьев. Он взял подарков на 300 рублей, и взял самым наглым образом; если ему правился халат, он говорил: «Эй, снимай халат и дай нам». Беспрестанно грозил, что он разграбит караван, а меня отправит в Коканд» [2]. Выдача кокандцам означала бы неизбежную смерть. Сарыбагыши судачили, что в караване есть «перодегый русский офицер», один из них раньше видел Валиханова в Верном. Только появление на берегах Иссык-Куля отряда Варагушина умерило наглость манапа Турегельды. Он на прощание даже подарил по одной лошади караванбаши и Валиханову.

Сорок казаков были оставлены в устье Тюп ожидать прибытия Голубева, а тридцать — сопровождали караван до Верного. Валиханов въехал в укрепление 12 апреля.

Десять суток он и Голубев жили при укреплении. У Голубева не могло не быть горячего желания лично познакомиться с необыкновенным путешественником, к тому же несколько раз побывавшим на Иссык-Куле, где Голубев наметил произвести первые барометрические определения высот. Поэтому он должен был искать встречи с Валихановым.

А искать было совсем не трудно. В укреплении Верном со всеми станицами и слободками в тот год насчитывалось около пяти тысяч жителей, офицеров не более пяти

десятков. Приезжающих по служебным делам на большие сроки размещали на постой в обывательские или казачьи дома. Голубева намечали поместить в дом казака Большой Алма-Атинской станицы [3]. Валиханова, как казачьего офицера, поместили на постой в доме казака, очевидно, также Большой станицы.

За время переезда из Петербурга в Верное и за время Кашгарского путешествия Валиханов и Голубев, надо полагать, истосковались по свежим газетам и журналам. Поэтому, естественно, они могли сойтись в батальонной библиотеке, где их наверняка представили друг другу.

Начальник Алатауского округа Колпаковский должен был передать часть отряда казаков, встречавших Валиханова, в распоряжение Голубева на время его работ у Иссык-Куля. Двое ученых должны были переговорить о различных деталях взаимоотношений с местными жителями, организации быта казаков отряда, о режиме работы в горах и т. д. Принимая во внимание перечисленные доводы и то обстоятельство, что в очень немногочисленном кругу военной интеллигенции Верненского укрепления встречи и знакомства местных и приезжих офицеров были неизбежны, мы с полной уверенностью утверждаем, что между 12 и 22 апреля 1859 года в укреплении Верном произошла первая встреча и личное знакомство двух талантливых молодых ученых (Валиханову шел 24-й, Голубеву — 27-й год).

22 апреля Голубев выехал из Верного на берег Иссык-Куля. В тот год он побывал в Кастеке, Илийске, Канале, на Алтын-Эмеле, в Коксуйском выселке, Аягузе, Урджаре — почти везде по следам ранее бывавшего там Валиханова. И общались оба ученых часто с одними и теми же лицами: Абакумовым, Бардашевым, Обухом, Тезеком и другими.

В ноябре А. Ф. Голубев выехал из Аягуза в Петербург. Проездом был в Омске. Возможно, что и здесь на-

вестил Валиханова, чтобы в свою очередь поделиться впечатлениями от поездки на Иссык-Куль.

В самом начале 1860 года в Петербург приехал Валиханов. Здесь они встречались с Голубевым вновь. Обнаружили общность общественно-политических взглядов. Знакомство перешло в дружбу.

По свидетельству Г. Н. Потанина, писателей И. В. Федорова-Омулевского и С. С. Шашкова, А. Ф. Голубев бывал в квартире Валиханова, где иногда собирался петербургский кружок сибирского землячества, организованный Потаниным, Ядринцевым и другими студентами петербургских учебных заведений [4]. Знаменательно то, что А. Ф. Голубев, не будучи ни студентом, ни сибиряком, вошел равноправным членом в это землячество. Кроме Валиханова, он в 1860 году лично никого из членов землячества не знал. Ввести его в этот кружок мог только Валиханов, в свою очередь введенный Потаниным.

Это — свидетельство их душевной близости и доверия к ним членов землячества, которые позволили себе смелость резко осуждать существующие порядки общественного строя тогдашней России, за что через пять лет некоторые поплатились свободой почти на полное десятилетие.

Валиханов и Голубев выступали с докладами на заседаниях Русского географического общества. По их совместному предложению в действительные члены общества были приняты омский подполковник И. Ф. Бабков и капитан В. В. Обух из Верного.

Петербургское общение молодых ученых было недолгим — в конце весны 1861 года Валиханов из-за болезни легких покидает столицу и возвращается в родную степь. А через год Русское географическое общество назначает А. Ф. Голубева вторым уполномоченным разграничительной комиссии, перед которой была поставлена задача установить границу с Китаем в пределах Кокпектинского и Аягузского округов. Комиссия, начальником которой

был назначен И. Ф. Бабков, собралась в Омске. При ней работала астрономическая экспедиция К. В. Струве и А. Ф. Голубева. К. В. Струве был сыном известного астронома В. Я. Струве, у которого учился в свое время Голубев. В экспедицию Струве по рекомендации П. П. Семенова был взят Г. Н. Потанин, возвратившийся в Омск после закрытия Петербургского университета из-за студенческих волнений.

Закончив работы в разграничительной комиссии, Голубев по поручению Русского географического общества занимается астрономическими определениями в районе озера Алаколь, реки Или и на южном склоне Джунгарского Алатау. В эту вторую свою семиреченскую экспедицию он побывал в Верном, на Югенташе и Борохудзире. Впоследствии станица Борохудзирская была переименована в его честь и названа Голубевской [5].

Осенью участники разграничительной комиссии возвратились в Омск, где провели зиму 1863 года, занимаясь камеральной обработкой полевых материалов. Однажды собрались в зале «благородного собрания», чтобы отметить благополучное завершение сезона полевых работ. За столом сидели Струве, Потанин, Голубев, Ядринцев и Вашиханов, говорили о внутреннем положении России, о взаимоотношениях народов. При этом Струве высказал мысль, что казахи (по-тогдашнему «киргизы») ненавидят казаков. Это покорило Чокана. Он быстро встал, взял в руки бокал с вином. Нежно взглянув на своего друга и товарища по кадетскому корпусу Г. Н. Потанина, бывшего казачьего хорунжего, и чуточку волнуясь от негодования, торжественно заговорил, чеканя каждое слово: «Что у киргизов нет ненависти к лучшим представителям казачьего войска, я желал бы засвидетельствовать. Я, как киргиз, поднимаю бокал и целую друга казака!» И тотчас, обняв свободной рукой Григория Николаевича Потанина, горячо поцеловал. Спустя четверть века об этом эпизоде вспомнил Н. М. Ядринцев — один из участников

дружеской пирушки [6]. А. Ф. Голубев, несомненно, остался доволен тем, как кстати и ловко Чокан Валиханов отпарировал надменного Струве.

Работая с несовершенными в те годы астрономическими инструментами и приборами, А. Ф. Голубев получил тяжелое ртутное отравление, ускорившее туберкулезный процесс. Поездка в Италию не избавила от гибели. Он скончался в Сорренто 28 февраля 1866 года, пережив своего друга и товарища Чокана Валиханова меньше чем на год.

Грустно, что эти молодые, талантливые исследователи так рано ушли из жизни. Ушли, по существу, в самом начале своей научной деятельности. Только в «Записках Русского географического общества» было помещено девять статей Голубева. Он печатался также в журнале «Военный сборник» и заграничных изданиях.

За результаты первого путешествия по Семиречью, когда им были выполнены метеорологические наблюдения и определены высотные положения заданных П. П. Семеновым географических пунктов, А. Ф. Голубев был награжден золотой медалью по отделению физической географии Русского географического общества.

Библиотека и рукописи А. Ф. Голубева были подарены его братом Федором Западно-Сибирскому отделу Русского географического общества.

А в 1889 году второй брат — Виктор — для голубевской поселковой школы выслал около ста книг для чтения, портрет Александра Федоровича Голубева и 300 рублей [7]. Портрет был помещен в школьном классе, книги послужили началом небольшой библиотеки. Местное начальство полученные 300 рублей распорядилось сдать в банк с тем, чтобы на ежегодные проценты в сумме 12 рублей приобретать книги для награждения учеников.

Семиреченцы многие десятилетия помнили неутомимого ученого, мягкого и обаятельного человека Александра Федоровича Голубева.

О ЗНАКОМСТВЕ Чокана Валиханова с Михаилом Ивановичем Венюковым, как и с А. Ф. Голубевым, в литературе нет прямых документальных свидетельств. Валиханов о нем молчит. Венюков же несколько раз ссылался на статьи Валиханова, но эти ссылки сами по себе не дают оснований говорить о возможности личного знакомства двух замечательных ученых-путешественников.

Но ведь они в одно и то же время—1859—1861 годы—бывали в Семиречье, Омске, Петербурге. Везде имели общих знакомых. Занимаясь в одно и то же время изучением Азии, они должны были почувствовать потребность в общении.

Но как доказать, что они были лично знакомы?

Биографы Венюкова и Валиханова, безусловно, искали, но не могли найти доказательства. Памятуя об этом, трудно рассчитывать на удачу, счастливую находку. Но попытаться надо.

Начинаю с изучения биографической канвы Венюкова и Валиханова по общедоступным литературным источникам, а потом перехожу к просмотру обширной канцелярской переписки, хранящейся в архиве Алма-Аты, в которой содержатся скудные сведения о деятельности Венюкова в Семиречье. По этой переписке прослеживаю его служебные поездки, когда он бывал в тех или иных населенных пунктах. Богатую информацию дает личная переписка Венюкова с военными администраторами Вернепского укрепления и Омского генерал-губернаторства. Конечно, перечитываю труды Венюкова и Валиханова. Собранные данные сопоставляю и получаю следующие сведения.

Венюков на три года старше Валиханова. Родился в Рязанской губернии в семье бедных дворян. Детские го-

ды провел в деревне. В чине младшего артиллерийского офицера два года служил на Украине, потом поступил в Академию Генерального штаба и окончил ее в 1856 году. Одновременно посещал университет на правах вольнослушателя.

В 1857 году командирован на Дальний Восток в распоряжение тамошнего генерал-губернатора Н. Н. Муравьева. Занимался выяснением возможности судоходства по реке Уссури к Японскому морю. Обследовал бассейн этой реки, горы Хингана. За два года исходил Забайкалье и Приамурье. Собрал много ценных географических, статистических и этнографических материалов.

Эти путешествия пробудили в молодом офицере глубокий интерес к географическим исследованиям и определили всю его дальнейшую деятельность. Рождается военный писатель с явно выраженными географическими интересами. В истории русской и мировой науки Венюков известен как географ.

В марте 1859 года Венюков был командирован в распоряжение Западно-Сибирской администрации, его успешно посылают в Верный, чтобы он возглавил экспедиционный отряд для закладки укрепления Кастек и обследовал бассейн реки Чу и западную часть озера Иссык-Куль. Этот отряд формировался в укреплении Верном.

В отысканном нами рапорте начальнику штаба отдельного Сибирского корпуса Венюков писал: «...я прибыл 2-го сего мая в укрепление Верное, пробыв из-за болезни и для получения некоторых сведений от поручика Валиханова несколько дней в Капале» [1].

Каких именно сведений? — невольно возникает вопрос при чтении приведенной фразы.

Венюкову предстояло выполнить рекогносцировочную съемку земельных площадей по обеим берегам реки Чу и западного побережья озера Иссык-Куль. Инструментальные съемки были нужны для составления географиче-

ческой карты бассейна озера Иссык-Куль и территории современной Киргизии.

Имевшаяся тогда весьма скудная литература об этих местах Венюковым была заблаговременно собрана и тщательно изучена. Но встретиться с человеком, да еще образованным, лично побывавшим не раз на Иссык-Куле и в окружающих его горах, было совсем не лишним. Еще в Омске Венюкова могли информировать об ожидаемом возвращении Валиханова из Кашгара и рекомендовать, если представится возможность, познакомиться.

В эти же дни Валиханов, успешно закончив свое Кашгарское путешествие, 25 апреля выехал из Верного в Омск и через двое-трое суток въехал в Капал [2].

Здесь встретились молодые офицеры и начинающие ученые. В обществе друг друга, как легко подсчитать, они были двое или трое суток, учитывая, что затем на преодоление расстояния между Верным и Капалом в 370 верст Венюкову потребовалось еще 2—3 суток.

Во время их бесед Венюков, как он упомянул впоследствии, передал Валиханову выписку о Кашгаре из интересной рукописи неизвестного автора. Позже в одной из статей он бросит упрек, что Валиханов описал свои наблюдения о Кашгаре и путь к нему не в процессе путешествия, а спустя полтора года, за это время некоторые детали наблюдений могли забыться, потускнеть; что не вел инструментальной съемки пройденного пути, даже не имел при себе такого простейшего прибора, как буссоль [3].

Делая эти упреки, Венюков оказался недостаточно объективным, не принял во внимание те трудные и опасные условия, в которых совершал свое путешествие Валиханов. Он находился в караване на нелегальном положении. Производить инструментальную съемку и открыто вести запись своих наблюдений — значило демаскировать себя, разоблачить, а это привело бы к неизбежной неудаче и трагической развязке. Но тем не менее

Венюков дает Валиханову в целом блестящую характеристику, называет «даровитым путешественником». Чем могла быть вызвана некоторая необъективность Венюкова, мы поясним ниже.

В сентябре 1861 года Венюковым написана, а в следующем году опубликована «Пояснительная записка к карте Кокандского ханства» [4]. К записке приложен список использованных печатных и рукописных источников — 28 наименований. Среди них названы две работы Валиханова. Это рукописный «Отчет о путешествии в Кашгарию» и опубликованные в 1861 году «Очерки Джунгарии». К записке Венюков сделал приписку следующего содержания: «Легко понять, что тому, кто употребит в дело эти источники, можно будет сделать интересные добавления к карте». Комментарии излишни.

В том, что Венюков пристально следил за трудами Валиханова, опираясь на них в своих работах, нельзя не усмотреть еще одно подтверждение того, как высоко оценивались работы Валиханова уже его современниками.

Итак, в Капале в последних числах апреля 1859 года состоялась первая встреча двух начинающих ученых. Вторичная встреча, вернее, серия встреч, происходила в период с сентября 1859 по февраль 1860 года в городе Омске.

В августе 1859 года Венюков завершил рекогносцировочные съемки вдоль реки Чу и в сентябре прибыл в Омск — место постоянной службы в должности старшего адъютанта при штабе корпуса [5]. Чокан Валиханов с июня находился здесь. Жестоко болел, но все же занимался составлением отчета о своем путешествии. Венюков мог навещать его, чтобы больше узнать о путях сообщения и горных перевалах, ведущих в Кашгарию, о быте казахов и киргизов, о природных условиях Иссык-кульской долины. Венюкову в летний сезон 1860 года предстояло заниматься там топографическими съемками.

В феврале 1860 года Валиханов выехал в Петербург. Там он занимался составлением и уточнением карт тех районов, где ему удалось побывать в 1856—1859 годах и лично познакомиться с расположением горных хребтов. Ему потребовалось иметь под руками для изучения, сравнения, сопоставления и анализа все картографические и литературные материалы.

В архиве Ученого комитета Генерального штаба Валиханов знакомится с хранившимся фондом различных карт и записок о путешествиях по Средней Азии. Часть необходимых материалов получает для работы. Он обнаруживает, что некоторых документов нет в наличии. Узнает, что недостающие документы давно выданы капитану Вепюкову, а тот находится в Заилийском крае. Вспомнил, что в Омском архиве хранятся карты дорог, ведущих из Семиречья в Кашгарию, и карта Кокандского ханства. Они составлены по расспросным данным капитаном Нифантьевым и верненским топографом Шестаковым. Об отсутствии необходимых материалов по инстанции докладывается военному министру с тем, чтобы таковые получить в самое ближайшее время. 21 апреля 1860 года высылается письмо генерал-губернатору Западной Сибири Гасфорту [6].

«Милостивый государь Густав Христианович, по приказанию г. военного министра ныне с содействием прибывшего в С-Петербург штабс-ротмистра Валиханова составляется карта Малой Бухарии (так называлась тогда Кашгария.— *Н. И.*) и долины озера Иссык-Куль. Так как для этого дела были бы весьма важны все новейшие сведения, собранные лицами, командированными от нашего правительства, то позвольте, Ваше высокопревосходительство, если возможно, не отказать в высылке в департамент Генерального штаба из штаба отдельного Сибирского корпуса следующих карт:

1. Расспросной карты путей, ведущих в Кашгар, сос-

тавленной топографом, ныне штабс-капитаном Нифантьевым.

2. Карты Кокандского ханства, составленной топографом Шестаковым.

3. Карт, взятых из Военно-топографического депо Генерального штаба капитаном Венюковым.

Первые две карты будут возвращены в самое непродолжительное время, но если бы и временная высылка этих карт была бы неудобна, то позвольте просить о высылке копий».

В ответ получено письмо Гасфорта от 18 мая того же года:

«Исполняя желание... спешу переслать Вам: расспросную карту путей, ведущих в Кашгар, составленную ..., в 1851 году, расспросную карту Кокандского ханства, составленную в 1859 г.

Из книг и карт, взятых в Военно-топографическом депо капитаном Венюковым, ... истребуем от капитана Венюкова, который в настоящее время находится на Иссык-Куле...»

На полях этого письма имеется недатированная пометка: «Указанные в списке карты и две книги немецкие получил штабс-ротмистр Валиханов». Факт бесспорный — генерал-губернатор Гасфорт писал в укрепление Верное Венюкову о книгах и карте и потребовал срочно вернуть в хранилище Ученого комитета Генерального штаба.

Венюков немедленно выполнил требование. Валиханов получил карту и книги, но когда именно, мы не знаем из-за отсутствия даты на процитированной пометке. Наверное, в конце лета — начале осени 1860 года.

Валиханов не предполагал, что может вызвать у Венюкова обиду докладом министру об отсутствии в Ученом комитете Генерального штаба нужного материала. О том, что необходимый ему материал находится у Венюкова, Валиханов узнал из «шнуровой книги», в которую архи-

вариусом вносилась запись выдачи. Также не исключено, что эти карты Чокан видел у Венюкова при беседе с ним в Капале. Инцидент с вмешательством высокого начальства в дело возвращения Венюковым в свое время полученных книг и карты явился поводом к некоторому отчуждению недавно познакомившихся путешественников.

А в Семиречье Венюков получил и рукописную карту Кокандского ханства, составленную топографом Шестаковым по собранным Бардашевым расспросным данным. Кстати, впоследствии он увез ее в Омск «без всякого ведома» [7]. И опять только по требованию генерал-губернатора Западной Сибири Г. Х. Гасфорта возвратил карту. За это не следует строго судить Венюкова. Подобное «своеволие» в обращении с библиотечными книгами и даже архивными документами в XVIII—XIX веках являлось нередким явлением и в нравственном отношении не считалось предосудительным. К примеру, несколько ранее Венюкова у верпенских властей взял и не возвратил подобную карту генерал Циммерман.

Лишь личной обидой за отображение книг и карт административными мерами, без сомнения, оскорбительными, объясняется упомянутый выше необъективный отзыв Венюкова об описании кашгарского путешествия Чоканом. Впрочем, прямолинейный и несколько грубоватый по натуре Венюков допускал еще большие и несправедливые резкости по отношению к другим лицам. Обидно, тем более, что личность Венюкова — не из заурядных. Он один из крупнейших русских путешественников и географов. Человек широких и разносторонних научных взглядов, громадной трудоспособности, лишенный каких-либо компромиссов с совестью, социальных и национальных предрассудков. Боролся с бюрократизмом, бездельностью и монархическим холопством.

Покинув Заилийский край и Западную Сибирь, он работал в 1861—1863 годах на Кавказе. В 1869—1871 го-

дах путешествовал по Японии и Китаю, в 1874 году — по Турции. В последующие годы жизни побывал в Северной Африке, Южной и Центральной Америке, посетил Бразилию, Уругвай, Антильские острова, ездил на Мадагаскар, в Италию, Норвегию, исколесил чуть ли не всю Европу. И везде собирал материал — географический, этнографический и естественноисторический. Веников является одним из организаторов Первого съезда русских естествоиспытателей (1868 г.), участником Международного географического конгресса в Париже (1875 г.). По его инициативе была составлена в 1872 году этнографическая карта европейской части России. Он член и секретарь Русского географического общества, Общества естествоиспытателей при Петербургском университете, Парижского, Лондонского, Женевского географических обществ, Французского топографического общества и других. Оставил множество печатных работ — от отдельных газетных статей и журнальных заметок до многотомных книг. Он автор оригинального учебника по физической географии, изданного в 1865 году. Его работы отличались добросовестностью и точностью описаний. Они и сейчас представляют большую познавательную ценность.

Большая часть написанных трудов приходится на 1860—1880 годы. Поражаешься — когда же он успевал писать, ведь в эти годы он почти постоянно находился в экспедиционных поездках? Только в военной газете «Русский инвалид» опубликовал 214 статей, не меньшее число встречается в изданиях Русского географического общества, десятки их разбросаны в газетах «Голос», «Век», «Новости» и других периодических изданиях — как центральных, так и периферийных и зарубежных. Статьи в «Русском инвалиде» современниками и им самим квалифицировались как политическая летопись Азии за 1871—1875 годы [8].

В семидесятых годах царское правительство в связи

со вновь усиливающимся революционным движением в России все чаще стало применять репрессии. О демократических взглядах Венюкова, его сотрудничестве в 60-е годы в «Колоколе» и других бесцензурных изданиях стало известно правительству. Кто-то известил об этом Венюкова.

Выйдя в 1877 году в отставку в чине генерал-майора, он отказался от положенной ему пенсии: «Считаю ... обременением казны, когда пенсия дается человеку, не искалеченному на службе и способному трудиться» [9].

После отставки он выехал из России и написал Александру II письмо, дерзкое и смелое, под которым поставил, как под газетной или журнальной статьей, обычную подпись — М. Венюков, не указав ни титула, ни слова «верноподданный», чего требовал этикет того времени. Этим он отрезал себе путь к возвращению.

Покидая Родину, он преследовал несколько задач: обезопасить себя от возможного ареста, получить широкую возможность писать для бесцензурных изданий и продолжить свою научную деятельность, не чувствуя жандармского гнета. Его добровольная эмиграция была протестом, а открытое письмо Александру II — вызовом.

Венюков был лично знаком с Герценом, Огаревым, с которыми встречался в Женеве еще в 1867 году. Венюков еще до эмиграции тайно сотрудничал в «Колоколе».

Попытку сосчитать многочисленные печатные работы Венюкова делал редактор исторического журнала «Русская старина» Михаил Иванович Семевский. Будучи в январе 1886 года в Париже, он навещает Венюкова и просит его составить список работ. Венюков исполнил просьбу, полагаясь только на свою память [9]. Этот единственный список его сочинений, к сожалению, страдает неполнотой. И довольно существенной. Так, он не назвал статьи, опубликованные в противоправительственных изданиях, например, в «Колоколе». Не включил в этот список (я уверен — преднамеренно, как и многие

статьи) свой перевод «Марсельезы» — самой популярной среди рабочих всего мира революционной песни. Перевод ее был сделан в 1867 году после известного покушения студента Каракозова на Александра II*.

Венюков, конечно, сочувствовал революционному движению. Хотя в его переводе «Марсельеза» мало напоминает более поздний и более совершенный текст перевода, который полюбился русским революционерам XX века, но сам факт обращения М. И. Венюкова к переводу стихов революционного содержания является знаменательным. И удивительным для полковника Генерального штаба! (Перевод он делал в этом чине — Н. И.) Из этого факта еще раз следует вывод — самодержавие России было ненавистно всему передовому, честному, мыслящему. Идея монархизма не была популярной даже в Генеральном штабе русской армии — оплоте царизма.

Интерес представляет список и тем, что в нем Венюков указал свой первый печатный труд в двух номерах газеты «Московские ведомости» за 1852 год. Это статья о вулканизме. Она была написана двадцатилетним юнкером Дворянского полка.

Разнообразием научных и общественных интересов офицер Венюков как бы подчеркивает не только свою личную одаренность, но и вообще талантливость русских людей.

И этот ученый оказался забытым и одиноким в последние годы. Он умер на 69-м году жизни в одной из парижских больниц летом 1901 года. Похоронен в Ницце рядом с могилой Александра Ивановича Герцена. Это — желание покойного [10].

Венюков не стал, как Герцен, революционером. Но по своему мировоззрению и непримиримому отношению к монархии он примыкал к демократическим кругам про-

* Последняя публикация «Марсельезы» М. И. Венюкова — в сборнике «Вольная русская поэзия XVIII—XIX веков». М., 1975, с. 371—373.

грессивной части русской интеллигенции второй половины прошлого века. Он в меру своих возможностей боролся с бюрократизмом царской России и внес скромный личный вклад в дело борьбы за светлое будущее Родины.

Символично то, что и мертвым он хотел быть рядом с Герценом — непримиримым противником монархии. Этим желанием подчеркнул, что был идейно близок при жизни к великому революционеру.

Многочисленные статьи и книги Венюкова в дореволюционной России не переиздавались, а интересные воспоминания в трех томах, изданные в Амстердаме в 1895—1901 годах, так и остались, за небольшим исключением, не переведенными на русский язык. Личный архив частью находится в зарубежных хранилищах, частью исчез. Пропала переписка. В России остались немногие рукописи. Это, пожалуй, и есть основная причина того, что о нем до сих пор не написан обстоятельный биографический очерк, не говоря уже о книге.

В центральных архивах Казахской и Узбекской ССР хранится довольно большое количество служебных писем и докладных записок Венюкова, а также других материалов, связанных с его пребыванием в Киргизии и Казахстане. К сожалению, не все эти документы выявлены и введены в научный обиход.

Именем Венюкова названы перевал в Сихотэ-Алине, мыс на Курилах и населенный пункт на Уссуре. И тем не менее он сравнительно мало известен. Причина в том, что после эмиграции имя его в царской России старались предать полному забвению. Только в советское время в различных обзорах и статьях по истории географических исследований Приамурья, Киргизии, Казахстана и Северного Кавказа все чаще и чаще встречается имя Михаила Ивановича Венюкова — бултаря в генеральском мундире.

Умирая, Венюков завещал горячо любимой Родине свои скромные сбережения от небольшого жалованья и

гопораров за литературно-научные труды. 11 366 рублей 20 копеек — все его состояние — он завещал передать Русскому географическому обществу с тем, чтобы проценты с этой суммы выдавались в качестве ежегодных премий за лучшие русские исследования по географии Азии, где прошли его молодые годы и где родился он как ученый.

Это завещание было последним даром Родине большого русского патриота. Горько сознавать, что даже это предсмертное желание Венюкова подвергалось нападкам, осуждению. Нашлись родственники, которые, будучи безразличны к Венюкову при жизни, стали претендовать на наследство. После длительных судебных тяжб завещанная сумма все же была передана по назначению — Русскому географическому обществу, как того пожелал умирающий ученый [11].

И думается, если бы Чокан Валиханов — демократ по убеждениям — стал свидетелем всей жизни Венюкова, он воздал бы ему должное, несмотря на малосущественные педомолвки, о которых, я верю, никто из них никогда бы не вспомнил.

В СЕРЕДИНЕ ПЯТИДЕСЯТЫХ ГОДОВ XIX века в Семипалатинске проходил службу молодой артиллерийский офицер Василий Васильевич Обух. Был он небольшого роста, блондин, с типично славянским лицом, доброжелательный к людям [1]. Среди сослуживцев, в большей своей части невежественных и постоянно полупьяных, выделялся образованностью, демократичностью по отношению к рядовым солдатам, независимостью взглядов и смелостью суждений. Солдаты уважали его за требовательность и справедливость, офицеры и чиновники — за добрый, веселый нрав и компанейство. Был отмечен как «очень образованный» заезжим петербургским путешественником в 3-м номере военной газеты «Русский инвалид» за 1859 год. Имел приятельское знакомство с солдатом Федором Достоевским [2]. Здесь же познакомился и с Чоканом Валихановым.

В начале 1856 года Василий Обух был переведен в укрепление Верное начальником местной артиллерии, о чем Ф. М. Достоевский уведомил их общего знакомого А. Е. Врангеля в письме от 9 ноября 1856 года [3]. В мае и июне В. В. Обух, как и Чокан Валиханов, находился в отряде Хоментовского, совершил путешествие на озеро Иссык-Куль.

Осенью 1856 года в немногочисленной среде верненской интеллигенции Обух привлекает к себе внимание столичного ученого-путешественника, проникательного и доверчивого Петра Петровича Семенова — будущего академика и сенатора Семенова-Тян-Шанского. По его словам, В. В. Обух «был очень симпатичным и талантливым человеком» [4]. Ему, «как наиболее образованному и развитому из местной интеллигенции», П. П. Семенов излагал свои взгляды на грядущую судьбу Средней Азии,

говорил об исторической неизбежности большого благотворного влияния России на будущность окраинных народов. Такая доверительность приезжего ученого к неизвестному офицеру многозначительна и сама по себе является прекрасной характеристикой. В среде своих товарищей-офицеров В. Обух — весельчак, чрезвычайно общительный и «всеми любимый», по выражению Сяковского, пехотного офицера и сослуживца по Верненскому укреплению [5].

А спустя три года Василий Обух сближается с А. Ф. Голубевым и дает согласие быть сотрудником и корреспондентом географического общества (как в наше время сказали бы — на общественных началах). Голубев рекомендовал ему заниматься сбором географических сведений и наблюдением за климатом Верненского укрепления и подарил приборы первой необходимости: термометр и барометр. Дал инструкцию по производству наблюдений.

В. В. Обух с увлечением занялся метеорологическими наблюдениями. По мере накопления данных высылал в Петербург результаты своих занятий. И уже через год совет Русского географического общества нашел возможным присудить ему серебряную медаль по отделению физической географии [6]. А 17 октября 1860 года он был избран членом-сотрудником общества. Представление на избрание В. В. Обуха было подано А. Ф. Голубевым, П. П. Семеновым и Чоканом Валихановым [7].

Валиханов, видимо, подтвердил достоверность получаемых данных наблюдений за погодой в районе Верненского укрепления.

В далеком Петербурге друзья и рекомендатели Василия Васильевича Обуха не знали, что именно в день избрания его членом-сотрудником Русского географического общества в Семиречье начались события, благополучно закончившиеся только 21 октября в урочище Узунагач,

где сейчас находится большое и богатое село с таким же названием.

Умелое использование Василием Обухом артиллерии, обрушившей град картечи и ядер, принесло блестящую победу двухтысячному отряду русских над двадцатитысячным войском кокандцев, стремившихся уничтожить поселения Верный, Иссык, Талгар, Каскелен и цепь пикетов на пути к Капалу. В честь этой победы и для увековечения памяти погибших солдат над братской могилой на возвышенности Узунагача в 1885 году был сооружен деревянный памятник, а через двадцать лет взамен временного поставлен монументальный обелиск из гранитных блоков. Он сохранился до наших дней.

Летом 1859 года артиллерийский взвод В. В. Обуха сопровождал рекогносцировочный отряд М. И. Венюкова, занимавшегося топографическими съемками и исследованиями долины реки Чу и северных прииссыккульских хребтов. Безусловно, В. В. Обух общался с М. И. Венюковым как офицер, находящийся в его распоряжении. Однако, судя по сохранившейся в Центральном Государственном архиве Казахской ССР переписке М. И. Венюкова с омской и верненской военной администрацией и его печатным трудам, добрые приятельские отношения между Венюковым и Обухом не установились.

М. И. Венюков, как офицер Генерального штаба, не должен был без внимания оставить статью Обуха, опубликованную в 1859 году в 1-м номере «Артиллерийского журнала». В этой статье В. В. Обух дал описание опыта использования ракетного оружия в горных условиях.

В те годы ракетное оружие (несколько напоминающее современные минометы) проходило испытание на Кавказе и в Средней Азии. Статья Обуха являлась результатом боевого испытания, поэтому в свое время представляла определенный практический интерес не только для артиллеристов русской армии. Материалом для статьи послужили личные наблюдения и выводы об эф-

фektivности использования ракетного оружия в условиях бездорожья, сильно пересеченной местности и в горах, где невозможно транспортирование тяжелых пушек. Снабжение ракетным оружием (станками) различного рода небольших рекогносцировочных отрядов являлось наиболее целесообразным. Они легки, портативны, просты в употреблении. Для перевозки приторачивались к седлу. Второй всадник возил небольшой запас мин на 2—4 выстрела. Боевые качества ракетного оружия В. В. Обух испытал не раз в 1856—1858 годах. Особенно хорошие результаты использования ракетных станков получены во время Узунагачской битвы.

В 1859 году, будучи в составе рекогносцировочного отряда М. И. Венюкова, В. В. Обух также был вынужден использовать силу этого оружия на реке Чу и в горах у Исык-Куля при отражении нападений кокандских сарбазов. Венюков, как начальник рекогносцировочного отряда, безусловно, давал распоряжения о применении ракетного оружия, наблюдал результаты его действия и делился своими наблюдениями с В. В. Обухом.

Вне сомнения, Чокан Валиханов был также знаком со статьей В. В. Обуха — как офицер русской армии и как исследователь, пристально следивший за работой своих современников по изучению милой его сердцу огромной Азии.

Василий Васильевич Обух не был равнодушен и к далекому прошлому Семиречья. Побывав в Джаланаше, он вывез оттуда камень с тибетской надписью, найденный на кургане около речки Вторая Мерке [8]. Выслал его в Русское географическое общество.

В 1864 году В. В. Обух, как и Чокан Валиханов, вошел в состав военной экспедиции Черняева. В неопубликованном альбоме рисунков и путевом дневнике тобольского художника М. С. Знаменского, также участника черняевского похода, найдены бесспорные свидетельства не только служебного, но и дружеского, если не сказать

отсутствовал бы дух репортажности изображения какого-то момента из жизни русского отряда.

Этому моменту предшествовало следующее событие. В панически оставленную кокандцами крепость Мерке русский отряд вошел 23 мая [10]. Со следующего дня солдаты приступили к уборке крайне захламленной территории крепости и устройству к ее новым воротам колесной дороги взамен конной тропы.

В 9 часов утра 28 мая прогрехотали пушечные выстрелы, возвестив отряду, стоявшему лагерем в полутора километрах, что крепость готова к приему постоянного гарнизона. Начальником его был назначен опытный офицер штабс-капитан Шаняевский. При подъеме над крепостью флага отсалютовали крепостные пушки, одна из которых изображена на рисунке. Солдаты в этот момент застыли по стойке «смирно».

Именно утром 28 мая, в минуту торжественного оповещения о готовности крепости принять гарнизон, Знаменский сделал свою вторую зарисовку. А рисунок Обуха выполнен перед подходом отряда к крепости во время ее рекогносцировки 21 мая. На рисунке В. Обуха — типичная кокандская крепость с бойницами и зубцами на верху толстой саманной стены. На рисунке Знаменского — уже русская крепость с атрибутами царской власти — крест и флаг.

Во взятой крепости Мерке В. Обух находит интересный амулет и посылает в Петербург. Амулет получен Географическим обществом до 3 октября. Доставка посылок на такое расстояние в те времена требовала не менее двух месяцев, можно сделать предположение — амулет выслан не позднее 1 августа. Вернее всего, даже несколько ранее. Интересен факт: В. В. Обух до своей гибели не покидал экспедицию Черняева. Естественно, что сам оттуда в те времена он не мог выслать амулета. Кому-то передал, чтобы тот, прибыв в Верный (первый

пункт с почтовой связью), переслал в Петербург. Кто мог быть этим лицом?

Известно, что 10 июня отряд Черняева в Аулие-Ате оставили штабс-ротмистр Чокан Валиханов, его троюродный брат поручик Газы Валиханов, художник Знаменский, инженер Криштановский и офицеры Бессонов, Васильев, Семенов и Грязнов [11]. Обух остается при отряде Черняева в Аулие-Ате. Весьма возможно, что амулет был выслан от имени Обуха в Петербург Чоканом. Это предположение кажется вполне вероятным, если принять во внимание глубокие этнографические интересы Чокана.

В. В. Обух не пережил Чокана. 1 октября 1864 года отряд Черняева с рекогносцировочной целью дошел до стен Ташкента. 2 октября пушки Обуха начали артиллерийскую дуэль с кокандской крепостной артиллерией. В стене крепости образовалась брешь. Обух, с разрешения Черняева, силами трех рот предпринял штурм крепости. Кокандцы встретили русские войска шквальным огнем. Обух упал, получив смертельную рану. Солдаты залегли во рву. Стали отстреливаться. Штурм захлебнулся. Чтобы вывести из-под ружейного обстрела солдат, Черняев вынужден был направить огонь 12 пушек на ближайшие участки крепостной стены. Под прикрытием этого огня штурмовавшие роты отступили от стен крепости и вынесли истекающего кровью Обуха в числе 16 убитых и 62 раненых.

На тряской телеге 7 октября В. В. Обуха привезли в Чимкент, где через несколько суток он скончался. Погребен на военном кладбище. Семье умершего выдано пособие.

В 1882 году прах Василия Обуха перенесен в Ташкент и вторично предан земле у строившегося тогда военного собора. В 1911 году могила была обнесена чугунной оградой, на ней установлен каменный крест [12].

Одна из улиц Ташкента и ныне носит имя артиллериста Обуха. Его именем была названа в прошлом веке и улица в Большой Алма-Атинской станции города Верного, на которой он, очевидно, жил.

Трудным оказалось мое познание биографии Василия Васильевича Обуха. В поисках каких-либо сведений о нем пришлось просмотреть почти всю, весьма многочисленную, печатную продукцию Русского географического общества в виде солидных томов «Записок», «Известий» и «Вестника» за вторую половину прошлого века; перечитать множество журнальных и газетных статей, книг и мемуаров путешественников, ученых и военных, которые бывали в Семиречье. Немало времени прошло в архивах Алма-Аты и Ташкента за просмотром не одной сотни папок с делопроизводством военных и гражданских учреждений Омска, Верного и Ташкента 1850—1880 годов.

В результате проведенных поисков удалось обнаружить изложенные документально подтверждаемые факты.

Затраченный на поиски труд, я полагаю, не может считаться бесполезным. Из небытия извлечены пока скудные сведения о жизни интересного человека. Без этих сведений была бы в какой-то степени обедненной и биография Чокана Валиханова. Фигура скромного артиллерийского офицера В. В. Обуха дополняет собою то семиреченское общество любознательных и творческих людей, в окружении которых жил и работал первый казахский ученый. Они привлекают наше внимание потому, что в какой-то мере, пусть самой незначительной, и подчас косвенно оказывали благотворное влияние на формирование исследовательских интересов Чокана. Несомненно, имело место и более сильное обратное влияние личной судьбы и творчества Чокана.

ОДНИМ ИЗ САМЫХ ИНТЕРЕСНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Чокана Чингисовича Валиханова, конечно, является его дневник за 1856 год. Этот год для Чокана был замечательным во многих отношениях: насыщен яркими событиями жизни, знаменательным знакомством и встречами с Петром Петровичем Семеновым, тогда начинающим ученым, которого в будущем ожидали крупные административные посты, всемирная известность как ученого и приставка к фамилии Тянь-Шанский.

Встреча с П. П. Семеновым определила судьбу Чокана. Беседы с молодым ученым помогли Чокану разобраться в своих склонностях, неясных намерениях, а главное — уверовать в свои силы и творческие возможности. П. П. Семенов был наделен изумительным чутьем находить талантливых людей. Именно он в молодом офицере Пржевальском увидел несомненные задатки великого путешественника. В доверчивом и скромном хорунжем Сибирского казачьего войска Григории Потанине после первого знакомства в городе Омске зимой 1857 года распознал самоотверженного и самозабвенного ученого-этнографа и путешественника. В двадцатипятилетнем Чокане Валиханове он также, в немногие дни общения осенью 1856 года, прозорливо рассмотрел еще не созревший, но уже яркий талант историка-востоковеда, смелого путешественника и географа [1]. И не ошибся.

Именно он вывел к преддверию науки Чокана, Потанина и Пржевальского. Помог им расправить орлиные крылья. Без преувеличения можно говорить, что Н. М. Пржевальский открыл миру Центральную Азию, Г. Н. Потанин внес весомый вклад в географическую науку, этнографию, фольклористику и общественную жизнь России. А Чокан, по выражению Н. И. Веселов-

ского, «как блестящий метеор, промелькнул над нивой востоковедения».

Но возвратимся к дневнику Чокана. В нем названо немало лиц, с которыми он общался, колеся по дорогам Семиречья весь теплый сезон 1856 года. Фамилии одних он называл полностью, других — обозначал лишь начальными буквами.

Так, возвратившись в Капал из поездки на озеро Иссык-Куль, он записывает в дневнике: «Приехавши на в Капале «было страшно скучно», привлек к себе вни- проехал в Верное и скоро должен быть здесь. На Капале почти никого не было. А. уехал на Кисыкауз для взрыва скалы под новую дорогу — было страшно скучно. Через два дня приехал ожидаемый джентльмен — очень рад своим открытиям: 1-ое — взорвал удачно скалу, употребив на то несколько фунтов пороху, и открыл отличную глину для черепиц. Я видел опыт, и он был очень удачен. Отлично хорошая глина, может быть со временем очень и очень полезна».

Приятель Чокана Д. Е. меня не очень заинтересовал, а вот «ожидаемый джентльмен А.», без которого Чокану в Капале «было страшно скучно», привлек к себе внимание. Во-первых, потому, что он участник, а может быть, и инициатор применения пороха в строительстве дороги. Кстати, отметим, что своей записью Чокан Валиханов засвидетельствовал весьма редкий в те времена пример (а на территории Казахстана — первый) использования взрывчатых веществ при строительстве дорог.

Во-вторых, этот «джентльмен А.» не лишен качеств исследователя. Он — думающий, наблюдательный и инициативный человек. Надо полагать, что именно из-за этих качеств он интересен Чокану. Молодой Чокан, в свою очередь, явно симпатичен «джентльмену А.», иначе у него не было бы побудительных причин показывать проезжему офицеру удачные результаты своих опытов с

глиной — первые образцы изготовленной черепицы. Они вызвали искреннее одобрение Чокана.

Кто же этот «джентльмен А.»?

Составитель и научный редактор сочинений Чокана Валиханова академик Академии наук Казахской ССР А. Х. Маргулан признает в нем подполковника Степана Михайловича Абакумова. В подтверждение догадки А. Х. Маргулана можно сослаться на авторитетного современника Чокана Валиханова, семипалатинского чиновника и автора многих печатных работ Н. А. Абрамова. Он засвидетельствовал, что Абакумов является инициатором и организатором строительства и «много старался об устройстве...новой дороги» [2]. Взрывные работы выполнял унтер-офицер Чичканов. В 1859 году от Абакумова потребовали откомандировать Чичканова на некоторое время в Верненское укрепление, «в здешнюю военно-рабочую команду для приобучения людей» разработке известкового камня взрывным способом [3].

В именованном указателе к «Очеркам Джунгарии» Чокана Валиханова А. Х. Маргулан отмечает, что Абакумов был корреспондентом Московского общества испытателей природы, куда посылал коллекции чучел птиц, пресмыкающихся, пауков и т. д. Чокан Валиханов в тот год на Иссык-Куле собрал небольшие орнитологическую и энтомологическую коллекции, которые вскоре кто-то из омских знакомых выслал в Дрезден немецким ученым [4].

Таким образом, у Валиханова и Абакумова имелась общность интересов — изучение природы Семиречья. Это несомненно, их сблизило. Вот почему при отсутствии Абакумова в Капале Чокану «было страшно скучно». Эта фраза, оброненная мимоходом в дневнике, — разве не веское доказательство приятельских отношений?

В «Очерках Джунгарии», делая краткий обзор выполненных исследований фауны и флоры Семиречья, Валиханов, наравне с такими известными учеными, как Шренк, Влангали, Бэр, Ковалевский, Семенов и Карелин,

упоминает Абакумова в следующем сообщении: «В изданиях Московского общества испытателей природы были помещены описания птиц, гадов и жуков на основании чучел и образцов, присланных в это общество г. Абакумовым».

Несомненно, Абакумов был первым из постоянных жителей Семиречья, кто начал заниматься изучением местной природы. Захотелось узнать о нем больше и подробнее. И я приступил к поискам и сбору сведений. Немало упоминаний о нем оказалось разбросано в печатных и рукописных источниках того времени. Их следовало собрать и обобщить. Узнав об Абакумове как можно больше, тем самым мы в какой-то мере лучше будем знать и Чокана. А может быть, даже удастся вписать дополнительную строку в его биографию? Если нечто подобное случится, то это обстоятельство с лихвой окупит труд краеведа.

В результате у меня накопилась целая папка различных выписок. Они позволяют, хотя бы и фрагментарно, проследить жизнь Степана Михайловича Абакумова, его контакты с замечательными людьми, особенно с Чоканом Валихановым.

Абакумову в жизни повезло дважды. Первый раз — попал в Омское войсковое казачье училище, окончание которого в дальнейшем способствовало почти головокружительной карьере Абакумова — сына рядового казака. Второй раз — жизненный путь сошелся с путями Григория Силыча Карелина, замечательного русского человека, ученого без официального образования, верхом на верблюдах и лошадях, в бричке и пешком объехавшего Алтай, Восточный Казахстан, оренбургские и прикаспийские степи. Карелин первый обследовал во второй четверти прошлого века тогда неизвестный Тарбагатай и загадочный Джунгарский Алатау. Более 50 лет своей скитальческой жизни прожил на окраинах России: в Ханской ставке (Урде), Оренбурге, Уральске, Гурьеве, Семи-

палатинске. Скончался в городе Гурьеве в довольно преклонном возрасте в 1872 году.

Для властей Карелин всю жизнь был «вредным» человеком. «Вредность» его была замечена еще 1822 году, во время службы в канцелярии Аракчеева. Там он имел неосторожность, пародируя аракчеевский девиз на графском гербе «Без лести предан», нарисовать чертенка в мундире и сделать надпись: «Бес лести предан». К тому же распевал в кругу своих товарищей комическую песенку собственного сочинения все о том же временщике Аракчееве. За эту дерзость Карелин был арестован прямо в канцелярии и с невероятной поспешностью вывезен в далекий Оренбург, где сдан солдатом в местный гарнизон. Со ссылкой так поспешили, что Карелину не позволили даже надеть шинель. От Петербурга до места ссылки он ехал в одном мундире под брезентовым тентом фельдъегерской телеги.

А спустя почти четверть века — 4 июня 1845 года — Карелин снова за «вредность» административным порядком высылается из Семипалатинска в сопровождении полицейского офицера. И здесь мы впервые находим свидетельство его дружбы с молодым сотником Абакумовым. Карелин оставляет Степану Михайловичу доверенность на получение ожидаемых от Петербургского зоологического музея 1550 рублей ассигнациями. 29 июня Абакумов получает перевод. Три четверти полученной суммы отдает купцу Самсонову на погашение долга Карелина. 17 июля сообщает Карелину, что остальные деньги «остаются у меня впредь до особого Вашего распоряжения».

Спустя шесть лет из подмосковной деревни Карелин пишет семипалатинскому почтмейстеру Л. Г. Трифанову письмо, в котором спрашивает об Абакумове: «Где витает и чем занимается добрый мой приятель С. М. Абакумов? Если б я знал, куда адресовать к нему, то не задумался бы ни на минуту. Если Вам известно, то, во-первых, сообщите о том мне, а во-вторых, напишите к нему

с усерднейшим поклбном и желанием моим возобновить дружбу и тесную корреспонденцию» [5]. Эти письма свидетельствуют о близких, приятельских отношениях Абакумова с «вольнодумцем» Карелиным.

Не удивительно, что впоследствии Абакумов стал приятелем Чокапа Валиханова — демократа по мышлению и складу характера. Общность убеждений, несомненно, прогрессивного направления и критическое отношение к неприглядной российской действительности подкованным сапогом аракчеевых и бесконтрольных самодержцев — вот что просматривается в людях различных поколений, представленных старшим Карелиным, Абакумовым и молоденьким Валихановым. Кстати, Карелин и Валиханов никогда не встречались друг с другом. Абакумов является живым связующим звеном между этими учеными.

В первой половине сороковых годов XIX века Абакумов заведовал в Семипалатинске бригадной школой. Летом имел много свободного времени и потому мог лично участвовать в путешествиях Карелина и, тем более, оказывать возможные услуги по организации экспедиций. Так, например, казаки Абакумова доставили из Кокпекты на Алаколь небольшую лодку. Может быть, впервые за всю историю существования озера натуралист Карелин бороздил водную поверхность Алаколя.

Вне сомнения, молодому хорунжему (с февраля 1845 года — сотник, с 1847 года — есаул и с 1854 года — подполковник) Степану Михайловичу Абакумову именно Григорий Силыч Карелин привил творческое отношение к природе и дал возможность почувствовать обворожительную прелесть тяжелых и опасных путешествий по мрачным ущельям гор и пустынным степям юго-восточного Казахстана.

По рекомендации Г. С. Карелина, как сообщает его биограф Липский, Абакумов сопровождал в путешествиях ученых Шренка и Влангали. С ним вступали в переписку

натуралисты Европы. По их просьбе собирал, а затем высылал коллекции фауны и флоры, не требуя за свой труд ни денежных вознаграждений, ни других поощрений.

Сборами снабжал и русскую Академию наук. Им было найдено несколько ранее неизвестных науке растений и насекомых. Некоторые из них (например, один из видов полыни) получили его имя, что следует расценивать как знак признательной благодарности ученых за оказанные им услуги.

Абакумов нередко многие месяцы и годы по делам службы находился в отрыве даже от захолустного Семипалатинска. Он вряд ли имел возможность когда-либо пользоваться серьезными книгами. Только преклонение перед наукой, безотчетное желание служить ей в меру своих сил и возможностей, трудолюбие и любознательность сделали архипровинциального казачьего офицера корреспондентом Московского общества любителей природы. Его скромная деятельность, выразившаяся в сборе коллекций и помощи, оказываемой путешественникам нередко сверх служебных предписаний, явилась причиной того, что в середине прошлого века в книгах, путевых записках и дневниках многие ученые упоминали о нем. Писали в самом благожелательном и дружеском тоне, косвенно или прямо выражая ему благодарность за малые и большие услуги.

Семенов-Тянь-Шанский в известной книге мемуарного характера «Путешествие в Тянь-Шань» посвятил ему несколько страниц. Не обошли его вниманием и А. К. Гейнс, А. Ф. Голубев, Н. А. Абрамов и другие. Имя Абакумова встречается даже в работах заграничных путешественников, например, у англичанина Т. У. Аткинсона, встречавшегося с ним в 1848—1849 годах.

От Карелина Абакумов воспринял безотчетное увлечение сбором представителей фауны и флоры, получил некоторые познания в геологии и минералогии. Все это

впоследствии пригодилось ему. Вот тому некоторые примеры. В пятидесятых годах у Капала Абакумов обнаружил залежи точильного камня, чем избавил жителей Семиречья от необходимости покупать по дорогой цене точильные бруски, которые привозились купцами из европейской части России.

Он обратил внимание на Капал-Арасанский минеральный источник. По его ходатайству у источника построено из еловых бревен небольшое ванное здание с номерами для временных жильцов, заложен садик. Здесь по рекомендации Абакумова лечился простудившийся П. П. Семенов в первый свой приезд на землю Семиречья [6]. У источника побывали в разное время Ч. Ч. Валиханов, Н. А. Северцов, Н. М. Пржевальский, И. В. Мушкетов, М. И. Венюков и многие другие ученые, научные интересы которых приводили их в этот край.

С полным основанием можно причислить С. М. Абакумова к пионерам освоения Семиречья. Именно он заложил первый камень в фундамент первого дома в первом в Семиречье русском населенном пункте — Капале.

Это произошло при следующих обстоятельствах. Еще в XVIII веке территория Восточного Казахстана вошла в состав России. Старший жуз оставался предоставленным самому себе. Отсутствие централизованной власти, государственной дисциплины, непрекращающаяся вражда султанов, биев, баев породили страшный бич народа — барымту. Она подрывала экономику, не позволяя развивать производительные силы, животноводство и хлебопашество, держала народ в нищете и порождала массу личных трагедий.

В начале XIX века Семиречье номинально вошло в состав России, но русское влияние медленно распространялось в глубь края. В степи по-прежнему буйствовала безнаказанная барымта. Карелин, посетивший Семиречье в 1841 году по поручению Академии наук, сообщил министру внутренних дел: «Край в жалком состоянии упад-

ка как по торговой и промышленной частям, так и в других отношениях».

А генерал-губернатору Западной Сибири князю П. Д. Горчакову писал с берегов Лепсы: «Настоящее положение несчастного здешнего края таково, что всякий шаг надобно делать, осматриваясь. Многочисленные шайки барымтачей разъезжают по всем направлениям. Дерзость их неимоверна: нападают на русских и без милосердия грабят своих земляков. В том месте, где я теперь нахожусь, за два дня до моего прибытия угнали табул лошадей от 400 до 500 голов...» [5].

Народ из-за барымты и междоусобиц покидал Семиречье. Его нужно было защищать от любителей легкой наживы, пресечь беспорядки. Карелин советует на Каратале создать сильный пикет с мобильным отрядом казаков для борьбы с барымтачами. Русское правительство решилось на активные действия по искоренению беззакония и установлению спокойствия в степи.

В третьем томе «Истории Казахской ССР» приводится такой факт: «Казахи из волостей Чапраштинской, Жалаиrowsкой, Абдан-Сувинской в письме... подполковнику Ф. Шубину писали: «С самого прибытия вашего с отрядом в кочевья наши прекратились все междоусобицы, восстановилась тишина и спокойствие...» И далее резюмируется: «Несмотря на классовые цели, преследовавшиеся царизмом, меры по прекращению междоусобиц, укрепление пограничных районов, расширение торговли, строительство опорных пунктов на торговых путях в крае способствовали закреплению влияния России в Старшем жузе».

Весной 1844 года из Аягуза под командованием хорунжего Абакумова вышла казачья сотня с шестью пушками, взяв направление на юг, к северным отрогам Джунгарского Алатау. Задачей отряда было избрать место для закладки укрепления с тем, чтобы оно явилось опорным пунктом для защиты подданных племен Большой Орды.

С большим трудом двигался отряд. Нужно было преодолеть обширные площади мокрых солончаков и бархан-ных песков, крупные реки Аягуз, Лепсы и горный перевал. Для будущего укрепления избрана долина Джунка, место у реки Капалка. «В 1845 году российское подданство приняли казахи, кочевавшие в окрестностях Капала. С этого времени русские власти стали рассматривать казахов Старшего жуза как российских подданных, а территория жуза до реки Или была включена в Российскую империю», — говорится в «Истории Казахской ССР» (Алма-Ата, 1957).

А через два года прибыло 500 семей и 200 молодых казаков для строительства укрепления, названного Капальским.

К началу зимы 1847 года часть семей вошла в новосрубленные хаты, но многие встречали зиму или в землянках, или в казахских юртах. Даже новогодний и другие праздники немногочисленные офицеры гарнизона отмечали в юрте [7].

Неустроенность, плохая пища, а тут еще зимой стал свирепствовать тиф. Для больных построили барак, где разместили лазарет, но без врача и медикаментов. Из семи больных умирало пять, поэтому казаки горько шутили: дорога в лазарет — дорога на кладбище. Заболевшие боялись его, предпочитая умирать дома, среди близких. Начальник укрепления барон Врангель и есаул Абакумов каждое утро делали обход казармы и домов семейных казаков. Обнаруженных больных приказывали силой отправлять в лазарет — это была единственно возможная мера борьбы с тифом.

Строительство укрепления в основном закончилось к 1851 году. Возле укрепления возникли казачья станица и поселение мещан. Росту населения способствовала бойкая торговля русскими товарами в Кульдже.

Уже в 1854 году Капальское укрепление возведено в степень окружного города, открыто городское самоуправ-

ление — окружной приказ только что образованной Семипалатинской области [8]. К шестидесятым годам в городе насчитывали 626 частных деревянных домов, образовавших 10 улиц и 8 переулков. Была деревянная церковь, строилась на территории крепости каменная гарнизонная, а также мусульманский молитвенный дом. Имелись две школы: русская — на 60 и татарская — на 50 учеников. По речке Капалке выстроились чередой 42 мельницы. Капалку и овраги перекрывали 9 деревянных мостиков.

В городе имелось 3 каменных дома, 5 цейхгаузов, 1 хлебный, 1 винный и 1 промышленный магазины. Насчитывалось торговых лавок 20 и балаганов (навесов, палаток) 57. Число жителей—6500. Но смертность, особенно детская, была ужасающе высокой: из 100 родившихся детей умирало 76 [9].

Кроме перечисленного, имелось 5 кузниц, 1 завод, вырабатывавший за год 50 000 кирпичей на сумму 150 рублей. Наши представления о заводе никак не ассоциируются с таким карликовым предприятием. Другой завод, кожевенный, вырабатывал кожи на 6000 рублей.

Заложен «казачий» сад, где росли вывезенные по инициативе Абакумова из Кульджи саженцы груши, персика, яблони, винограда. Абакумов приказывал сажать деревья на территории укрепления и у стационарных помещений степных пикетов.

Принудительное вначале озеленение населенных пунктов в предгорьях Джунгарского Алатау перешло в добрую традицию. Абакумов как администратор отличался большой практичностью.

Приезд П. П. Семенова в Капал разбередил Абакумова. Он помог организовать восхождение на Джунгарский Алатау, предоставив в распоряжение П. П. Семенова команду казаков, и сам вызвался было сопровождать их, вспомнив былые скитания с Карелиным, но потом все же остался в Капале.

Большой вклад личной энергией и распорядительностью Абакумов внес в прокладку в 1848 году тракта Аягуз — Канал, а спустя шесть лет и тракта Канал — Верный. В прошлом веке на азиатской части России эти тракты были если не образцовыми, то, во всяком случае, считались достойными подражания.

При образовании Туркестанского края с центром в Ташкенте почта в Петербург и обратно шла не по кратчайшему направлению через Оренбург и Казань, а через Верный, Семипалатинск, Омск, Екатеринбург. Этот круговой путь оказывался более надежным в смысле сохранности корреспонденции и скорости ее доставки к месту назначения, что не раз отмечали современники.

Немалая доля Абакумова в хозяйственном освоении Семиречья была отмечена западносибирской администрацией, в подчинении которой до 1867 года находилось все Семиречье, а также восточная часть Казахстана. Еще при жизни Абакумова его именем назвали основанный им новый почтовый пикет, возле которого впоследствии возникла казачья станица Абакумовка. Этот пикет Абакумов взял под свое шефство, как бы мы сейчас могли выразиться. На личные средства Абакумова здание почтового пикета (станции) было прекрасно обставлено мебелью; остановившимся на ночлег пассажирам выдавались свежие простыни, что было редкостью в то время. Здание пикета всегда содержалось в чистоте, хорошо отапливалось.

После смерти «шефа» в комнате отдыха Абакумовского пикета долго висел его портрет работы неизвестного художника, очевидно, из ссыльных польских революционеров, которых в то время немало было в Канале.

Чокан Валиханов задолго до своего знаменитого путешествия в Кашгар, как будто заранее зная, что ему суждено побывать там под видом заурядного торговца, интересовался условиями торговли в Восточном Туркестане. О сборе Валихановым этих сведений знал Абакумов. Он направил Чокана к канальскому купцу Исаеву, ведущему

торговлю с Кульджой и не раз побывавшему в молодости на территории Восточного Туркестана. При содействии Абакумова Валиханов получил от стареющего купца кроме устной информации письменное изложение интереснейшей истории его вольных и невольных скитаний.

На тексте записок Исаева Валиханов оставил отметку: «От купца Исаева. Капал, июля 24 дня 1856 г.»

Это произошло после возвращения Чокана Валиханова из путешествия к Иссык-Кулю. И как раз в те дни, когда Абакумов показывал результаты опытов с глиной и делился открытием залежей точильного камня.

Валиханов и Абакумов могли общаться в конце 1857 и первой половине 1858 годов. Валиханов тогда находился в Семиречье, готовясь к путешествию в Кашгар. Абакумов не мог, хотя бы косвенно, не быть привлеченным к организации путешествия.

Мы уже рассказали в очерке «Встречи в пути», что в апреле 1859 года, когда Чокан, закончив свое опасное путешествие, ехал из Верного в Омск, он в Капале познакомился с М. И. Венюковым, ехавшим из Омска в Верный. Этому мог содействовать Абакумов.

За два года до смерти Абакумов переехал на жительство в Семипалатинск. В апреле 1864 года через Семипалатинск проезжал Валиханов. К сожалению, не сохранилось сведений о том, встречались ли они тогда, так сказать, частным порядком, по зову старого знакомства и личной привязанности.

Степан Михайлович Абакумов умер в начале января 1865 года. Слух о его смерти дошел до безнадежно больного Чокана. Он был, очевидно, немало опечален уходом из жизни одного из близких семиреченских знакомых.

Память о Степане Михайловиче Абакумове долго жила среди семиреченцев. Нынче переименована станица, носившая его имя более ста лет. Лишь ботаникам известна его фамилия, которой названо редкое растение семиреченской флоры.

НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВИЧ СЕВЕРЦОВ — крупный русский ученый-естествоиспытатель, путешественник. Двадцать три года своей жизни отдал исследованию Средней Азии и Казахстана. Неоднократно бывал в Семиречье начиная с весны 1864 года. Он принимал участие в военной экспедиции полковника Черняева, в составе которой был Чокан Валиханов. Однако в литературе нет упоминаний об их встречах и даже простом знакомстве. Северцов лишь один раз в своих работах называет имя Валиханова. У Валиханова фамилия Северцова вообще не встречается. На документированный факт одновременного пребывания двух выдающихся людей в экспедиционном отряде Черняева не было никем обращено внимания, что объясняется некомплексным изучением биографий ученых. Биографы Н. А. Северцова давно знали о его участии в отряде Черняева, не раз писали об этом. То же относится и к биографии Ч. Ч. Валиханова. Тот, кто соединил бы эти сведения, сопоставил их, неизбежно пришел бы к выводу — Валиханов и Северцов были лично знакомы.

А вскоре мне в руки стали попадаться и документальные подтверждения этой догадки.

Н. А. Северцов был интереснейшим и оригинальнейшим человеком. После успешной защиты диссертации на степень магистра он мог работать в Московском университете, но мысль о профессуре и кафедре была отброшена ради возможности понасть в экспедицию на Сырдарью. О такой возможности ему мечталось давно. Еще будучи студентом, он познакомился с известным уже к тому времени натуралистом и путешественником Григорием Сильчём Карелиным.

Несмотря на 25-летнюю разницу в возрасте, между Карелиным и Северцовым установились дружеские взаи-

моотношения, сохранившиеся до конца дней обоих. Убежденный сединами Карелин и юноша Северцов на протяжении первых десяти лет своего знакомства мечтали о совместных путешествиях по Средней Азии и Казахстану.

В письмах к Карелину Северцов шутливо писал: «Тянет душа моя, и пренабожно молю господу об этом путешествии утром, вечером, во все часы дня, чтобы благословил он Ваш бумажник, устранил препятствия, а с моей стороны их нет». Но осуществить совместное путешествие им не удалось.

Первое путешествие Северцова началось 3 августа 1857 года. Экспедиция вышла из Оренбурга. Руководил ею сам Николай Алексеевич. Экспедиция прошла в низовья Эмбы, где открыла выходы нефти, а в долине реки Илек — залежи угля. Прошла к северу Аральского моря, а затем в низовья Сырдарьи.

На следующий год после зимнего перерыва работа экспедиции возобновилась, но здесь с Северцовым произошло несчастье, чуть не лишившее его жизни. 26 апреля у озера Джерты-Куль, вблизи форта Перовского (ныне город Кызыл-Орда), на Северцова и его спутников напали кокаандцы. Тяжелораненый Северцов был ими отвезен в Яны-Курган, а затем в город Туркестан. Только благодаря недюжинному здоровью и счастливому случаю он остался жив. По требованию русских властей Северцов был освобожден из плена через месяц и доставлен в форт Перовский. Еще через два месяца он поднялся на ноги и сумел продолжить экспедицию [1].

Друзья и родственники советовали отказаться от каких-либо путешествий и заниматься кабинетным трудом. К этому принуждал и трезвый рассудок. Открылась возможность занять вакансию доцента на кафедре общей зоологии в Киевском университете. Здесь была обеспечена карьера будущего ученого. Северцов уже получил проездные, приготовился выезжать в Киев. Но до него дошли слухи об организации экспедиционного отряда

М. Г. Черныяева. Участие в этом отряде давало ему возможность осуществить давнишнюю мечту — проникнуть в Среднюю Азию. И голос трезвого расчета замолк, совесть и жажда исследователя победили. Вторично Северцов отказывается от университетской карьеры, возбуждает ходатайство о прикомандировании к отряду Черныяева, пишет частное письмо об этом самому Черныяеву. С помощью Русского географического общества и с согласия Черныяева он получает от военного министра разрешение быть при отряде «для научных исследований Зачуйской страны и при этом обратить особое внимание на собрание наблюдений и сведений, относящихся до производительных условий. Принимая во внимание познания, опытность и знакомство со степью, приобретенное Северцовым.., а равно ту пользу, какая может произойти от его научных исследований и чисто практических указаний...» [2].

Северцов в конце февраля выезжает из Петербурга в укрепление Верное через Воронеж и Омск. К месту назначения прибыл в конце апреля перед самым выступлением отряда. В начале апреля сюда же приехал Валиханов, приняв предложение Черныяева быть переводчиком при штабе отряда.

Итак, в Верном подходит к концу подготовка к походу. Сюда прибыли офицеры 7-го Сибирского батальона, в котором некогда служил Федор Михайлович Достоевский. Одной из рот батальона командовал штабс-капитан Бахирев, семипалатинский приятель писателя. В 1856 году они даже жили в одной квартире. В укреплении Верном уже находились начальник Алатауского округа Г. А. Колпаковский и его заместитель Медынский, полковник М. Г. Черныяев, офицеры Шаняевский, Обух, Добровольский, Лерхе, Макаров и другие. Все эти лица были знакомы Валиханову. Северцов, прикомандированный к отряду, по прибытии в Верное представляется тотчас же Черныяеву, кстати, давнишнему знакомому по Петербургу

или Москве. Нет сомнения, что Валиханов и Северцов были представлены друг другу. При этом они не могли не обратить внимания друг на друга. Северцов, как действительный член Русского географического общества, несомненно, читал статью Валиханова о поездке к Кашгарию, опубликованную в 1861 году в «Записках» общества. От петербургских знакомых мог слышать рассказы об этом смелом путешествии в Кашгар, о блестящем офицере из правнуков последнего хана Средней Орды.

Своей биографией, положением в обществе и науке и всем внешним обликом Валиханов представлял необычайное явление, тем более в немногочисленной среде армейских офицеров в Верном. Повторяем, Северцов не мог не заметить Валиханова.

Валиханов в свою очередь также не мог не обратить особого внимания на Северцова, в том числе и на его довольно необычную внешность. По воспоминаниям современника, «Николай Алексеевич голову держал всегда вниз и смотрел через очки; ходил, приподняв плечи и как-то бочком» [3]. К этим воспоминаниям следует добавить, что Н. А. Северцов говорил очень медленно, глухим голосом и сильно картавил. Сабельные удары кокандцев оставили неизгладимые следы — рассеченное ухо, шрамы на виске и переносице.

Но самым главным было то, что Северцов прибыл в отряд с научной целью, являлся автором статьи в журнале «Русское слово» за 1859 год «Месяц плена у кокандцев», которую, несомненно, читал Валиханов, тщательно изучавший и собиравший материалы о Средней Азии. И наконец, по принадлежности обоих к Русскому географическому обществу они — коллеги. А это обязывало их к установлению близких взаимоотношений.

Итак, в конце апреля 1864 года жизненные пути Валиханова и Северцова сошлись в укреплении Верном.

Отряд Черняева выступил в поход 1 мая. Северцов же на несколько суток задержался в Верном, чтобы обзавес-

тись верховыми лошадьми и верблюдами для перевозки багажа и будущих коллекций. Только в укреплении Кастек присоединился к отряду, где тот стоял биваком, отдыхая перед трудным переходом перевала. Отряд с большим трудом продвигался по Кастекскому ущелью. Из-за препятствий приходилось переходить несколько раз с одного берега речушки на другой. Тяжелые обозы и пушки перетаскивали с помощью солдат, когда волам было невмочь. На крутых склонах орудия спускали вниз на веревках. 10 мая отряд переправился через реку Чу и расположился лагерем у разрушенной кокандской крепости Токмак, где простоял неделю. «В эту неделю,— пишет Северцов,— впервые ознакомился с каракиргизами родов султу и сарыбагиши». И сделал самокритичное замечание, что к описаниям М. И. Венюкова и Ч. Ч. Валиханова чуйских киргизов «мне, плохому этнографу, прибавлять, впрочем, ничего не приходится, разве то, что парадные выезды их манапов (родоправителей), как, например, к нам в отряд, делаются с музыкой и флейтами» [4].

Этот отрывок является тоненькой ниточкой к окончательному и положительному разрешению вопроса, были ли знакомы Валиханов и Северцов. Напомним, что Валиханов при штабе Черняева исполнял обязанности переводчика и консультанта по вопросам взаимоотношений с местными жителями. В Токмаке и Пишпекке к русскому отряду приезжали киргизские манапы. Они были представлены Черняеву. Судя по официальному документу штаба Черняева, переговоры велись через Валиханова [2]. Северцов указывает, что наблюдал манапов. Значит, он был среди тех немногочисленных лиц, которые непосредственно присутствовали при переговорах. Это обстоятельство является доказательством неизбежности личного знакомства Северцова с Валихановым, неизбежности их общения.

Уверенность в этом подкрепляется записями из дневника художника Знаменского, отрывки из которого опубли-

ликованы в четвертом томе сочинений Валиханова. К сожалению, дневник сохранился не полностью, значительная часть его утрачена [5].

Офицеры отряда питались из общей кухни. Таким образом, моментов непосредственного соприкосновения с Северцовым было много, особенно во время продолжительных стоянок отряда в Кастеке, Токмаке, Пишпеке...

Имеется еще одно немаловажное обстоятельство, которое могло быть поводом для их знакомства. Северцов был прекрасным рисовальщиком, Валиханов не уступал ему в этом. К тому же во время похода Валиханов был очень близок с художником Знаменским, прикомандированным к отряду для снятия планов и видов. Они жили в одной палатке. Знаменский делал много зарисовок, используя для этого каждый свободный час времени. Часто его сопровождал (и, может быть, тоже рисовал) Валиханов. Северцов — в душе тоже художник — во время похода не мог не общаться с другими рисовальщиками.

О том, что художник Знаменский был лично знаком с Северцовым, свидетельствует следующее.

В его альбоме, хранящемся в Центральном музее Казахстана, на 33-м листе имеется не лишняя сарказма и юмора зарисовка с надписью: «Наука, литература, живопись, музыка и прочие искусства идут цивилизовывать кокандцев».

На рисунке изображено шествие. Впереди идет плотный мужчина. Он пучеглаз, имеет бороду и усы. В левой руке держит извивающуюся змею, правой рукой прижимает к груди черепаху, по его спине ползет жук, у головы вьется бабочка. В нем легко узнается зоолог Северцов. За ним идет мужчина с громадным гусиным пером — символом литературы. Это Южаков, которого неоднократно рисовал Знаменский. Третьим в строю идет сам художник, держа в руках громадную кисть. За ним шагает солдат-музыкант, за которым редкими штрихами набросана шеренга солдат с винтовками «на плечо».

Северцов узнается и на десятом листе, который имеет надпись: «21 мая около Мерке. Киргизские муллушки. Могилы».

У одного сооружения изображена группа остановившихся людей. На переднем плане сидит на лошади с винтовкой за плечами всадник с характерными чертами лица и фигуры Северцова. Судя по этому рисунку, Северцов посещал со Знаменским историко-этнографические и архитектурные памятники.

От такого посещения и Чокан не мог отказаться. Вспомним о том, что в «Иссык-кульском дневнике» им сделано немало зарисовок «муллушек».

Альбом Знаменского косвенно свидетельствует о неизбежности личного общения Чокана с Северцовым.

Кокандское укрепление Мерке было занято русскими войсками 22 мая. Шесть дней солдаты занимались уборкой захламленной крепости, и только 28 мая отряд Черняева выступил в поход, взяв направление на Аулие-Ату [6].

И вот в дневнике Знаменского от 24 мая встречается такая фраза: «Завтра зоолог, этнограф, Валиханов и горный офицер оставляют штаб и с ротой, горным орудием и казаками идут в горы» [5]. Других фамилий, кроме Чокана, не называется, но они легко устанавливаются по литературе, касающейся похода. Зоолог — это Северцов, этнограф — Южаков, приехавший из Тобольска, горный офицер — Фризе, приехавший из Алтайских заводов к Северцову.

Научная экскурсия Северцова выходила в горы из Мерке. В нее вошел Валиханов. Этой детали из его биографии чокановеды не знали до частичного опубликования дневника Знаменского. Приведенная из него фраза ставит точку над «и» — Северцов и Валиханов были знакомы! И совсем не поверхностно.

Однако имеется и другой документальный факт.

25 мая Валиханов находился при отряде и принял

участие в горячем споре, вспыхнувшем в штабной палатке во время обеда офицеров [5]. Вопрос — не отложил ли он свое намерение быть в экскурсии Северцова — остается открытым.

Экспедиция Северцова в горы заняла всего несколько суток. Валиханов, если он принял участие в ней, к началу штурма Аулие-Аты присоединился к основным силам отряда. 4 июня взята эта крепость.

Спустя несколько дней Валиханов попутным транспортом выехал в Верное, а Северцов с отрядом Лерхе снова ушел в горы. Вторично встретиться им не было суждено из-за преждевременной смерти Валиханова.

Летом 1867 года Северцов вновь выехал из Петербурга в Семиречье, чтобы присоединиться к ученой экспедиции Полторацкого.

На станции Куянкуз он встретил Полторацкого, брата своей жены. От Куянкуза недалеко могила Чокана, в районе которой Северцов намеревался провести орнитологические наблюдения. Хочется верить, что он посетил в пустынном месте могилу своего коллеги и добрым словом почтил память покойного сотоварища по походу в Аулие-Ату.

ИНЖЕНЕРЫ КРИШТАНОВСКИЕ

УПОМИНАНИЯ ФАМИЛИИ КРИШТАНОВСКИХ нет не только в записках Валиханова и Семенова-Тянь-Шанского, но и всех путешественников, побывавших в Семиречье в середине прошлого века. Ни в печатных, ни в рукописных архивных источниках нам не удалось обнаружить каких-либо сведений об их личных или служебных связях с военными инженерами братьями Криштановскими.

И тем не менее мы уверены, с полным на то основанием, что Криштановские должны быть отнесены к семиреченскому окружению Валиханова, к кругу его личных знакомых.

Криштановские были образованными людьми, энергичными инженерами [1]. Судя по сохранившейся служебной переписке, гарнизонный инженер Капальского округа Криштановский Федор Иванович был дружен с начальником Алатауского округа Колпаковским. Нередко служебный тон писем переходил в сугубо личный. Так, в одном письме из Капала от 22 июня 1861 года он напоследок сообщает: «P. S. В одном из номеров получаемой мной газеты «Век» напечатана весьма интересная для нас статья... которую, впрочем, и Вы прочтете не без удовольствия, а потому посылаю ее Вам. Поклон любезнейшему М. И. Венюкову» [2].

Установлению факта о связях Ф. И. Криштановского с Валихановым служит последняя фраза. Как мы уже писали в очерке о Венюкове, в апреле 1859 года по пути из Омска в Верный он задержался в Капале на несколько суток из-за болезни и встречи с Валихановым. 28, 29 и, возможно, 30 апреля он делил с Валихановым общество.

Криштановский был немного старше Венюкова. Все трое — новички в Капале, все трое по долгу службы об-

щаются с подполковником Абакумовым. В этом свете неизбежно общение Валиханова и Криштановского.

Летом 1860 года в петербургских газетах появились заметки о Валиханове, о его путешествии в Кашгар, а в 1861 году в «Записках» Русского географического общества — «Очерки Джунгарии» самого Валиханова.

Криштановский, и в глухом Капале следящий за новинками периодических изданий, не мог не заметить этих статей.

После встреч в Капале Ф. И. Криштановский, как видно, получает четкое представление о личности М. И. Венюкова, называет его «любезнейший» и передает поклон. То же самое при подходящем случае могло быть сделано и в адрес Валиханова.

Ф. И. Криштановский занимал в Капале должность гарнизонного инженера, сменив инженер-поручика П. А. Никитина по рекомендации управления инженеров при штабе отдельного Западно-Сибирского корпуса (Омск). Занимался проектированием и строительством мостов, инженерных сооружений военного назначения, расположенных в пределах Капальского округа. В 1862—1864 годах работал в Семипалатинске.

О его младшем брате, Николае Ивановиче, благодаря отысканному послужному списку нам известно несравненно больше [3]. Расскажем о нем подробнее.

Он моложе Чокана всего на полгода. Родился в Каменец-Подольской губернии. Родители его числились в дворянском сословии, хотя по имущественному состоянию и образу жизни были ближе к мещанам небольших уездных городков. Кроме собственного дома, никакого состояния не имели. Для удовлетворения семейных потребностей содержали, как в то время выражались, «собственным иждивением» корову, лошадь, свиней, кур, уток. На приусадебном участке земли разводили огород, имели фруктовый садик с малиной и земляникой. Отец служил мелким чиновником в уездном правлении. Дворяне средней

руки направляли подрастающих детей для получения образования в университеты или привилегированные учебные заведения. А мелкое служивое дворянство могло давать своим детям только медицинское или техническое образование — там плата за учебу была меньше. Каменец-подольский чиновник Иван Криштановский своих сыновей, старшего Федора и младшего Николая, сумел пристроить в инженерное училище. Только здесь он мог содержать своих детей.

Сыновья оказались довольно способными учениками. После окончания училища они были направлены для продолжения образования в Санкт-Петербургскую инженерную академию.

Николай успешно проходит курс наук сначала на теоретическом, потом и на практическом отделениях этой академии и в июне 1858 года заканчивает ее с дипломом инженера по первому разряду и чином поручика.

Старший брат Федор закончил академию несколько ранее.

Военный инженер Николай Криштановский получает направление в Киев, а через год переводится в инженерное управление отдельного Западно-Сибирского корпуса, где числится на службе его старший брат Федор.

Из Омска инженерное управление посылает Николая Криштановского в Акмолинское укрепление производителем работ. Два года он занимается строительством цейхгаузов, конюшен, артиллерийских навесов, жилых помещений, ремонтом самой крепости. Организует добычу и подвозку естественного камня-плитняка, выделку и обжиг кирпича. В январе 1862 года приказом инженерного управления переводится в Канал, на место брата Федора, направленного в город Семипалатинск.

Н. Криштановский прибыл в Канал в начале мая в чине штабс-капитана. И сразу же его вызывают в укрепление Верное. Ведет строительные и ремонтные работы

в крепости. Подсыпает земляной вал и производит одерновку его откосов.

Осенью того же года принимает участие в походе к Пишпеку. Общается по служебным обязанностям со знакомыми Чокана И. А. Бардашевым и В. В. Обухом. Во время десятидневной блокады Пишпека руководит осадными работами. Осуществляет закладку зарядов и взрыв их для разрушения крепостных стен, после чего кокандцы сдаются. В этом деле он проявил личное мужество, за что был награжден Почетным орденом Святого Владимира с мечами и бантом и повышен в чине.

Участие в этой осаде чуть не стоило ему жизни. 15 октября осколок ядра кокандской мортиры залетел в пороховой погребок русских. Раздался сильнейший взрыв. В результате пострадало 33 человека, в том числе инженер Криштановский, капитан Обух и переводчик Бардашев.

Всех пострадавших засыпало землей. Контузия Криштановского и Обуха была легкой, они быстро встали на ноги, а остальных пришлось откапывать. После возвращения из похода Н. Криштановский был оставлен в укреплении Верном производителем инженерных работ. Продолжает строительство казарм, складов, жилых домов на территории крепости, а на территории базара — торговых рядов.

Наступили последние месяцы 1863 года. В укреплении Верном идет деятельная подготовка к походу на Аулие-Ату. Формируется Зачуйский отряд, в состав которого будет включен штабс-ротмистр Чокан Валиханов.

В походе потребуются люди, знающие саперное дело: предстоят ремонт и строительство небольших временных мостовых переходов, наводка переправы через Чу, разрушение неприятельских укреплений. По приказанию военных властей капитан Н. И. Криштановский формирует из солдат 8-го линейного батальона саперную роту [4]. Необходимость иметь людей, обученных работам, выполне-

ние которых неизбежно при осаде укреплений, была ему очевидна по собственному опыту 1862 года. И он с ротой проводит практическое обучение.

В начале марта Н. И. Криштановский командирован для рекогносцировки предстоящего пути движения отряда. По нему уже не раз проходили конные отряды, экспедиции Венюкова, Голубева, Семенова. Но в предстоящем походе будут участвовать большая масса пехоты, артиллерия и тяжелый транспорт. Выяснить возможность их прохода совершенно необходимо на таких сложных участках пути, как Кастекский перевал. Вместе с этим Криштановскому поручено произвести рекогносцировку ущелий Большого и Малого Кебина с целью выяснения возможности заготовки там лесоматериала и вывозки его для строительства в освобожденных от кокандцев Токмаке и Мерке.

Для охраны Криштановского выделено две сотни казаков под командованием войскового старшины (майора) Бутакова — давнего знакомого Чокана Валиханова и многих других путешественников.

Сопровождаемый казаками, Криштановский проехал через Каскелен, Узунагач и укрепление Кастек. Полевая дорога была хорошо проторена колесами и вьючным транспортом. В названных пунктах уже имелись почтовые пикеты. А вот за Кастекским укреплением начиналась территория, подвластная кокандцам. Они не проявляли никакой заботы о путях сообщения, поскольку для их конных отрядов, занимавшихся сбором зякета (налога с подвластных киргизов и казахов), бездорожье не было существенным препятствием.

Осмотрев будущий путь движения отряда, Н. И. Криштановский высказывает начальству свои соображения: для обеспечения беспрепятственного прохода артиллерии, пехоты и тяжелого обоза необходимо на некоторых участках дороги с проезжей части убрать валуны, на Кастекском перевале в нескольких местах срыть крутые косо-

горы, взорвать большие камни и выступы скал, чтобы расширить проезжую часть. Для выполнения этих работ ему даны три роты солдат. Конец марта и почти весь апрель он руководит ими.

Весной 1864 года в Верном были собраны все участники предстоящей экспедиции. Уже приехал Валиханов из Омска, Ф. И. Криштановский из Семипалатинска. Н. И. Криштановский был также причислен к отряду [5]. Всех прибывших в Верное размещали на постой в домах зажиточных мещан и казаков.

По вечерам офицеры собирались в тесном помещении офицерского собрания верненского гарнизона. Все они были люди молодые. Беседы вели, надо полагать, не только на темы предстоящего похода. В такой обстановке неизбежно было личное общение инженеров Криштановских и Валиханова.

Затем вместе с отрядом они прошли до Аулие-Аты. Во время ежедневных остановок все офицеры собирались у штабной палатки — на общий ужин, для обсуждения отрядных дел и просто для бесед. Криштановские и здесь имели возможность для неоднократных встреч с Чоканом.

3 июня они участвовали в рекогносцировке крепости Аулие-Ата с целью выбора наиболее удобного места для осадных работ и предстоящего штурма. Командир отряда в своем докладе Западно-Сибирскому военному округу писал, что в числе других офицеров «особенное внимание обратили на себя своей распорядительностью и мужеством... военные инженеры Криштановский I-й, Криштановский II-й...» [6].

За взятие Аулие-Аты оба они были награждены орденами Святой Анны II степени с мечами.

Инженеры Криштановские отличались большой энергией, предприимчивостью и, несомненно, творческим подходом к решению поставленных перед ними задач. Горький опыт трудного преодоления на пути к Аулие-Ате тяжелыми транспортными обозами многочисленных арыков,

оврагов и мелких речушек натолкнул их на мысль изготовить переносный сборно-разборный мост. Мост был изготовлен в Аулие-Ате. Для наводки и разборки его была выделена специальная команда из солдат, прошедших небольшой курс обучения. Предложение Криштановских значительно ускорило движение отряда к Чимкенту.

Впоследствии этот удачный опыт был распространен на все саперные части Туркестанского военного округа.

С октября 1864 года Ф. И. Криштановский после гибели В. В. Обуха исполнял должность начальника штаба отряда Черняева. В начале декабря он приезжал из Чимкента в Верное за получением денежных средств и сдачи финансовой отчетности, а в январе 1865 года возвратился в Чимкент [7].

После этой даты в архивных делах Казахстана имя Ф. И. Криштановского не встречается. В Ташкенте в 1866—1870 годах он состоял членом городского комитета по застройке русской части города [8].

Н. И. Криштановский после взятия Аулие-Аты в числе некоторых офицеров возвращается в укрепление Верное, согласно полученному 8 июня 1864 года от Черняева предписанию, «для присмотра за необходимыми тамошними постройками» [9].

В другом же документе от того же числа — наказе начальника 8-го батальона Богацевича начальнику 9-го батальона Курзину — говорится о составе команды, направляемой в Верное, — сотня казаков, 50 казахских ополченцев и одна рота пехотинцев. Они конвоируют 268 пленных и сопровождают возвращающийся транспорт быков, лошадей и верблюдов. В Мерке Богацевич должен оставить 50 казаков и 20 ополченцев. С этой командой едут штабс-ротмистр Ч. Валиханов, поручик Г. Валиханов, художник М. С. Знаменский и инженер Н. И. Криштановский, которому поручено руководить возвращением команды. Ко-

манда 10 июня вышла из Аулие-Аты. 13-го прибыла в Мерке и вышла 14-го. 26 июня прибыла в укрепление Верное [9]. Так что с Н. И. Криштановским Чокан провёл более двух недель в пути от Аулие-Аты до Верного. Условия походной жизни сближали людей.

По возвращении в укрепление Верное Николай Криштановский в тот же день был откомандирован до 15 августа в Токмак, где проектирует и организует строительство солдатских казарм, конюшен, кухни, складов и других подсобных сооружений, производит заготовку в горах лесоматериалов. Возвратившись из Токмака в Верное, Н. Криштановский составил проект свайного моста на реке Или. Забивку свай рекомендовал производить машинными копрами, что было новинкой для того времени [10].

Из-за отсутствия у местной администрации нужной суммы строительство не было начато. Только спустя 20 лет мост был построен, но уже по новому проекту и другим инженером.

В последние годы своего пребывания в Семипалачье Н. Криштановский, исполняя обязанности гарнизонного инженера по производству строительных работ, сверх служебного времени занимается предпринимательской деятельностью. В Верном открыл несколько торговых лавок и в компании с одним солдатом, мастером кожевенных дел, организовал кожевенный заводик, работавший на местном сырье [1]. Кожи обрабатывались молочными продуктами. Готовая продукция — пошивочные и сапожные кожи — сбывались на рынках Верного, Капала, Ленинска и других станиц.

В 1867 году Н. Криштановский был назначен членом комитета по устройству города Верного. Им предложено место для будущего города. Участвовал в разработке плана, по которому строился город Верный [11]. При разработке плана города им были учтены топография местно-

сти, особенности климата, почвы, условия водоснабжения и направление господствующих ветров.

Таким образом, в основу планировки положены санитарно-гигиенические соображения. Город был задуман из прямых широких улиц, расположенных строго по направлению с севера на юг, в полном соответствии с постоянным потоком воздушных масс: ночью от снежных вершин Алатау на равнину, днем — в обратном направлении. Эти улицы пересекаются под прямым углом поперечными, расположенными с запада на восток. Господствующие западные ветры продували город. По этим же санитарным соображениям были приняты предложения Н. И. Криштановского о величине кварталов и необходимости предусмотреть площади под парки и скверы. Н. Криштановский составил обширную записку, в которой доказывал целесообразность возведения стен жилых и административных зданий из сырцового кирпича, но обязательно на каменном фундаменте [12].

Он первый начал строительство таких зданий. Известно, что до землетрясения 1887 года город Верный был застроен зданиями преимущественно из сырцового кирпича, лишь фасадные стены облицовывались красным, обожженным.

И сейчас в безлесных степных районах нередко используется саман — древнейший строительный материал. Инженер Криштановский в свое время по достоинству оценил саман, рожденный тысячелетним опытом строителей Средней и Центральной Азии, и смело использовал в своей инженерной деятельности.

В 1868 году Н. Криштановский назначается на должность заведующего инженерной частью Семиреченской области, а через полтора года переводится на ту же должность в Сырдарьинскую область. Администрация этой области располагалась в Ташкенте. При переводе Н. Криштановскому присваивается чин подполковника. В это вре-

мя он дважды командировался в Петербург. В одну из поездок женился.

В главном инженерном управлении Н. Криштановский обратил на себя внимание смелостью, предприимчивостью и широтой инженерных знаний. Ему предложили работать в Петербурге. Дал согласие, конечно, не без влияния молодой жены. Работал в Петербургском инженерном управлении. Занимался организацией проектирования военных сооружений. В 1889 году «произведен в генерал-майоры с увольнением от службы с мундиром и пенсией» от Главного инженерного управления. Таким образом, Николай Криштановский вышел на пенсию в пятьдесят три года, прослужив на государственной службе, включая и годы учебы в академии и училище, более 37 лет.

Дальнейшая судьба его неизвестна.

Далека от полноты характеристика обоих Криштановских, прошедших небольшой отрезок жизненного пути вместе с Чоканом Валихановым. Сказать несколько слов об инженерах Криштановских мы сочли необходимым и полезным, говоря о семиреченском окружении Валиханова и помня, что Николай Криштановский являлся одним из авторов первого генерального плана города, черты которого сохранились и в нынешней планировке Алма-Аты.

В 1855—1859 ГОДАХ, будучи адъютантом командира отдельного Сибирского корпуса, Чокан Валиханов нередко по долгу службы бывал в топографической роте. Особенно часто он заходил туда в конце 1857 года, когда готовился к поездке в Семиречье и изучал картографический материал. Здесь, среди немногочисленных картографов, он виделся со своим ровесником Ларионовым.

Константин Афанасьевич Ларионов родился в Тобольской губернии в семье солдата. Еще мальчиком его отдали в Омский полубатальон военных кантонистов. В 19 лет он был выпущен топографом третьего класса и направлен в топографическую роту при штабе отдельного Сибирского корпуса [1]. Детство солдатского сына было тяжелым, нелегко жилось ему и кантонистом, а потом и рядовым топографической роты. Чего-то добиться ему можно было только скрупулезной аккуратностью, исполнительностью, трудолюбием. Непосредственное начальство сообразовало поощрить солдата, повысив ему класс и присвоив в декабре 1857 года чин унтер-офицера, в котором он пребывал ровно 8 лет.

В 1863 году Ларионов работал в составе одной из двух партий так называемой разграничительной комиссии, цель которой состояла в установлении и закреплении пограничными знаками границы с Китаем в пределах бывшей Семипалатинской области. В составе одной из этих партий находился замечательный путешественник Григорий Николаевич Потанин, в другой — астроном Александр Федорович Голубев. Осенью участники комиссии возвратились в Омск.

Менее чем через полгода Ларионов и Валиханов окажутся в Верном, затем будут участвовать в экспедиции на Аулие-Ату. 3 июня, накануне штурма, Ларионов вместе с военными инженерами Криштановскими производил реко-

гносцировку крепости. Результат рекогносцировки докладывался военному совету отряда. Во время доклада и разбора операции по предстоящему штурму у штабной палатки обязательно должны были находиться Ларионов и Валиханов — по существующему в отряде порядку.

4 июня крепость Аулие-Ата взята. За проявленную при этом смелость унтер-офицеру Ларионову присвоен чин прапорщика [2]. После недолгого отдыха отряд выходит на Чимкент. С отрядом ушел и Ларионов.

С этого времени Ларионов и Валиханов больше не встречались. В ноябре 1865 года Ларионову был присвоен чин подпоручика, а еще через полгода — поручика. Весной 1865 года его отзывают в укрепление Верное. После четырехлетней службы батальонным квартирмейстером Ларионов занимался топографическими съемками в пределах Семиреченской области. С апреля 1879 года служил младшим землемером, а с 1882 года — начальником межевого отделения Семиреченского областного правления. К этому времени он имел чин майора. С 1890 года — полковник. До шестидесятилетнего возраста не имел собственного дома, арендовал квартиры у казаков Большой Алма-Атинской станицы и мецан города. Умер глубоким стариком перед Октябрьской революцией, совершенно одиноким.

Среди административных и военных чинов Семиреченской области второй половины прошлого века Ларионов стоит где-то в последнем ряду. А между тем в истории изучения Семиречья ему принадлежит далеко не последнее место.

Будущий известный зоолог В. Н. Шнитников с 1907 по 1921 годы жил и работал в Верном, занимаясь исследованием фауны и флоры Семиречья. Он застал еще в живых людей, хорошо знавших Ларионова. В своем беглом обзоре «История научного исследования Джетысу» [3] В. Н. Шнитников дал следующую характеристику Ларионову: «Прежде всего поражает необыкновенное разно-

образии тех сфер, в которых этот скромный армейский офицер успел проявить себя активным и ценным работником. Главною и официальною его задачею в течение ряда лет была съемка малоизвестных местностей, рекогносцировка горных проходов и путей сообщения и общегеографическое описание исследуемых мест. Но, параллельно с этим, им производились барометрическая нивелировка с определением высот огромного количества пунктов, собиране геологических, ботанических, зоологических коллекций, и, наконец, на склоне лет — производство метеорологических наблюдений на станции Алма-Ата, которую он заведовал и материалы которой он обрабатывал для печати. Эта метеорологическая работа — одна из весьма немногих печатных работ К. А., который по своей необыкновенной скромности с трудом решался выступить в печати и делал это только под чьим-нибудь усиленным давлением».

Действительно, самостоятельных печатных работ у Ларионова не много: в «Памятной книжке Семиреченской области» за 1900 год имеется статья «О климате г. Верного по наблюдениям Верненской метеорологической станции», в той же книге за 1905 год помещены таблицы метеорологических наблюдений. В 23-й книге «Записок Западно-Сибирского отдела Русского географического общества» за 1898 год издана статья «Гипсометрические определения в Кульджинском районе и в Тянь-Шане». Можно еще назвать 2—3 публикации. Ларионов очень болезненно переживал отсутствие систематического образования и считал себя не подготовленным и не способным к самостоятельной работе. Сказывалось недостаточное знание научной литературы, боязнь повторить то, что уже, может быть, кем-то сделано. Поэтому он брался за перо лишь после настоятельной просьбы издателя или по указанию начальства, полагая, что оно лучше знает литературу по интересующему вопросу.

В 1874 году Ларионова командировали на полтора ме-

сяца в Ташкент к ученым Ошанину и Мушкетову с учебной целью. У первого Ларионов брал уроки по препарированию и описанию зоологических сборов, составлению гербария. У Мушкетова, будущего профессора, прослушал беглый курс по геологии и минералогии. Конечно, за столь короткое время глубоких познаний Ларионов приобрести не мог, но получил самые необходимые практические сведения по сбору и первичной обработке коллекций.

В том же году, производя съемки у горных озер Сайран-Нур и Эби-Нур, Ларионов собрал гербарий из 94 видов, изготовил чучела 329 птиц, 85 зверей, 113 пресмыкающихся. Собрал 200 экземпляров представителей мира насекомых. В 1875 году составил гербарий из 319 видов растений, изготовил чучела 107 птиц, засушил 4710 и заспиртовал 1810 насекомых и змей. В следующем году — не менее богатый сбор: гербарий из 270 видов растений, 1062 экземпляра птиц, 11 видов в 30 экземплярах зверей; заспиртовал 800, засушил 2040 и наколот на булавки 2500 различных насекомых. Все эти сборы передаются в Ташкентский музей, зоологу Северцову, Обществу любителей естествознания при Московском университете и Верненской гимназии [1].

Обществом любителей естествознания он и его жена Вероника Сильвестровна в 1875 году за гербарии и зоологические сборы награждены серебряными медалями, а в 1877 году Ларионов избран действительным членом общества.

Весной того же года Ларионов и чиновник Малишевский сняли копии с илийских писаниц тамгалытаса и выслали их в Казань на археологический съезд. Рисунки впервые опубликованы в материалах съезда. Надписи изучены и прочтены.

Это не единственный случай причастности Ларионова к археологии. В октябре 1870 года он наносит на карту расположение археологических памятников на восточном побережье Иссык-Куля. Фиксирует места, где под водой

на дне озера видна кирпичная кладка стен каких-то сооружений и где был найден под водою камень с изображением человеческого лица.

В 1885 году он обследует в археологическом отношении долину реки Нарын. Обнаруживает массу камней с рисунками древних художников. О результатах своих находок сообщает семиреченскому губернатору в объяснительной записке. В частности, указывает, что им встречены камни с изображением различных животных, непонятных предметов и, что интересно, с письменами. В долине Нарына встречены следы ирригации. Киргизы на урочище Джанбулак воспользовались двумя древними арыками, расчистили их и оросили 1000 десятин земли [4].

В начале 1878 года великий английский ученый Чарльз Дарвин обратился в научное учреждение России — Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии — с просьбой выслать образцы всех сортов пшеницы. Общество обратилось за помощью в свои отделы. За восемь лет перед этим в Ташкенте был открыт Туркестанский отдел общества, организованный по инициативе и с участием ученых А. П. Федченко, Н. А. Северцова, В. Ф. Ошанина, П. И. Хомутова и местной интеллигенции. Совет Туркестанского отдела в свою очередь обратился с той же просьбой к Семиреченскому губернатору. А губернатор поручает Ларионову «собрать и выслать в Ташкент коллекцию сортов пшеницы, как озимой, так и яровой, которая возделывается в Семиреченской области и Кульджинском районе. В этой коллекции желательно было бы иметь для каждого сорта:

1. Образцы стеблей с корнями, листьями и колосьями, сорванных во время цветения и засушенных между пропускной бумагой;

2. По одному снопу средней величины;

3. По одному фунту вполне созревших семян» [1].

Получив задание, топограф Ларионов приступил к его

выполнению. Осенью того же года коллекция семиреченских сортов пшеницы была выслана в Ташкент, а оттуда — в Петербург и Англию. Через некоторое время Туркестанский отдел общества получил от Дарвина письмо с благодарностью. Так была оказана небольшая услуга великому ученому.

Окидывая взглядом жизнь и деятельность Ларионова, личной его инициативы не увидишь. Он только выполняет приказания и поручения администрации. Выполняет очень добросовестно, в полную меру своих возможностей и знаний. Она всегда остается удовлетворенной и во всех начинаниях оказывает доверие этому исполнительному и скромному человеку.

В 1873 году в Верненском приходском училище было решено ввести преподавание «линейного рисования» — черчения. Штатным расписанием должность учителя по этому предмету не предусматривалась. Ларионов соглашается безвозмездно давать два урока в неделю.

В январе 1880 года Ташкентская обсерватория уведомила Семиреченское областное правление, что в Верном предполагается организовать метеорологическую станцию. В Ташкенте не знали, что в Верном еще в 1877 году по инициативе местной администрации Ларионовым были приобретены приборы первой необходимости, а с 1878 года ведутся систематические наблюдения. Во время отсутствия Ларионова в городе его заменяла Вероника Сильвестровна — одна из самых симпатичнейших и образованнейших женщин дореволюционного Семиречья.

Ларионовым были основаны метеорологические станции в Капале, Лепсинске, Бахтах, Борохудзире, Нарыне и Караколе (Пржевальске). Летом он обычно отправлялся на топографические съемки близких и отдаленных уголков Семиреченской области. Во время этих работ определял высотное положение населенных пунктов и естественных ориентиров. Его работами заинтересовался топографический отдел Туркестанского военного округа.

11 ноября 1876 года его сотрудник обращается к Ларионову: «Милостивый государь Константин Афанасьевич! В настоящее время отдел начал составление новой карты округа. Для правильного изображения орографии края необходимо иметь возможно большее число пунктов высот, гор, перевалов и т. д.

Зная по частным сведениям, что Вы... уже много лет во время обширных Ваших поездок по Семиреченской области производите барометрические определения высот, обращаюсь к Вам с покорнейшей просьбой выслать возможно в скорейшем времени как подлинные Ваши наблюдения, так и списки вычисленных Вами высот. Я вполне уверен, что Вы сочувственно отнесетесь к тому, чтобы добытые Вами научные данные имели свое практическое применение...» [1]. Просьба была удовлетворена.

Интересным эпизодом из деятельности Ларионова является введение богарного земледелия на прилавках Зайлийского Алатау и выращивание бобовых злаков. В мае 1881 года администрация поручила Ларионову «заниматься нынешним летом производством опытных посевов разного рода и вида хлебов на прилегающих к г. Верному, станции Софийской, выселкам Любовинскому, Надеждинскому, поселениям Зайцевскому и Казанско-Богородскому* возвышенностях... Производство таких посевов вызывается главным образом необходимостью применения удобных для хлебопашества мест...»

Для осуществления опытных посевов был выбран Ларионов, как исполнительный и добросовестный человек. Рекомендовалось посеять не только те злаки, которые уже культивировались в Семиречье на низменных местах, но и гречиху и рожь. Ларионов выполнил поручение и написал отчет. Результаты опыта оказались положительными.

* Станица Софийская — ныне город Талгар, выселки Любовинский и Надеждинский — Каскелен и город Иссык, Зайцевское — село Чилик, Казанско-Богородское — село Узунагач.

Ларионову объявили благодарность «за отличное исполнение... поручения». И попросили высказать «соображения о том, как, кем, в каких размерах и с какими расходами» могли бы быть повторены в 1882 году опытные посевы на Джаланаше и Каркаре — к востоку от озера Иссык-Куль. По существу, это была исследовательская работа, положившая начало широкому распространению богарного земледелия в Семиречье.

В том же 1882 году в Семиречье были озабочены появлением вредителей на хлебных полях. В Гавриловке (Талды-Курган), Сарканде и Тополевке замечено массовое появление неизвестных вредителей. Губернатор обращается к Ларионову: «Желая... определить род означенных насекомых путем отправления их в Ташкент к Опанину, я, пользуясь Вашим пребыванием в Лепсинском крае, прошу ...собрать их в разных местах достаточное количество и прислать мне по возможности скорее».

Ларионов выполнил задание и дал подробное описание болезни хлебных полей: «На некоторых полосах, пшеницей засеянных, во время развития трубки колоса, на стеблях ее, в виде слизистой черной массы зарождалось мельчайшее насекомое, похожее на тлю (травянистую вошь), которая и поражала листья стебля, высасывая из них сок, через что стебли погибали, не развив колоса и не дав зерна. Это насекомое после первого дождя и от усиленных поливов спускалось в землю на корни стеблей и, высасывая соки корня, также препятствовало развиваться колосу и дать мощное зерно...

Для определения сказанных насекомых путем отправления в Ташкент г. Опанину я собрал их вместе с корнями и стеблями...»

Мимолетные упоминания о естественноисторических увлечениях и занятиях скромного верненского топографа Ларионова встречаются в статьях путешественников, ученых и заезжих журналистов. В известной своей книге «Верненское землетрясение 28 мая (9 июня) 1887 года»

Иван Васильевич Мушкетов сообщает, что К. А. Ларионов, будучи воинским начальником укрепления Нарын, занимался фиксацией сведений о землетрясениях на Тянь-Шане, описывая их по личным наблюдениям. Он передал И. В. Мушкетову собранные данные о времени, характере и последствиях землетрясений, бывших на Тянь-Шане в 1885—1887 годах.

Эти данные И. В. Мушкетов использовал в своем труде со ссылкой на информатора. В подтексте слышится искренняя благодарность любознательному, пытливому и наблюдательному нарынскому офицеру и щедрой души русскому человеку. Кстати, в Нарыне К. А. Ларионов несколько лет вел наблюдения за погодой с трехкратной фиксацией в сутки температуры воздуха и давления, направления и силы ветров, количества осадков и солнечных дней.

Основным увлечением всей жизни Ларионова, не считая прямых профессиональных занятий, явились метеорологические наблюдения. В городе Верном он организовал метеорологическую станцию во дворе своей квартиры и налазил систематическое наблюдение с 1878 года. В 1884 году, будучи переведен на постоянную работу в Нарын, сдает станцию. В течение десятилетия она переносится с одной квартиры на другую очередными наблюдателями, пока Ларионов вновь ее не принял в 1895 году. К этому времени он сумел приобрести собственный дом и приборы метеостанции перенес к себе во двор. Вместе с женой все свободное время отдает любимому делу. Материалы наблюдений за погодой публикуются в «Летописях» Главной физической обсерватории.

В 1908 году Ларионов обращается к начальству, что по старости лет и по слабости здоровья не может более исполнять обязанности наблюдателя, а поэтому просит освободить от них и указать лицо, которому мог бы передать оборудование станции. В ноябре того же года станция перешла в другие руки. Деятельность ее угасла, пока

в 1914 году местные власти не построили для нее собственный домик за головным арыком и содержание наблюдателя взяло на себя государство. 30 лет Ларионов добровольно вел метеорологические наблюдения, не требуя вознаграждения за свой труд!

В 1898 году по инициативе Н. Н. Пантусова — востоковеда по увлечению и старшего чиновника особых поручений при военном губернаторе — был создан Семиреченский областной музей. Название, конечно, громкое. В нем насчитывалось всего несколько десятков экспонатов, собранных, главным образом, самим создателем музея во время археологических работ и частых поездок по области с выполнением служебных дел.

По просьбе Н. Н. Пантусова К. А. Ларионов, старожил Верного, передал в музей сохранившуюся в его личном архиве различную служебную переписку, путевой журнал топографических съемок, описание обследованных трактов и т. д. Впоследствии этот материал переходит в Джетысуйский музей, а затем в Республиканскую публичную библиотеку имени А. С. Пушкина и хранится в фонде редких книг и рукописей (инвентарные номера 61, 148, 237, 428).

Благодаря этим материалам нам и удалось познакомиться с деятельностью Ларионова, современника Чокана Валиханова.

В 1972 ГОДУ было завершено издание в пяти томах Собрания сочинений Чокана Чингисовича Валиханова, в которое вошли архивные документы, касающиеся Чокана и его родственников, и воспоминания о нем современников. Каждый том сопровождается не менее интересными комментариями, без которых было бы чрезвычайно трудно разобраться в богатом и сложном наследии Валиханова. Комментарии расшифровывают сокращения, допускаемые в тексте Валихановым, дают пояснения тому, что для автора и его современников было очевидным, хорошо известным и обыденным, а для нас стало загадочным и непонятым. Комментарии расширяют и углубляют наши представления об условиях жизни и деятельности Валиханова и в целом о его эпохе.

Как бы тщательно ни было выполнено издание, всегда, однако, нелишне ознакомиться с рукописями автора. Заинтересованный исследователь нередко обнаруживает в подлинниках нечто такое, что составитель не заметил или оставил неиспользованным, как несущественное и не имеющее, по его мнению, отношения к предмету издания.

А это «нечто» для более внимательного исследователя может оказаться дополнительным источником интереснейших сведений, а то и в корне изменить представления о некоторых событиях и лицах. Исследовательский опыт И. Л. Андроникова, Н. А. Раевского и других блестяще подтверждает это положение. Их примеру старался следовать и я в своей скромной краеведческой практике. В результате мне удалось подробнее познакомиться с интересными, ранее малоизвестными или совершенно неизвестными представителями семиреченского окружения Чокана Валиханова.

Об одной такой удаче хочу рассказать подробнее. Все

началось с чтения дневника путешествия Валиханова на озеро Иссык-Куль в 1856 году. Возникла необходимость проверить некоторые даты дневниковых записей Чокана Валиханова. К счастью, значительная часть рукописей Чокана Валиханова в подлинниках и отличных фотографических копиях хранится в Центральном Государственном архиве Казахской ССР (фонд 829).

Из этого фонда получил рукопись дневника. Изучаю.

Дневник велся нерегулярно, от случая к случаю, когда, очевидно, автору представлялась возможность остаться наедине с собой. Записи велись на отдельных листах. Исписывались обе страницы мелким, неразборчивым почерком.

Мое внимание приковал семнадцатый лист рукописи дневника [1]. Лицевая сторона листа исписана Чоканом. На ней текст дневниковой записи от 4 июня. А обратная сторона занята совершенно другой записью. Почерк неразборчивый, четкий, почти писарский. В нем я узнаю знакомую по прежним своим изысканиям руку верненского чиновника и переводчика Бардашева. Именно это привлекло мое внимание и немало озадачило. Как автограф Бардашева оказался у Валиханова? Почему он чистую страницу бардашевского листа использовал для дневниковой записи?

Изучаю автограф Бардашева. Сверху семь строк русского текста. Под ним почерком Валиханова приписка: «Бардашев. Пословицы Большой Орды». А ниже следуют 22 строки арабского текста тем же четким писарским почерком. И снова скоропись Валиханова — «Из собрания пословиц Бардашева».

Русский текст бардашевской записи перечеркнут теми же более темными чернилами, которыми нанесены валихановские приписки.

Русский текст Бардашева написан стальным пером. Чокан, несомненно, пользовался гусиным. К этому выводу прихожу после самого беглого анализа мест характерных

нажимов пера на бумагу. При пользовании стальным пером нажимы, как установлено специалистами, образуются на иных элементах букв.

Лист с бардашевской записью пословиц мог оказаться в руках Валиханова только во время Иссык-Кульской экспедиции в конце мая, до 4 июня 1856 года. Бардашев и Валиханов были участниками экспедиции и, очевидно, для ночлега и дневок ставили большую двухместную палатку. Именно такая палатка изображена Валихановым на двух карандашных рисунках, выполненных во время этой экспедиции [2].

На досуге, видимо, они вели беседы, обсуждали экспедиционные дела, делились наблюдениями, записывали увиденное и услышанное. Валиханов много времени уделял рисованию акварелью, простым и цветными карандашами. Бардашев, пользуясь присутствием при экспедиции большого количества казахов, занимался сбором казахских пословиц. Ими он явно увлекался. Давал читать Валиханову. Один лист с записью пословиц в палаточной тесноте и походной суете оказался в стопке писчей бумаги Чокана.

4 июня он заполняет дневниковой записью чистую страницу листа, взятого из стопки. Повертывает лист и обнаруживает, что обратная его страница исписана Бардашевым. Не возвращать же ему этот лист со своей дневниковой записью! Дневники по своей природе интимны. Посвящать в их содержание кого бы то ни было — неприлично. На страницу с автографом Бардашева Чокан вносит вышеприведенные записи и продолжает ведение дневника уже на другом листе.

Так могла оказаться страница с бардашевской записью пословиц в рукописи «Иссык-кульского дневника» Чокана. Объяснение этого факта рождалось в процессе изучения и анализа архивного материала и долгих раздумий. Возникло немало более или менее приемлемых вариантов разъяснения.

Страница с бардашевским текстом в дневнике Валиханова разрушает утверждение некоторых чокановедов о том, что Валиханов получил собранные Бардашевым пословицы от Костылецкого. Обратная страница семнадцатого листа является документальным свидетельством, что с собранием пословиц Чокан познакомился из первых рук, из рук самого собирателя во время экспедиции при совместной жизни в одной палатке. Не будь палаточной тесноты и не живи они под одной кровлей во время совместных путешествий, среди бумаг Валиханова мы не имели бы доказательства их самых тесных общений не только житейского, но и творческого характера.

Причем это не единственное доказательство. В папке № 11 (фонд 829 ЦГА Казахской ССР) среди частной и служебной переписки Чокана имеется один лист под номером 6. Обе стороны заняты перечислением пунктов дороги в Ташкент от Чаньжу-Караула. Почерк Бардашева. В правом нижнем углу страницы почерком Валиханова запись: «Проба чернил. Борохудзир. 31 июля 1856 года». Именно здесь был сбор всех членов пограничной комиссии (из представителей Омской, Семипалатинской и Семиреченской администраций). В состав комиссии был включен и Бардашев в качестве секретаря и переводчика. В Борохудзир он приехал, как и Чокан, на несколько суток раньше, чем остальные члены комиссии. Свободного времени было много. Прогулки перемежались разговорами и шутками, рисовали карикатуры.

Среди бумаг Чокана имеется интересный лист [3]. На его странице схематично нарисованы два плана каких-то сооружений и профиль молодого человека с короткой шеей и длинными волосами, как у тогдашних семинаристов. Под рисунком дважды написано — Воронов — и в беспорядке на всей странице набросаны фамилии, очевидно, участников комиссии: Скоробогатов, Бардашев, Дедов. Причем Скоробогатов записан восемь, а Дедов — три раза. И здесь же суммированы цифры $50 + 45 + 25 +$

+20=140. Это, вероятно, подсчет верст от Борохудзира до Кульджи.

По внешнему виду листа и характеру его содержания чувствуется — он испещрен надписями и рисунками машинально, вне связи с темой коллективного разговора, участники которого находились в помещении. Чокан сидел за столом. Перед ним лежали чернильные принадлежности и чистые листы бумаги, оставленные Бардашевым. Может быть, рядом за столом сидел и Бардашев, на время прекративший работу. Валиханов в процессе разговора исписывает фамилиями участников комиссии одну страницу. Зарисовывает профиль коллеги Воронова. Участники разговора настроены весело и, как бы сказали во времена Чокана, были в хорошем расположении духа. За несколько минут перед этим Чокан затачивал гусиное перо. Сидя рядом с Бардашевым, взял из-под его руки упомянутый лист с записью расстояния между пунктами дороги в Ташкент от Чаньжу-Караула [4]. Свежезаточенным пером, не прерывая беседы, внизу листа справа от бардашевского перечисления пунктов с указанием расстояния между ними, Чокан, видимо, почти машинально делает запись: «Проба чернил. Борохудзир. 31 июля 1856 года».

На следующий день этим пером Чокан вносит первые записи во второй дневник «Поездка в Кульджу». Дневник начинается со слов: «1 августа 1856 года... пограничный пикет Борохудзир».

В пятитомнике Ч. Валиханова опубликована недатированная рукопись «Описание караванных путей от укрепления Верного до городов: Турпана, Аксу, Кашгара, Яркенда, Хотана» [5]. Предшествующими исследователями не делалась попытка датировать рукопись и определить, когда и при каких обстоятельствах она оказалась в руках Чокана. Валихановым же на рукописи сделана отметка: «Из записок Бардашева».

Попытаемся решить две задачи: первая — когда со-

ставлена рукопись, вторая — когда она могла оказаться в руках Чокана и при каких обстоятельствах.

В тексте «Описания» имеется два ключа к решению первой задачи. Эти ключи видим в следующих предложениях: 1) «От Буранбая и Урмана на Кызылунгуре до Турпана караванного ходу на 8 дней»; 2) «Из Турпана в Кашгар есть два пути: один по караульной дороге, где менее опасности и достигают Кашгара с верблюдами в 20 дней, а другой — в 10 дней кочевьями... киргизов из рода бассыз, от которых по временам немало претерпевают караваны. С апреля до июня бассыз не караулят караванов, но с этого времени до осени постоянно стерегут их и грабят; с письмом за печатью Буранбая и с его человеком никто не трогает».

Приведенные тексты обращают на себя внимание тем, что о манапах Буранбае и Урмане говорится, как о здравствующих. Но по другим источникам известно, что Урман убит родом богинцев в конце 1855 года, а Буранбай скончался в начале 1858 года [6]. Значит, «Описание» создано Бардашевым до смерти Урмана, на основе длительного сбора расспросных данных, получаемых от купцов и караван-баши.

В руки Чокана Валиханова «Описание» могло попасть если не в 1856 году, то весной 1858 года, когда он был в Верном и знакомился с условиями проезда в Кашгар. Без сомнения, за помощью обращался к Бардашеву. Бардашев поделился запасом накопленных им сведений и передал Валиханову данное «Описание».

В пятитомнике Валиханова также опубликован «Маршрут из Кашгара в Ош, составленный в укреплении Верном толмачом Бардашевым в 1859 году» [5].

Эти материалы, кроме, конечно, «Пословиц», являются результатом служебных обязанностей чиновника; но описания городов Пишпек, Ташкент, Коканд, Наманган и других, хранящиеся в архивах Алма-Аты и Ленинграда, составленные Бардашевым за 1858—1861 годы, можно

квалифицировать как работу исследовательского характера.

По данным рукописных и изданных материалов Валиханова, научного комментария к его работам и просмотренных мною некоторых трудов Бардашева, удалось выяснить характер, время и условия общения Валиханова с Бардашевым. Общение было глубоким и, как представляется, вызывалось близостью научных интересов. Свидетельством этого является присутствие автографов Бардашева в архиве Валиханова.

Факты их творческого общения заставляют более внимательно относиться к Бардашеву, вызывают интерес к его происхождению и положению в семиреченском обществе.

Иван Андреевич Бардашев родился в семье урядника Сибирского казачьего войска то ли в 1830, то ли в 1831 году. Таким образом, он был старше Валиханова на 4—5 лет.

Еще ребенком был определен в Омское казачье училище, а затем переведен в полубатальон военных капитанов на отделение подготовки переводчиков (толмачей) при Омском кадетском корпусе. Обучение окончил в 1848 году. В годы учебы могло состояться первое мальчишеское знакомство с Григорием Николаевичем Потаниным и Чоканом Валихановым.

После окончания курса обучения Бардашев направляется в Капал, в распоряжение пристава киргизов Большой Орды.

Между Капальской администрацией и местным населением, казахами, он был посредником, выполняя скромную работу переводчика [7]. В 1853 году был взят в отряд майора Перемышльского, который выбрал место для закладки укрепления Верного.

Жизнь в отряде для Бардашева была относительно легкой и давала много свободного времени. Вместе с хорунжим Григорием Потаниным он читает рассказы Тур-

генева и журнал «Современник», отдельные номера которого берет у Перемышльского [8].

С 1 мая по 17 июля 1856 года он, как и Чокан Валиханов, находится при рекогносцировочном исыккульском отряде Хоментовского, где занимался сбором этнографических и статистических данных [9].

По распоряжению западносибирского генерал-губернатора от 25 июня 1856 года назначается секретарем комиссии, посылаемой в Кульджу для переговоров с китайцами. Комиссию возглавлял Перемышльский. И, как мы уже говорили, Бардашев вторично в этом году во время поездки в Кульджу находился в обществе Чокана Валиханова.

16 марта 1857 года И. А. Бардашев произведен за отличие по службе в коллежские регистраторы — самый низкий гражданский чин — и награжден... 60 рублями. Только впоследствии Бардашева стали отмечать более существенными наградами.

Несмотря на мирную должность переводчика, Бардашеву приходилось принимать участие в боевых действиях. Так, с 13 августа по 19 сентября 1860 года он находился в отряде полковника Циммермана на реке Чу и участвовал во взятии кокандских укреплений Токмак (26 августа) и Пишпек (4 сентября). В следующем году в отряде полковника Кройеруса штурмует крепость Мерке и вновь отстроенный кокандцами Пишпек. В 1862 году снова принимает участие в походе на реку Чу против кокандцев. Причем командует отдельным отрядом казахских ополченцев. Во время осады Пишпека при взрыве порохового погреба получил серьезную контузию левой части головы.

Объезжая в январе — феврале 1868 года казахские аулы с целью определения численности населения в уезде, Бардашев жестоко простудился, а 7 апреля его жизнь была оборвана скоротечной чахоткой [10].

Таков служебный путь Бардашева. Этот путь инте-

ресует нас постольку, поскольку полезно знать жизнь и общественное положение чиновника, с которым была связана научная и служебная деятельность Чокана Валиханова в Семиреченском крае. А связи Бардашева с Валихановым, как мы уже знаем, были довольно тесными и, главное, не случайными, а закономерными. Бардашев был пытливым человеком. Еще до первой встречи в Семиречье с Чоканом он по собственному почину занимался сбором казахских пословиц, поговорок, легенд. В начале 1856 года своему бывшему учителю по Омскому кадетскому корпусу Н. Ф. Костылецкому послал «Пословицы и поговорки киргизов Большой Орды». В сопроводительном письме писал: «Душевно радуюсь, что наконец я имею случай и удовольствие доставить Вам несколько киргизских пословиц с переводом, которые прошу Вас принять, как слабый и первый неопытный и ничтожный труд мой, который я решился послать Вам».

В другом письме Бардашев обещает: «Я займусь на досуге приведением в порядок собранных уже мною киргизских песен и сказок... [11].

Николай Федорович Костылецкий (1818—1867), выпускник Казанского университета, сокурсник известного ориенталиста И. Н. Березина, был учителем и Валиханова в кадетском корпусе, его первым наставником в выборе для чтения востоковедческих книг. Сотрудничая с Березиным, Костылецкий занимался сбором фольклорного, этнографического и исторического материалов. Еще в 1852 году он помог Чокану Валиханову установить деловые связи с Березиным.

С собранием пословиц Бардашева, по утверждению некоторых чокановедов, Валиханова познакомил Н. Ф. Костылецкий весной 1856 года. Это неточно, и вот почему.

Костылецкий получил пословицы тогда, когда Валиханов уже выехал из Омска в Семиречье. Возвратился же в самом конце ноября того же 1856 года. А мы уже знаем, что с собранием пословиц Бардашева Валиханов

ознакомился во время Иссык-Кульской экспедиции, в мае 1856 года.

Бардашев много занимался сбором сведений о караванных путях Средней Азии и собранным охотно делился со всеми интересующимися. Кстати, по расспросному описанию Бардашева топографом Шестаковым была составлена карта Кокандского ханства [12].

М. И. Венюков, будучи в укреплении Верном в 1859—1860 годах, неоднократно встречался с Бардашевым, большим знатоком местного края, обычаев казахов и киргизов. В сентябре 1861 года М. И. Венюков составил статью «Пояснительная записка к карте Кокандского ханства» [13]. В числе двадцати восьми использованных источников он называет и рукопись Бардашева «Расспросные маршруты в Уш-Турфан и Кашгар», а главной основой послужила вышеупомянутая карта Шестакова. Сведения о киргизах, полученные от Бардашева, Венюков привел и в своей книге «Путешествия по окраинам Русской Азии и записки о них», изданной в 1868 году. Скупой на похвалы, как мы отмечали ранее, Михаил Иванович Венюков на этот раз изменил своему правилу и очень тепло отозвался об Иване Андреевиче Бардашеве на 153-й странице своей книги.

П. П. Семенов, завершив путешествия по Семиречью и Тянь-Шаню, в письме от 20 октября 1857 года к секретарю Русского географического общества В. П. Безобразову сообщал: «Полезны были для меня сведения, сообщенные лучшими здесь знатоками киргизского быта поручиком султаном Чоканом Валихановым и переводчиком Бардашевым» [14]. Молодой ученый П. П. Семенов заметил у Бардашева интерес к исследованию Семиречья и Прииссыккульской котловины.

А. Ф. Голубев, как и П. П. Семенов-Тянь-Шанский, печатно засвидетельствовал ту бескорыстную помощь, которую оказывал Бардашев: «Большой частью сведений о... киргизах я обязан И. А. Бардашеву, переводчику Ала-

тауского округа и отличному знатоку киргизской народности» [15].

Такими или подобными сведениями Бардашев одаривал и Чокана Валиханова, и П. П. Семенова-Тян-Шанского, и В. В. Радлова, и многих других.

Фигура Бардашева-исследователя малозаметна. Но без помощи таких людей, хотя и стоявших только на подступах к науке, не обходились серьезные исследователи Семиреченского края и Средней Азии.

Бедность мелкого чиновника, скромное общественное положение, незначительное образование, не слишком предприимчивая натура с большой долей застенчивости и, главное, отсутствие целеустремленности и громадной настойчивости, которыми обладал, к примеру, выходец из казачьих низов Г. Н. Потанин, не позволили Бардашеву выйти на столбовую дорогу научных исследований. Из него не вырос второй Потанин.

П. П. Семенов, неутомимый собиратель научных сил на дальних окраинах России, побывав в 1856—1857 годах в Семиречье и Западной Сибири, привлек к сотрудничеству в Русском географическом обществе Валиханова, Потанина, Ковригина, Бобкова, Никитина, Обуха, Тургенева, Гутковского, барнаульского учителя Радлова. Это далеко не полный список. Многие из них оставили заметный след в истории исследований Казахстана.

Нет сомнения в том, что Семенов делал попытку приобщить и Бардашева к сотрудничеству в Русском географическом обществе. Из-за чрезмерной застенчивости, скромности и бедности Бардашев уклонился. Вступление в общество было сопряжено с расходами, необходимостью вносить вступительный и членские взносы, а лишней копейки у Бардашева не имелось.

Бардашев был выше серой, безликой толпы семиреченской «интеллигенции» пятидесятых — шестидесятых годов XIX века. Он явно многого не успел доделать. Умер, едва достигнув тридцатисемилетнего возраста.

Его работы хранятся в архивах Томска, Алма-Аты, Ленинграда, Ташкента, однако никем не изучались. Имеются лишь случайные публикации.

В 1870 году в городе Ташкенте стала издаваться первая в Средней Азии газета на русском языке «Туркестанские ведомости». В 15-м номере этой газеты 7 декабря 1870 года опубликована статья уже покойного Бардашева «Заметки о дикокаменных киргизах». Через четыре года она перепечатывается в третьем сборнике «Материалы для статистики Туркестанского края». Достоинства этой небольшой статьи (6 страниц) в том, что в ней впервые по личным наблюдениям дано описание быта и хозяйственной деятельности киргизов. Она давала сведения о климате, рельефе, растительном и животном мире Прииссык-куля. Также коснулась в какой-то мере истории, этнографии и торговли.

После этих публикаций едва ли фамилия Бардашева появлялась когда-либо на страницах дореволюционных изданий. В современной нам литературе даже имя его дается неверно — Андрей Иванович. Год и место смерти не называются. Так Иван Андреевич Бардашев оказался прочно забытым.

Только в 1887 году бывший начальник Алатауского округа и первый военный губернатор Семиреченской области Г. А. Колпаковский вспомнил о нем, очевидно, в связи с намерениями профессора Н. И. Веселовского и Г. Н. Потанина издать Собрание сочинений Ч. Ч. Валиханова. Он обратился к начальнику Сергиопольского уезда с просьбой «...истребовать от занимавшегося в... уездном правлении чиновника Завьялова сведения о том, не осталось ли после смерти его родственника Бардашева каких-либо бумаг с произведениями покойного. И если таковые имеются, то чтобы Завьялов передал их начальнику уезда для пересылки в Верный». Имелось в виду рукописи Бардашева «сделать известными путем печати» [16].

Завьялов сообщил, что часть произведений И. А. Бардашева была взята еще в 1867 году неким офицером Акимовым, а остальные бумаги в 1872 году супруга покойного отдала бывшему начальнику уезда подполковнику Рудановскому, который обещал ей отослать рукописи в какую-то редакцию.

Рудановский являлся автором довольно многочисленных статей в различных периферийных и столичных газетах. Несколько его статей касаются Семиречья. Но работы Бардашева не появлялись в печати. Надо полагать, они утеряны, если в свое время Акимовым и Рудановским были переданы в редакции. Но, может быть, они лежат среди бумаг этих офицеров?— Да, если бумаги их сохранились и попали в какое-либо архивное хранилище.

Хочется верить, что среди неизвестных материалов Бардашева, а также Рудановского могли бы отыскаться кое-какие наверняка небезыңтересные сведения, относящиеся к Чокану Валиханову.

НА СТРАНИЦАХ 594 и 595 3-го тома Собрания сочинений Валиханова в комментариях к одной из работ сообщается, что в бумагах Г. Н. Потанина, хранящихся в научной библиотеке Томского университета, имеется ряд писем к учителю Омского кадетского корпуса Н. Ф. Костылецкому от И. А. Бардашева. Из писем Бардашева становится известным, что в Семиречье записью казахского фольклора занимались сам автор писем, переводчик Е. И. Шебалин, чиновник И. Калачев и некто Николай Осипович. Бардашев и Николай Осипович составили даже совместное письмо Костылецкому. Фамилия Николая Осиповича не была названа. Кто он?

Просматриваю Собрание сочинений Валиханова. Среди названных там современников Чокана никто не носил имя и отчество Николай Осипович. Но тем не менее делаю предположение: если Чокан был коротко знаком с Бардашевым, а тот близок с Николаем Осиповичем, то Николай Осипович может быть знаком с Чоканом и потому должен быть причислен к кругу его семиреченского окружения.

В этом нет ничего невероятного. Ввиду своей тогдашней немногочисленности представители семиреченской интеллигенции быстро знакомились друг с другом и часто бывали связаны общностью не только служебных дел, но и семейно-бытовых забот.

Что уже предположительно известно о Николае Осиповиче? Живет в Семиречье, по возрасту, вероятно, не намного отличается от Бардашева. Переписывается с Костылецким, выполняет его просьбу — собирает казахский фольклор. Значит, знает казахский язык. Возможно, как и Бардашев, был учеником Костылецкого. Наверное, как и Чокан, выпускник Омского кадетского корпуса. Значит,

он: офицер или семиреченский чиновник. А поэтому сведения о нем могут быть найдены в фондах Центрального Государственного архива Казахстана, где имеется солидная коллекция послужных списков офицеров и чиновников, служивших в Семиречье. Такой список представлял собой краткий перечень служебных перемещений, содержал сведения о социальном и семейном положении, дате рождения, наградах, образовании. Таким образом, он содержал данные современных трудовых книжек и личных листков по учету кадров.

Итак, намечен путь поиска. Иду в архив. Заказываю описи личных дел. В описях полностью названа фамилия, а имя и отчество — только начальными буквами. Вот и отыскиваю в длиннейших списках чиновников, офицеров нужные мне инициалы. Но их не было. Значит, поиски загадочного Николая Осиповича напрасны? Избранный мной путь неверен? Да, он завел меня в тупик.

Размышления приводят к заключению: человек — не игушка, он может отыскаться там, где я не ищу его. Надо положиться на счастливый случай, авось я еще встречу с Николаем Осиповичем на каких-нибудь страницах архивных материалов здесь, в Алма-Ате.

Одновременно я занимался выяснением подробностей жизни давно интересующего меня лица — некоего Андреевского, о котором было известно очень немного: хорунжий, полковой адъютант 6-го полка. Дело в том, что в этом же полку начал службу корнетом Чокан Валиханов в 1853 году, закончив курс обучения в Омском кадетском корпусе.

Заинтересовал меня этот Андреевский потому, что им подписан послужной список Чокана [1]. Он был составлен 25 июля 1860 года в Омске по требованию из Петербурга, где Чокана оставили для несения службы в Азиатском департаменте иностранных дел. Мне хотелось выяснить, не был ли знаком лично хорунжий Андреевский с Чоканом. Это желание исходило из того, что об Андреев-

ском ничего не было известно в чокановедческой литературе.

В описях послужных списков мое внимание привлекла записка — Андреевский А. И. Не полковой ли это адъютант? Заполняю заказ на получение дела об Андреевском [2]. Заказ быстро исполняется расторопным архивариусом. Читаю. Александр Осипович (Иосифович) Андреевский родился 23 августа 1838 года в семье штабс-офицера и дворянина Полтавской губернии. Образование получил в Полтавском кадетском корпусе. Направлен на службу в составе Сибирского казачьего войска в чине хорунжего. 12 октября 1859 года прибыл в Омск и зачислен в 6-й казачий полк. К несению службы приступил 3 ноября, а с нового года назначен на должность полкового адъютанта. В этой должности 25 июля он составляет послужной список Чокана. Сомнительно, чтобы он мог быть лично знаком с Чоканом до его отъезда в Петербург.

В августе 1861 года Александр Осипович назначается помощником старшего адъютанта корпусного штаба. В этой должности был и Чокан. Удивительное совпадение служебных карьер!

К весне 1863 года с ним произошло что-то неприятное. Резко изменяется направление его служебной карьеры. 4 марта официально он назначается начальником наблюдательного поста на правом берегу Иртыша у озера Зайсан а фактически удаляется из города Омска.

Ровно через год, 12 марта 1864 года, он оказался разжалованным в рядовые казаки. Чем было вызвано такое наказание, что произошло с ним? Из послужного списка выясняется, что летом 1863 года он задержал на границе иностранных подданных, нарушивших демаркационную линию. Отобрал у них 12 лошадей и продал. Деньги растратил. Арестован, отдан под суд и по приговору Главного военного суда за это «злоупотребление» и превышение власти разжалован. Для несения службы направлен в Верный, в формирующийся отряд Черныева. Штрафнику

оружие не выдается. Он в транспортном обозе. Выполняет позорную, по тогдашним понятиям, черновую работу.

Андреевский в походе наверняка обращал внимание на штабс-ротмистра Валиханова. Среди офицеров Валиханов выделялся незаурядной внешностью, о нем знали, что он султан, выполнил особое поручение начальства, сопряженное с чрезвычайной опасностью, был в Петербурге, к нему благоволят высокие чины, о нем писали газеты. Об этом Андреевский должен был знать давно, еще из официальных бумаг и указаний полкового командира подполковника Реброва, вместе с которым составил и подписал по службой список Чокана.

Для опального и обиженного судьбой Андреевского Чокан Валиханов представлялся баловнем слепой фортуны. Вспоминая данные послужного списка, рядовой Андреевский с завистью мог из обоза наблюдать иногда проезжающего на степном скакуне штабс-ротмистра Валиханова.

Штурмом взята Аулие-Ата. Участников штурма ожидали награды. А Андреевский, штрафник, обозник, будет обойден. В обозе не выслужить прощения и офицерского мундира. В его положении мундир офицера вновь добывается только кровью, под пулями, непосредственным участием в стычках с неприятелем.

В октябре 1864 года Александр Андреевский переводится в 8-й Западно-Сибирский батальон рядовым. В следующем году находится в колоннах солдат, штурмующих Чиназ и Ташкент. Среди двенадцати рядовых, особо отличившихся при взятии крепости Ниязбек, был и Александр Андреевский. За взятие Ташкента награжден... двумя рублями. Только через два года за «оказанное мужество и храбрость при взятии Ниязбека и в деле с кокандцами 9 мая 1865 года» по представлению начальства император Александр II «высочайше повелел простить понесенный штраф и произвести в унтер-офицеры» [3].

В феврале 1873 года А. Андреевский, уже командир

полусотни, снова предан суду за растрату казенных денег. Суд обязал за счет личных средств возместить растрату. Но личных средств не было — жил только на офицерское жалование.

В 1876 году «высочайшим» приказом «лишен чина с исключением из службы».

А. Андреевский переехал на жительство в Ташкент. Служил в гражданских учреждениях. Выполнил официальное поручение — перепись детей. По материалам переписи составил статью «О числе детей в русской части г. Ташкента» [4]. В статье ярко описал ужасающую бедность рабочих и солдатских семей, тяжелое положение детей. Беспросветная нищета не позволяла родителям отдавать детей в школу. Подростки с 8—10 лет начинали работать, чтобы добывать собственный кусок хлеба. Статья производит жуткое впечатление. Она писалась с болью в сердце. Это чувствуется в авторских ремарках. Кстати, эта статья — не единственная, вышедшая из-под пера Александра Андреевского.

Впоследствии он переводится на службу по военнопародному управлению: здесь жалование выше. Работает в Фергане и Оше делопроизводителем уездного управления, полицейским приставом в Новом Маргелане, а с ноября 1887 года назначается полицмейстером города Усть-Каменогорска.

В феврале 1891 года его увольняют в запас. Пенсия назначена мизерная. Через три года он начинает ходатайствовать об определении вновь на службу. Наводят о нем справки, собирают характеристики. К счастью, аттестуется высоко: «Отличается похвальным исполнением возложенных на него обязанностей». Значит, остепенился после трех падений, несомненно сопровождавшихся сильными душевными потрясениями.

Ему предложили должность пристава в городе Кокпекты. Он принимает предложение и с 30 сентября 1893 года назначается на службу. Переезжает в Кокпекты, где

работает до середины лета 1902 года. В 64 года подает прошение об отставке «по расстроенному здоровью». Уволен от должности и службы с мундиром и пенсией, которая назначается с января 1903 года. Прослужил 39 лет 6 месяцев и 25 дней. Возвратился в Усть-Каменогорск, где скончался 17 февраля 1910 года [5].

Изучение найденных об Александре Осиповиче Андреевском архивных дел закончено. Удалось познакомиться с неудачно сложившейся жизнью провинциального офицера, с которым поверхностно мог быть знаком Чокан Валиханов, или, во всяком случае, о котором мог слышать рассказы и мимолетно видеть в отряде Черняева во время похода на Аулие-Ату.

Собирая в архивных документах сведения об Александре Андреевском, я обнаружил послужной список его брата Николая Осиповича [6], составленный 14 августа 1867 года в городе Верном. Читаю. Подпоручик Николай Осипович Андреевский родился 19 ноября 1841 года в семье полтавских дворян. В голове проносится мысль: на шесть лет моложе Чокана и на одиннадцать — Бардашева.

Воспитание получил в Сибирском кадетском корпусе, откуда выпущен прапорщиком летом 1860 года. Годы учебы Андреевского в кадетском корпусе совпадают со временем пребывания там родственника Чокана — Газы Булатовича Валиханова. Чокан часто навещал своего троюродного брата. Во время этих посещений Чокан мог видеть и Колю Андреевского.

После окончания корпуса девятнадцатилетний прапорщик направлен в 4-й линейный батальон, расквартированный в городе Петропавловске. Через два года переведен в 8-й батальон, расположенный в Верном, куда прибыл 7 июля 1862 года. Осенью того же года включен в состав особого отряда, выступившего на кокандскую крепость Пишпек. 13 октября отряд блокировал Пишпек, начал обстрел и осадные работы — рылись минные галереи

под саманные стены крепости. Было заложено 250 пудов пороха. 24 октября произведен взрыв. Крепостные стены рухнули [7]. Перед началом решительного штурма кокандцы подняли белый флаг — сдались. Штурм не состоялся. Сдавшиеся распущены по домам с условием, что они впредь не будут служить в войсках кокандского хана Худояра и, тем более, участвовать в военных действиях против русских и киргизов Иссык-Кульской и Чуйской долин.

Прапорщик Николай Андреевский не был сторонним наблюдателем осадных работ и блокады Пишпека. За какое-то отличие получил благодарность, повышение в чине — стал поручиком — и денежное вознаграждение в размере одной трети годового жалованья.

Узнав из послужного списка, что Николай Осипович Андреевский учился в Омском кадетском корпусе, а потом стал служить в Семиречье, я сразу утвердился в убежденности, что именно в его лице нашелся собиратель казахского фольклора и корреспондент Н. Ф. Костылецкого — Николай Осипович.

В осаде Пишпека принимал участие как переводчик и командир казахских ополченцев Иван Андреевич Бардашев. Именно во время похода к Пишпеку и его блокады должно было состояться первое знакомство, а потом и сближение, на почве совместных записей устного народного творчества, в частности, состязания джигитов в остроумии, Николая Андреевского с Бардашевым.

В декабре 1863 года Н. Андреевский был командирован в Иссык-Кульский отряд, где находился до середины 1865 года. Отряд стоял на реках Акеу и Кызылсу. Находясь среди казахов и киргизов, Андреевский овладел их разговорной речью. Это обстоятельство и наличие свободного времени позволило Николаю Осиповичу записывать казахские пословицы и загадки. Вместе с Бардашевым он обрабатывал совместные сборы, давал русский перевод и пересылал бывшему учителю. Следы этой работы сохранились в коллекции писем к Н. Ф. Костылецкому. После

смерти Костылецкого в 1869 году вдова передала письма Г. Н. Потанину. Передача их могла состояться после 1876 года — освобождения Потанина из крепости и ссылки.

Самостоятельные и совместные с И. А. Бардашевым записи фольклора казахов Большой Орды Н. Андреевским приходятся на 1863—1868 годы. В конце 1865 года и первой половине 1866 года подпоручик Н. О. Андреевский — командир небольшого пограничного отряда, расположившегося в местечке Кара-Котык у реки Борохудзир, совсем недалеко от тех мест, где ровно год назад жил больной Чокан. При Н. Андреевском в качестве писаря находился его брат Александр Осипович, возвратившийся из Ташкента.

23 апреля во время какого-то праздника Николай Андреевский избил пьяного подпоручика Бектаира Мирхаметова [6]. Бектаир подал жалобу, началось судебное разбирательство. В результате Николай Андреевский был отозван из отряда и в наказание прикомандирован «для письменных занятий в Алатауское окружное управление» с 27 июня 1866 года. Н. Андреевский не знал, что известный в Семиречье проходимец, интриган, шантажист и вымогатель подпоручик Бектаир является секретным политическим и уголовным агентом и потому пользуется покровительством верненской и омской администраций. При судебном разбирательстве по иску Бектаира следователи запросили у батальонного командира послужной список обвиняемого Н. Андреевского. Список был подшит к делам Бектаира. Поэтому он был обнаружен мной не там, где ему следовало быть, — в специальном фонде личных дел.

За время службы в Исык-Кульском, Тянь-Шанском, Чунджинском и Борохудзирском отрядах в 1862—1866 годах, а затем будучи делопроизводителем управления Алатауского округа, Николай Андреевский немало ездил по Семиречью, особенно по территории юго-восточной

части. Чиновников и офицеров тогда были обязаны перевозить казахи в порядке выполнения «подводной повинности». С 1 января 1868 года эта нелегкая повинность была отменена.

Делопроизводитель Н. Андреевский рапортом на имя губернатора Семиреченской области предлагает для организации устойчивой и надежной связи Верного с Аксуйским и Борохудзирским отрядами открыть почтовые тракты, устроив предварительно пикеты через каждые 25 верст. Один тракт провести от Верного через поселки Софийский, Надеждинский и Чилик, перевал Санташ и далее до реки Аксу на юго-восточном побережье Иссык-Куля. Протяженность его 307 верст. Второй тракт — от уже существующего Алтын-Эмельского пикета на урочище Тогурек, Конур-олен, Кай-Бын и Борохудзир. Длина 127 верст. На каждом пикете держать по 4 казака и 3 пары лошадей. По его расчету, годовое содержание одного пикета обойдется казне в 250 рублей, а всех шестнадцати пикетов (12 на тракте Верный — Чилик-Аксу и 4 на тракте Алтын-Эмель — Борохудзир) — в четыре тысячи. Дельное предложение Н. Андреевского было принято во внимание, и с 1869 года тракты открыты [8]. На каждом пикете стали содержать нанятых с месячным жалованьем в 10 рублей двух казахов-ямщиков и двух казаков для охраны. При них один верблюд и 4 лошади. Каждого проезжающего по трактам сопровождали гарцующие на своих лошадях казаки. За плечами болтались винтовка и пика, на поясном ремне — пашка. Дело в том, что в те времена одиночная езда была небезопасной, немало находилось любителей легкой наживы.

Николай Андреевский вместе со своим братом Александром, тоже делопроизводителем или рядовым писарем, работает в Верном при Семиреченском областном правлении. В свободное от службы время он занимается табаководством, вначале на небольшом приусадебном

участке земли в полдесятины*, а с 1869 года получает в десятилетнюю аренду вблизи города Верного десять десятин пустоши с платой по 1,5 рубля в год за каждую десятину. Вместе с женой и братом Александром стал осваивать полученный участок: окопал его рвом с целью борьбы с саранчой, распахал, прорыл арыки, высадил 200 фруктовых и 500 декоративных деревьев; плотиной перегородил овраг — получился пруд, в котором развел рыбу. Построил для собственной семьи саманный дом, конюшню, склад для рабочего инструмента, сарай для сушки табака. Свободную от деревьев и застройки площадь участка стал засеивать табаком [9]. На строительстве использовал только личный труд, материалы покупал на остатки от мизерного жалования, полученные при жесточайшей экономии и бережливости.

В 1870 году Н. Андреевский образцы своего промысла выслал на Всероссийскую промышленную выставку. Табак Андреевского был «удостоен почетного отзыва». Узнав об этом, редакция газеты «Туркестанские ведомости» попросила Андреевского поделиться опытом выращивания табака. Польщенный делопроизводитель быстро подготовил статью, которая была опубликована 6 марта 1872 года в десятом выпуске этой газеты. Андреевский в статье сообщает, что «сарты (узбеки.— Н. И.) и, частично, киргизы (казахи) давно занимались в Семиречье табаководством, но производили и производят табак самого низкого качества; табак же высших сортов начали разводить здесь русские с 1864 года». Семена американских и турецких табаков были выписаны из Риги. Вначале он высевал семена многих сортов табака, «по лучшим оказались на семиреченской почве: из американских — виргинский и порторико, а из турецких — султанский дюбек, македонский и албанский». Другие сорта не сумели акклиматизироваться. Например, гаванский Де-Абаго не вызревал.

* Десятина равна 1,1 гектара.

В городе Верном, кроме участка Андреевского, под табаком в общей сложности было занято семь десятин земли. С каждой десятины получали по 50 пудов. Со всех верненских плантаций собирали около 250 пудов. Себестоимость одного пуда табака составляла 12—14 рублей, а реализовался он по 16 рублей. Но для Семиречья того времени и такая прибыль считалась немалой.

В 1869—1871 годах со всей плантации в полдесятины Николай Андреевский собирал 25—35 пудов сухого табачного листа. Значит, годовой доход табачная плантация давала в сумме 90 рублей. Очень немного! Но и эта сумма была существенным подспорьем в мизерном бюджете мелкого чиновника, годовое жалованье которого не превышало 480 рублей. Качество табака обуславливалось не только его сортом, но и технологией сушки. Из табачных листьев, сохраняемых в вяленом состоянии продолжительное время, не менее года, получается табак высокого качества. Он приобретал «более приятный вкус и запах», утверждал автор статьи. В листах или нарезанный лапшой, табак реализовался розничной продажей задолго до нового урожая. Спрос на него тогда превышал предложение.

Обеспеченный сбыт табака побудил Андреевского увеличить посевную площадь. Но собственных сил и сил жены было недостаточно для расширения производства. Брат же бывал в Верном редко и случайно. Из делопроизводителей областного правления он был взят в Семиреченское казачье войско в чине хорунжего и нес казарменную службу с полусотней казаков на границе. Николаю Андреевскому хотелось расширить производство табака за счет подряжаемых сезонных рабочих. А денег на неизбежные расходы не имел. Сроком на два года получил в Казначействе ссуду в размере 300 рублей.

В конце декабря 1871 года Николая Андреевского неожиданно вызывают в Ташкент и направляют в Самарканд для несения службы в пехотном батальоне. А в на-

чале весны 1872 года оставшаяся в Верном жена скоропостижно умирает. Обеспокоенный за судьбу арендованного участка и недвижимого имущества Николай Андреевский после тщетных обращений в полицию присылает из Самарканда письмо губернатору Семиреченской области: «Я по служебным обстоятельствам и по неимению средств не имею возможности приехать в г. Верный для того, чтобы распорядиться моим благоприобретением». Просит на год продлить срок возвращения ссуды. Но срок не продлили. Ссуду погасили, удержав из жалованья и продав с аукциона имущество [9].

На этом сообщении архивного дела прекращаются сведения о Н. Андреевском. Очевидно, с тех пор он больше не появлялся в Верном и не служил в Семиречье.

Найденные сведения о Николае Осиповиче Андреевском позволили снять легкий налет загадочности с имени ранее неизвестного корреспондента Н. Ф. Костылецкого — Николая Осиповича. К сожалению, имеющиеся данные не дают основания утверждать, что Николай Осипович Андреевский был лично знаком с Чоканом. Но нет основания и отвергать такое предположение.

Братья Андреевские принадлежали к той среде провинциальных офицеров, с которой в силу жизненных обстоятельств Чокану Валиханову приходилось соприкасаться. Его симпатичная личность с высокими нравственными принципами, одухотворенная неустанным интеллектуальным трудом, резко контрастирует с Андреевскими, жизнь которых порой отягощалась административными и судебными наказаниями. Зачатки природной одаренности этих людей не могли развиваться. Тяжелая, изнуряющая борьба за право физического существования убивала интеллектуальные интересы, не оставляла свободного времени для творческого труда. Поэтому Андреевские оставили после себя всего несколько газетных статей. Николай Осипович Андреевского можно считать начинателем культурного разведения табака в городе Верном.

В СЕРЕДИНЕ ПЯТИДЕСЯТЫХ ГОДОВ, будучи молодым специалистом, выпускником технического вуза, три года я прожил в Семипалатинске.

Без преувеличения — этот город дал мне очень много: определил и укрепил направление моих профессиональных интересов и личных увлечений. В нем я по-настоящему узнал и полюбил свою профессию и стал обретать коллег, с которыми рука об руку тружусь вот уже более четверти века.

В последние пятнадцать лет, когда представлялась возможность по служебным делам побывать в Семипалатинске, с радостью собирался в дорогу. От сознания того, что еду в город своей молодости, появлялось праздничное настроение, чувствовал себя счастливым. Хотелось лучше узнать город, его прошлое. Именно из-за этого появилось совсем не мимолетное увлечение — собирать сведения о его истории, а главное, пребывании в нем Ф. М. Достоевского и Ч. Ч. Валиханова, тем более, что еще много есть в этой области неясного или неизвестного.

Благодаря давней публикации воспоминаний Зинаиды Артемовны Сытиной известна дружба Ф. М. Достоевского с ее отцом — ротным командиром А. И. Гейбовичем [1]. Дружба была самая искренняя, теплая и, если можно так выразиться, семейная, домашняя. О ней мне в свое время удалось собрать воедино различные сведения, проанализировать и рассказать в одном из очерков [2]. Потом меня осенила мысль — а не мог ли Гейбович быть знаком с Валихановым через Достоевского?

В чокановедческой литературе фамилия Гейбовича вообще не упоминается, хотя жизнь Валиханова неплохо и детально изучена казахстанскими исследователями. Это обстоятельство как бы утверждало тщетность попыток когда-либо дать ответ на искомый вопрос.

Память, как всегда неожиданно, хотя и с немалой задержкой, сработала: вспомнились строки из письма Ф. М. Достоевского к Артему Ивановичу Гейбовичу от 23 октября 1859 года. Письмо сохранено дочерью Гейбовича Зинаидой Сытиной и опубликовано в 1885 году. Подлинник вскоре утрачен.

В этом письме Ф. М. Достоевский подробно описал мытарства, переживания и события за время своего переезда из Семипалатинска в Тверь — новое место жительства. Касаясь трех-четырехдневного пребывания в Омске и посещения там своих знакомых, писатель уведомлял Артема Ивановича: «Валиханов объявил мне, что его требуют в Петербург и что через месяц он туда едет». В этой фразе, прочитанной мною до этого не раз, вдруг открылся искомый ответ на давний вопрос: был ли знаком Чокан Валиханов с простоватым другом и ротным начальником прапорщика Достоевского?

Да, они были знакомы! Это не может вызывать сомнения. Иначе бы не имело смысла сообщать Гейбовичу о предстоящей поездке Валиханова в Петербург.

И Гейбовичу и Достоевскому было понятно, что предстоящая поездка Валиханова в Петербург не является неожиданной, вызвана необходимостью представления вышнему начальству письменного отчета и личного доклада об удачно исполненном поручении — путешествии в Восточный Туркестан.

Дипломатические и научные круги, кстати не одного только Петербурга, очень интересовались достоверными сведениями об этом крае. Непроницаемая тайна окутывала Восточный Туркестан, его государственное устройство, экономику, рельеф, природные условия. Европейцам не удавалось посетить его территорию из-за необычайного фанатизма, враждебности к «иноверцам» и скрытности деспотических владык. Незадолго до путешествия Валиханова, в обличье не то мусульманского кушца, не то паломника-богомольца, в Кашгар проник немецкий ученый

Адольф Шлагинтвейт и... заплатился, в буквальном смысле, за это головой. Достоверные сведения о трагической судьбе Адольфа Шлагинтвейта собрал Чокан Валиханов в самом Кашгаре. Сделано это попутно, параллельно выполнению основных задач своего путешествия — сбора историко-экономического материала и изучения политического положения Восточного Туркестана. В условиях страха и подозрительности, царивших там, выполнять научную работу было нелегко и рискованно. Валиханов ежедневно подвергался смертельной опасности. Его чрезмерная любознательность, проявлявшаяся в подробных расспросах большого числа разных лиц о положении Кашгара, а по вечерам ведение записей могли привлечь внимание, и судьба Валиханова была бы решена.

Обо всем этом Чокан не мог не рассказывать в доме Ф. М. Достоевского писателю и его другу Гейбовичу во время своего проезда через Семипалатинск в мае 1859 года при возвращении в Омск из Восточного Туркестана.

Поэтому цель вызова Валиханова в Петербург была понятна Гейбовичу. Вот почему столь кратким сообщением, как человеку «посвященному», ограничился Достоевский.

Приведенная выше фраза из письма Достоевского является единственным документальным свидетельством знакомства Чокана Валиханова с Гейбовичем. И мне представляется, что их первое знакомство и редкие общения состоялись не без посредничества Ф. М. Достоевского. Именно он являлся связующим звеном между столь разными людьми.

Невозможно что-либо поведать о Гейбовиче и его общении с Чоканом Валихановым вне связи с Ф. М. Достоевским. Это обусловлено, конечно, чрезвычайной скудостью фактического материала, который удалось собрать мне в различных и разнохарактерных источниках. Полученные из этих источников сведения об общении Ч. Валиханова и Гейбовича не прямые, а, так сказать, косвенные,

вытекающие из известных фактов биографий Валиханова, Достоевского и Гейбовича при анализе их. Вспомогательное значение имеет и знание условий жизни и быта немногочисленной интеллигенции Семипалатинска середины прошлого века.

Итак, приступаю к рассказу.

Осенью 1856 года из Тобольска приехал в Семипалатинск и назначен командиром 4-й роты 7-го Сибирского линейного батальона капитан Гейбович Артем Иванович. В первый же день вступления в должность он вызвал унтер-офицера 2-й роты Федора Достоевского и сообщил ему: П. Е. Анненкова, Н. Д. Фонвизина и А. Г. Муравьева просили справиться о здоровье, передать их низкий поклон и материнское благословение.

Достоевский был тронут вниманием и памятью почтенных жен декабристов (им в это время было лет по 50...). Конечно, он не забыл и не может никогда забыть их участия в его судьбе в самые черные дни тяжелой жизни осужденного на каторжные работы. Он помнит приход их на этапный двор Тобольской пересыльной тюрьмы, передачи в тюремную камеру свежего белья и пищи, свидания с ними в квартире смотрителя тюрьмы. Тогда добрые женщины снабдили заключенных Достоевского и Дурова теплыми вещами и каждому вручили по экземпляру евангелия. Это была единственная книга, которую с высочайшего разрешения могли иметь каторжане. В надрезанные крышки переплетов евангелия жены декабристов вложили по десятирублевой ассигнации. Энергичная и предприимчивая Прасковья Егоровна Анненкова (до замужества француженка Полина Гебль) добилась того, что Достоевского и Дурова из Тобольска в Омск доставили не по этапу, а в отдельной телеге. Это была неоценимая и очень существенная помощь, если вспомнить, что между городами около 600 верст, а февральские морозы опускают ртутный столбик термометра ниже нуля на сорок градусов.

При выезде из Тобольска, в семи верстах от города,

жандармскую тройку с каторжниками остановила Фонвизина. Торопливо нанутствовала и просила, «чтобы они не теряли бодрости духа, что о них и там будут заботиться добрые люди». Разве это можно забыть? Он навсегда сохранит благоговейную память о замечательных женщинах России. Они являлись для него светлым лучом в мрачных казематах тюрьмы.

То же можно сказать и о знакомстве Ф. М. Достоевского с капитаном Гейбовичем.

Артем Иванович был мягким, душевным человеком. День-деньской занимался нехитрыми ротными делами: хлопотал об обмундировании, о солдатской кухне, составлял ведомости дежурств у батальонной кассы, цейхгауза. Корпел над списками солдат, отправляемых на различные хозяйственные работы: заготовка леса в Шульбинском лесу, сплав его вниз по Иртышу, снаряжение обозов с лесом, амуницией, оружием и прочим казенным и военным имуществом в Заилийский край и пограничные отряды. Занимался обучением солдат различным воинским премудростям. Хозяйственных хлопот было немало. Он не суетился, не ругался, не угрожал. Солдат и младших офицеров не понукал ежечасно, не изводил мелкими придирками. Много работал сам. Спокойные деловые отношения с солдатами капитана Гейбовича, однако, были не по душе начальству. Поэтому Гейбович не сделал карьеры. Чин капитана — потолок. За последние десять лет он не выслужил очередного чина, более того, переведен из Семипалатинска в захолустный Аягуз — подальше от греха. Тем более, и там надо иметь делового и честного офицера. Достоевскому Гейбович нравился еще и тем, что капитан не был равнодушен к книге. Унтер-офицер Достоевский ссужал капитана книгами, которые получал из Петербурга от брата.

Когда Достоевскому присвоили чин прапорщика, отношения с капитаном стали приятельскими и, главное, открытыми.

В феврале 1857 года прапорщик Достоевский привез из Кузнецка жену и пасынка Павла. Первый семейный визит был нанесен Гейбовичам. Жены, прапорщика — Мария Дмитриевна и капитана — Прасковья Максимовна, подружились. Нередко собирались за праздничным столом у Гейбовичей, а чаще у Достоевских. Достоевским полюбились дети Гейбовичей: Маша, Лиза и Зина. Мария Дмитриевна часто привозила к себе в дом малолетних Лизу и Зину. Детские голоса были приятны после ужасов каторги для тридцатипятилетнего Федора Михайловича. От Марии Дмитриевны у него своих детей не было.

Спустя тридцать лет Зинаида Артемьевна Гейбович, по мужу Сытина, вспоминала: «Мы очень любили бывать у Достоевских потому, что они были всегда очень добры и ласковы к нам, кормили нас всевозможными сладостями и дарили нам разные вещицы... У меня и до настоящего времени хранится из этих подарков маленькая корзиночка из перламутра, оправленная в бронзу с красным камнем на ручке. Но больше всего нам нравилось у Достоевского то, что Федор Михайлович позволял нам сидеть в своем кабинете, давал нам книги, и мы, погруженные в чтение, забывали все на свете» [1].

Девочек баловали, отыскивали для них развлечения. Однажды Федор Михайлович и Мария Дмитриевна возили их на загородный хутор купца Попова, где показывали им медведя, который за кусочек сахара плясал, кувыр-кался и смешно выпрашивал очередную подачку.

В декабре 1857 и в мае 1859 годов Чокан Валиханов проезжал через Семипалатинск и по нескольку дней оставался в нем, исполняя различного рода служебные дела. В свободное время посещал квартиру Ф. М. Достоевского. В одно из таких посещений, думаю мне, он и встретился с капитаном Гейбовичем.

Мария Дмитриевна угощала гостей обедом. Потом мужчины сидели в кабинете Федора Михайловича. Курили,

обсуждали местные события, служебные перемещения знакомых офицеров и, конечно, говорили о России, о ее положении в мире, об ожидаемой отмене крепостного права.

От Достоевского Валиханов получил лестные отзывы о человеческих достоинствах капитана Гейбовича. А Гейбович, в свою очередь, также слышал от Достоевского восторженные слова о молоденьком офицере Валиханове.

2 июля 1859 года Достоевские навсегда покидали Семипалатинск. Их провожали самые близкие друзья — семья Гейбовичей. Перед отъездом Мария Дмитриевна подарила Прасковье Максимовне небогатую мебель своей квартиры: кресло, туалетный столик, настенное зеркало, рюмки, графин, солонку и что-то еще из посуды. Федор Михайлович оставил Артему Ивановичу большую часть своей библиотеки, полный комплект офицерского мундира с эполетами и саблей и археологические находки, собранные им во время загородных прогулок у дачи купца Попова, расположенной к северу от города среди соснового бора и песчаных бугров на берегу Иртыша.

Зинаида Артемьевна в своих воспоминаниях перечислит эти находки: серебряные и медные кольца, монеты, браслеты, серьги, различные бусы, изломанные копья, какие-то мелкие вещицы из серебра, меди, железа.

Через полтора-два месяца после отъезда Достоевского выехал из Семипалатинска и Гейбович. Он был переведен в Аягуз на должность воинского начальника местного гарнизона.

Что из себя представлял Аягуз?

В дневнике за 1856 год Чокан Валиханов записал: «Аягуз — маленькая станица, в нем окружной приказ. Из всех станиц киргизской степи Аягуз — самый невзрачный на вид, впрочем, говорят, Кокпекты не лучше. Маленькая крепость, форштадт, где несколько деревянных домов, мечеть в Татарской слободке и землянки. По новому поло-

жению, с основанием Семипалатинской области он называется городом» [3].

Город Аягуз разместился на правом берегу одноименной реки. Летом долина реки Аягуз буйно зарастала травами и кустарником, кое-где свечками упирались в небо серебристые тополя. В густых зарослях водились дикие кабаны, иногда здесь видели тигров. Жители разводили огороды.

П. П. Семенов-Тянь-Шанский, проезжавший Аягуз в 1856 и 1857 годах, оставил следующее описание: «Во время моего посещения он был таким жалким и ничтожным, каким мне не приходилось видеть ни одного русского города. Построен он был на одном берегу, более низком берегу ничтожной речки, везде переходимой вброд, и состоял из глиняного укрепления с бастионами, которое уже развалилось и внутри которого помещались кое-какие казенные здания (казармы, больница и недостроенная кирпичная церковь). Собственно, город состоял из одной широкой улицы с такими низенькими саманными глинобитными домиками, что приходилось нагибаться, чтобы разговаривать со стоявшими у окон этих домиков жителями. Лавок в городе совсем не было... На другой стороне реки возвышались каменистые холмы, на которых по вечерам выли волки и даже видны были их сверкавшие в темноте глаза» [4].

В городе имелось две кузницы, две водяных и одна ветряная мельницы. В шести верстах от города добывался известняк и здесь же располагалась обжиговая печь. В трех верстах стоял кирпичный заводик по выделке жженого кирпича. Продукция обжиговой печи и заводика шла на строительство церкви, казенных зданий и печей. Мельницы, кузницы, обжиговую печь и кирпичный заводик с большой натяжкой можно назвать промышленностью. Она обслуживала нужды военных.

Интеллигентное общество города состояло из десяти-двенадцати офицеров и чиновников, двух-трех заседа-

лей окружного приказа, одного полуграмотного учителя, муллы и священника с дьяконом.

В 1860 году город Аягуз был переименован в Сергиополь, в честь великого князя Сергея Александровича. «Что за фантазия была у Гасфорта (генерал-губернатора Западной Сибири) переименовать гадчайшие станицы Кокпекты и Аягуз в города, — восклицает в своем дневнике мемуарист и продолжает: — Нужно быть сумасшедшим, чтобы переименовать эти жалкие станицы в города». Тот же мемуарист писал: «Сергиополь — бывшая казачья станица... Казачья станица напоминает еще бедную деревню, но город, или так называемая Татарская слободка, ниже всякой критики. Несколько двориков, обнесенных оградами, посреди которых разбиты старые закопченные юрты; несколько мазанок, несколько значительных куч грязи и навоза; несколько оборванных и грязных жителей — вот и вся слободка» [5].

Таков по описаниям и отзывам современников город Аягуз — Сергиополь середины прошлого века. В нем и поселился приятель Достоевского — Артем Гейбович. Занимал казенную квартиру, которая была, по письму к Достоевскому, «хотя поместительная и просторная, но при морозах и буранах оказалась холодной и угарною до невероятности, дети поотмораживали руки и ноги» [6].

При годовом жалованьи капитана в 318 рублей покупать дрова, уплачивая за воз 4 рубля 50 копеек, было накладно. «В крайности последних много помогают заборы, которые по избытку снега оказались ненужными», — горько шутил воинский начальник Аягуза. А каково жилось простым людям?

Эту квартиру Гейбович сменил на более теплую, хотя менее просторную. Из Аягуза он выслал в Тверь Ф. М. Достоевскому два письма. Сохранилось только одно. Из него мы узнаем о преклонении Гейбовича перед личностью своего бывшего подчиненного, о благоговейной памяти к его имени и бережном отношении к подаркам.

В аягузской квартире, по словам самого Гейбовича и воспоминаниям его дочери Зинаиды, все подарки были расставлены и разложены так, чтобы они хорошо просматривались и служили украшением. Для археологических предметов Гейбович смастерил особый ящик с отделениями. Мундир, эполеты и сабля Достоевского висели на стене, книги хранились на этажерке. Столовая посуда расставлена в особом отделении комода за стеклом. Ею не пользовались, она была отнесена в разряд семейной реликвии. Кресло, подаренное Марией Дмитриевной, обшили голубым бараканом. Изготовили точно такое же второе. Они стояли в отдельной комнате перед дамским столиком. Над столиком висело большое зеркало — тоже подарок Марии Дмитриевны.

В этом уголке сергиопольский офицер Гейбович принимал нечастых гостей и рассказывал им о Достоевском, явно гордясь его дружбой.

Задолго до появления романов «Преступление и наказание», «Униженные и оскорбленные», «Идиот», «Записки из Мертвого дома», принесших автору мировую известность, провинциальный армейский офицер Гейбович видел в Достоевском не только прапорщика из бывших каторжан. Его знал как милого и доброго человека, ценил как писателя. Именно это было причиной столь трогательного отношения к имени Ф. М. Достоевского и его подаркам. Свои сергиопольские квартиры он превращал в домашние музеи.

Его квартиры-музеи посещали приезжающие в Сергиополь по делам службы офицеры. Об одном таком посещении имеются достоверные и подробные сведения. 1863 год. Полковник И. Ф. Бабков, действительный член Русского географического общества, автор ряда статей, а в будущем — интересной книги «Мои воспоминания о службе в Западной Сибири», несколько суток находился в Сергиополе. Кстати, в действительные члены Русского географического общества И. Ф. Бабков был принят в

октябре 1860 года по рекомендации А. Ф. Голубева и Чокана Валиханова [7].

И. Ф. Бабков, зная, что у Гейбовича хранятся подарки и, главное для него, археологические находки Достоевского, по словам дочери Гейбовича, «попросил показать их и, увидев, посоветовал отправить в Петербург в Археологическое общество и даже любезно предложил взять эти вещи с собой и при случае, когда будет в Петербурге, показать кому следует» [1].

Польщенный вниманием простодушный Гейбович не отказал просителю. И более того, отдал несколько миниатюрных произведений скульптуры малоизвестного талантливого художника Цейзика, сосланного в Сибирь. Скульптурки Цейзика Гейбович вывез из Тобольска. Приобрел, наверное, из рук самого автора...

В марте и апреле 1864 года через Сергиополь в укрепление Верное непрерывным потоком ехали офицеры и чиновники, стремившиеся заблаговременно прибыть в формирующийся экспедиционный отряд полковника Черныева.

В этот отряд поспешал из Омска и Чокан Валиханов — официально в роли переводчика. С перевозкой пассажиров на тракте Семипалатинск — Сергиополь — Капал — Верный почтовые лошади явно не справлялись. Они постоянно находились в разгоне. Проезжающие офицеры по многу часов, а то и сутками почти на каждой станции ожидали предоставления им отдохнувших лошадей.

Такого сюрприза, весьма неприятного, не избежал в Сергиополе и Чокан. Но он не был особенно огорчен. В Сергиополе имел возможность в сносных условиях отдохнуть и пополнить запасы продуктов своего походного ларца на предстоящий путь. Переждать день-два наступившую распутицу также могло входить в трезвый расчет и Валиханова, и сергиопольского содержателя почтовой станции. Согласно установленным тогда правилам, все офицеры, проезжая окружные города (именно таким яв-

лялся Сергиополь) и желая временно задержаться, непременно должны были представиться воинскому начальнику с докладом о причине остановки. Чокан Валиханов обязан был представиться в Сергиополе воинскому начальнику и городничему Артему Ивановичу Гейбовичу.

Для Гейбовича встреча с Валихановым должна была оказаться весьма приятной. Всего около трех лет тому назад его неожиданный гость возвратился из Петербурга. Интересно было расспросить его о Достоевском, Марии Дмитриевне, об их семейной жизни.

Совсем не исключена возможность, что Чокан почевал в квартире Гейбовича, видел вещи, принадлежавшие Достоевскому, книги, которые сам когда-то просматривал и читал в доме писателя на Крепостной улице в Семипалатинске. Гейбович мог показывать Валиханову письма и фотографию Федора Михайловича.

Валиханов, вероятно, поделился своими планами на ближайшее будущее: с экспедицией Черняева он пройдет до Аулие-Аты, до момента соединения с отрядом Веревкина, выступающим из Ак-Мечети на Туркестан. Из Аулие-Аты Чокан намерен выехать через Ак-Мечеть и Аральск в Оренбург, а оттуда направиться в Петербург, где продолжает числиться на службе в Министерстве иностранных дел. Снова будет видеться с Федором Михайловичем Достоевским и бывать в его доме.

Давние знакомые расстались, полные воспоминаний об общем друге — петербургском издателе толстого журнала и авторе известных всей читающей публике романов; и оба, конечно, не предполагали, что эта встреча — последняя.

Валиханов выехал из Сергиополя в Верный, сменив сани на тряскую почтовую телегу. Ему осталось жить ровно один год. А сергиопольскому городничему — и того меньше. Он скончался в третьем часу пополудни 16 февраля 1865 года после непродолжительной и жестокой болезни [8].

ПЕТР ПЕТРОВИЧ СЕМЕНОВ-ТЯН-ШАНСКИЙ в своих мемуарах очень подробно рассказал о первом своем посещении в 1856 году Семиречья, о произведенных на берегу Каратала археологических раскопках. Археологом он оказался до конфуза неудачливым. По абсолютной неопытности он не сумел перед началом раскопок определить, что курган уже раскапывался до него. «Несколько лет тому назад инженеры, проводившие здесь дорогу, случайно нашли какие-то интересные предметы. По рассказам, слышанным мной в Капале, это были, между прочим, какие-то круглые глиняные медальоны, на которых были изображены на каждом по сидящей фигуре со скрещенными ногами и короной на голове, а затем еще другие предметы, слепленные из глины, о форме и значении которых я не мог сделать себе никакого представления...» И объяснил свою археологическую неудачу. «Медальонов с изображением Будды я уже не нашел, потому что мы попали на курган, хищническая раскопка которого была наскоро сделана инженерами» [1].

Впоследствии семипалатинский историк Николай Алексеевич Абрамов в одной из своих статей опишет эти медальоны, а Петр Петрович в примечании к этой статье засвидетельствует, что такие же медальоны он видел у покойного Чокана Валиханова [2].

Чокан Валиханов был более удачливым собирателем археологических предметов. Он имел несколько экземпляров глиняных медальонов, полученных им в 1856 году. От кого? Надо полагать, от отыскавших их в земле строителей гужевой дороги Капал — Верное. А одним из производителей строительных работ был инженер Никитин. Вероятно, именно он из своей коллекции медальонов, найденных в кургане, одарил ими Ч. Валиханова, а

П. П. Семенову рассказывал, но по каким-то причинам не сумел показать.

Связь П. П. Семенова с инженером Никитиным устанавливается и по материалам Русского географического общества. Так, например, 16 января 1857 года в протоколе заседания совета общества записано: «Вследствие ходатайства действительного члена П. П. Семенова совет признал в звании члена-сотрудника инженера-прапорщика Петра Алексеевича Никитина, принявшего на себя труд заниматься метеорологическими наблюдениями в г. Капале для представления их обществу, и постановил выслать ему установленный на сие звание диплом» [3].

Хотя в мемуарах Семенов не упоминает о своем знакомстве с Никитиным, но из данного протокола совершенно ясно, что с Никитиным он встречался и, очевидно, вел продолжительные и доверительные беседы о том, что и он в изучение Семиречья может внести свой небольшой вклад, не в ущерб основным служебным обязанностям. Сообразуясь с возможностями Никитина, Семенов, видимо, рекомендовал ему заняться метеорологическими наблюдениями в Капале — постоянном месте жительства. Никитин согласился и был рекомендован на избрание членом-сотрудником общества.

С Никитиным П. П. Семенов познакомился осенью 1856 года. В 1857 году снова встречался. Намеревался передать ему термометры, но они ко времени окончания путешествия оказались разбитыми [4]. Через год Русское географическое общество выслало Никитину термометры. Ими он пользовался, будучи на строительстве Царицынского моста на реке Коксу зимой 1859—1860 годов [5].

В отчетах Русского географического общества нам не удалось обнаружить сведений о метеорологических наблюдениях Никитина, но в том, что он высылал их результаты, мы не сомневаемся, ибо из членов общества он был только 5 мая 1869 года [6]. По уставу те члены, которые без уважительных причин в течение двух лет не

представляют каких-либо материалов, механически выбывают из общества. Значит, по меньшей мере он десять лет сотрудничал, но в минимальной мере. П. П. Семенов рассчитывал явно на большее. Никитин не оправдал его надежд.

Участие ученого в судьбе Г. Н. Потанина, напротив, дало прекрасные результаты. Спустя 53 года Потанин писал Петру Петровичу: «Вы доставили мне великое счастье работать в ряду русских путешественников в светлую эпоху необыкновенного разгара среднеазиатской деятельности руководимого Вами географического общества... Вы были отвлечены от ученой карьеры великим политическим предприятием — освобождением рабов (реформа 1864 года. — *Н. И.*) и свои азиатские планы выполнять предоставили другим; кусочки Вашей азиатской программы Вы предоставили мне» [7].

Валиханов с Никитиным также общался. Иначе как у него оказались медальоны, случайно найденные инженерами при производстве земляных работ на строительстве тракта?

Бесследно прошло, однако, знакомство Никитина с Семеновым и Чоканом.

В дневнике Ч. Валиханова за 1856 год имеется краткое упоминание о строительстве дороги в ущелье Кисыкауз. Подробности об условиях проезда по этому ущелью до строительства дороги содержатся в анонимной статье «Воспоминания из путешествия по южной части Семипалатинской области», опубликованной в военной газете «Русский инвалид» № 110 за 1859 год: «...приходилось переезжать с большим трудом через каменистое ущелье Кисыкауз, в котором и самую маленькую почтовую тележку нужно было с помощью веревок поднимать и опускать на руках. О переправе больших экипажей и думать тогда было нельзя». Поэтому местная администрация решила привести в относительный порядок проезжую часть дороги: убрать большие камни и валуны, смягчить крутые

подъемы, расширить ущелье в тех местах, где выступы скал затрудняли проезд транспорта, вынуждая его двигаться по каменистому руслу речушки или переходить с берега на берег, объезжая препятствия. Строительство дороги велось с использованием пороха, о чем упомянул в дневнике Валиханов.

Неизвестный автор в своей статье сообщал: «После многих трудов и усилий рота Сибирского 7-го линейного батальона, под руководством инженера Никитина и при особой заботливости... подполковника Абакумова, привела, наконец, дорогу в такое состояние, что теперь самые тяжелые дорожные экипажи проходят по этому ущелью беспрепятственно».

Таким образом, по анонимной статье устанавливаются тесные деловые связи Никитина с пытливым человеком — подполковником Абакумовым. Как мы уже знаем из предшествующих очерков, Абакумов был хорошо знаком П. П. Семенову и Чокану Валиханову. Они были не только знакомы по служебной необходимости, но и дружны. Абакумов интересовался памятниками прошлого, Чокан — тем более. Абакумов, несомненно, рассказывал о найденных медальонах и Валиханову, и Абрамову, и Семенову. Слушатели, естественно, изъявляли желание видеть предметы древности и просили рассказчика, Абакумова, познакомить их с обладателем — Никитиным. И, конечно, их желание исполнялось. Любопытствующим — Абрамову и Чокану — представили инженера Никитина, и тот показывал свои археологические сборы. Какой коллекционер утерпит, чтобы не попросить «лишние» экземпляры? Именно от Никитина — счастливого обладателя древних медальонов — получил их Чокан Валиханов. Н. А. Абрамов, как выше мы сказали, описал эти медальоны.

Мне удалось отыскать послужной список (личное дело) инженера Никитина. Из него узнал: Никитин родился в 1816 году в Тобольской губернии [8]. После окончания частного пансиона, в возрасте 19 лет, определяется в один

из батальонов Западной Сибири. Служит при строительных работах в Петропавловске и Семипалатинске, а с весны 1854 года — в Капале, в должности производителя работ. Через год получает первый офицерский чин — прапорщика, выслужив его двадцатилетней службой рядовым солдатом. Строил казенные и частные дома, паромные переправы через реки Аксу, Лепсы, мосты на Коксу и Каратале, тракт от Капала до Чингильды и пикеты на нем.

О своей инженерной работе Никитин писал в служебной записке так: «Обязанности по службе очень часто требовали находиться под влиянием сырости и холода при усиленных работах, при которых подвергался двукратному перелому ключицы, вывиху стопы и перелому голени. Все это повлияло на мое здоровье». Он вышел в отставку в 1867 году. Жил в Капале, на жизнь зарабатывал частными подрядами, иногда очень далекими от строительства. Так, например, он брал в подряд содержание купальных ванн минерального источника в Арасанском курорте, одновременно занимался разведением лошадей для продажи.

Затем по частному подряду Никитин строил мосты на Аксу и Баскане в 1873 году. В отставке находился 7 лет. В 1874 году был приглашен на должность заведующего строительной частью в Кульдже. Предложение охотно принимает, так как «здоровье... несколько улучшилось». В Кульдже живет около 8 лет. Построил собственный дом, который был оценен в 3000 рублей — очень солидная сумма для того времени. Строил переправы через Или, мосты на мелких водотоках, солдатские казармы. В 1879 году он снова подает в отставку (ему идет 63-й год), через год получает ее, и больше о Никитине не найдено никаких сведений.

В СЕНТЯБРЕ 1858 ГОДА в Капал приехал воспитаник медицинского факультета Московского университета двадцатичетырехлетний врач Иероним Иванович Соболевский [1]. Сын обедневших потомственных дворян «учился на казенное содержание», поэтому должен был отработать положенный срок только там, куда был послан. Он был назначен врачом Капальского округа.

В июле 1864 года, возвращаясь из Аулие-Аты в Омск, чтобы ехать в Петербург, на участке пути между Илийским и Алтын-Эмельским пикетами Чокан почувствовал себя очень уставшим, больным. Заехал в аул. Болезнь оказалась очень серьезной, Чокан надолго был прикован к постели. В июле и августе его организм отчаянно боролся с недугом. Осенью ему стало лучше, он съездил в Капал на прием к врачам. Их было три: один — при госпитале, второй — в полку и третий — Соболевский. Он врачевал больных из числа гражданского населения всего Капальского округа.

В осенние месяцы 1864 года Чокан Валиханов познакомился как пациент с окружным врачом Соболевским. По его рецептам Чокан получает лекарства в единственной аптеке, находящейся при капальском госпитале. В первой половине декабря он снова приезжает в Капал, где на досуге пишет статью «Восстание дунган в Западном крае Китайской империи». Видится с врачом Соболевским и возвращается в зимний аул, расположенный в урочище Тугерек, что недалеко от Борохудзира в долине реки Или.

В январе и феврале у Чокана так болело горло, что он с трудом глотал пищу. Он хотел ехать к врачу в Верное или Капал, но это «оказалось невозможным по трудности пути и по неимению экипажа». Зима была «гнилой», дороги раскисли. Он был вынужден отдать «себя в руки киргизского врача — плевого, который поит бог знает чем.

Все-таки это лучше, чем умирать сложа руки», — горько шутил больной Чокан в одном из своих писем того времени [2].

Как врач Соболевский, вероятно, был неплох. Иначе в положенные сроки ему не присваивали бы очередные чины: коллежского асессора в 1861, надворного советника в 1867, коллежского советника в 1871 и, наконец, статского советника в 1894 году, что соответствовало военным чинам — майор, подполковник, полковник и генерал-майор. За «отлично-усердную и ревностную службу» награжден орденами, а под конец службы «пожалован знаком отличия беспорочной службы за 30 лет».

В июле 1874 года по решению Главного военно-медицинского управления Соболевский командирован на год в Петербургскую медико-хирургическую академию «с научной целью», как сказано в официальном документе того времени. В современном понимании — для прохождения курса повышения квалификации.

Он слушает теоретический курс полевой военной хирургии у Н. И. Пирогова, проходит практику. При академии остается еще на год «на казенный счет». При возвращении в Капал получает назначение на должность верненского уездного врача. По совместительству работает врачом мужской гимназии.

В 1880 году «за успешное прекращение распространившейся в сильной степени между учениками... болезни parotitis, в просторечии «свинка», приказом по учебному ведомству Соболевскому объявлена «искренняя признательность».

В 1893 году назначается на должность областного учебного инспектора. В 1898 году Соболевский получает четырехмесячный отпуск и командирован в Петербург на съезд врачей, где он представляет врачей Семиреченской области [3]. Через два года подает губернатору рапорт: «Вследствие болезни, на скорое излечение которой не могу рассчитывать, я честь имею ходатайствовать о сня-

тии с меня обязанностей врачебного инспектора». Отставка дана с годовой пенсией в размере 1933 рубля. Собрался переехать в Петербург [4]. Но не переехал. Остался. Не отпускали привычка к верненским условиям жизни, обширные знакомства и связи с людьми, «благоприобретенный» деревянный дом и дети...

Немного людей из современников и ровесников Чокана дожили до XX века. Соболевский был одним из этих счастливлчиков. Намного пережил Чокана Валиханова, Н. А. Северцова, А. Ф. Голубева, В. В. Обуха и многих других талантливых и пытливых современников, но за долгую свою жизнь не оставил по себе память ни одной печатной строкой! Будь в его положении более пытливый человек, он мог бы увидеть в Семиречье много интересного. Взять хотя бы Капал-Арасанские минеральные источники. О них много писали, но не врачи, а случайные люди. А врачу Соболевскому следовало бы заинтересоваться ими. Он этого не сделал. О нем, человеке с красивым, но безвольным лицом при окладистой бороде (судя по сохранившейся фотографии), мы вообще не сказали бы ни слова, если бы в 1864 году судьба не столкнула его с больным Чоканом...

ЗАПИСКА

В АЛМА-АТЕ НА ПРОСПЕКТЕ АБАЯ вблизи Русского драматического театра имени М. Ю. Лермонтова стоит монументальное четырехэтажное здание Центрального Государственного архива Казахской ССР. Я нередкий посетитель его читального зала. Здесь продолжаю интересоваться всеми деталями жизни Чокана Чингисовича Валиханова.

Личный фонд Валиханова изучался многими исследователями: этнографами, историками, писателями, искусствоведами. Но я убеждаюсь: не весь фонд Валиханова опубликован. Составители пятитомного издания его сочинений очень строго подходили к отбору материала. И, понятно, не могли включить в издание то, что непосредственно не относилось к научной деятельности или биографии Чокана.

В его фонде хранятся и случайные материалы, казалось бы, не имеющие никакой познавательной ценности. Например, афиши, пригласительные билеты, выписки из чужих трудов, черновые рисунки. Но и такая «мелочь», может быть, когда-нибудь пригодится какому-то исследователю, заговорит и окажется способной поведать ему что-то о первом владельце — Чокане Валиханове.

Именно подобная случайная мелочь более всего заинтересовала меня.

В одной из папок мое внимание привлек исписанный клочок серого цвета низкосортной писчей бумаги [1].

Размер — не более одной трети стандартного листа. Клочок был некогда изрядно помят, потом осторожно расправлен и подшит в папку неизвестным архивариусом. У меня появилось к нему теплое чувство благодарности и уважения за его необыкновенную бережливость, внимательное отношение даже к незначительному памятнику прошлого.

Чернила уже поблекли. Короткий текст из-за неразборчивого, размашистого почерка с трудом читается: «Я заходил и взял портрет Маки для снятия с него фотографий. Доставлю, может, сегодня, а может, дня через два или три. Весь твой Всеволод. Будь завтра вечером у М. Достоевского, наши будут».

Ясно, это записка неизвестного Всеволода, который заходил на квартиру Чокана, но хозяина не оказалось дома. Принимал слуга. У него Всеволод попросил разрешения пройти в кабинет Чокана, чтобы оставить записку. Барину разрешение, конечно, дано. Он уже был знаком слуге.

Всеволод сел за письменный стол. Снял крышку с чернильницы. Она наполнена ореховыми чернилами. И на лежавшем здесь же листе писчей бумаги быстро, одним махом, не продумывая содержания, пишет записку. От целого листа отрывает часть со своим текстом. Линия отрыва неровная.

Такие записки, написанные второпях, небрежно, на клочке бумаги, адресуют и оставляют только очень близким друзьям, которые не обидятся ни за фамильярность, ни за небрежность. Для друзей совершенно не важна форма обращения. Им дорого общение, внимание.

Неудивительно, что эта коротенькая записка валихановедами не была включена в раздел «Письма и переписка» четвертого тома его сочинений.

Первоначально мне казалось, что ее невозможно прокомментировать. Слишком много таит в себе неизвестного. Во-первых, когда написана? Во-вторых, кто такой Всеволод? В-третьих, о каком «портрете Маки» ведется речь? В-четвертых, для чего и для кого потребовалось снимать с портрета фотографические копии? Какое отношение к этому имеет неизвестный Всеволод? Ограничимся только этим перечнем вопросов, которые возникают при чтении записки.

А вот известного в записке чрезвычайно мало, пожа-

луй, только одно. Это имя Мақы. Мақы — младший брат Чокана. В детстве, в результате перенесенной болезни, он потерял дар речи и слух. Его дальнейшая судьба тревожила родителей. В десятилетнем возрасте, в 1855 году, отец Чингис Валиевич отвозит его в Петербург и сдает на воспитание в привилегированное училище глухонемых. Учился 9 лет. В свидетельстве, выданном ему по окончании училища, указано: «Во время пребывания своего в сем заведении при очень хорошем поведении оказал успехи: в русском языке хорошие, в истории и географии посредственные, в арифметике — хорошие, в чистописании — хорошие, рисовании — отличные» [2].

Работал письмоводителем в Кокчетаве, Атбасаре, Баянауле и весьма продолжительное время — в Омске. В 1907 году вышел в отставку, получал пенсию за долговременную работу уездным чиновником.

В конце прошлого века Г. Н. Потанин посетил аул Валихановых и виделся с Абилмакыжаном — полное имя бывшего подростка Мақы. Г. Н. Потанин записал: «Когда он приезжает в Кокчетав, в русском клубе его принимают как приятного гостя, его любят там за его общительный характер и галантное обращение».

Алма-атинский архитектор Шота Идрисович Валиханов хранит небольшую коллекцию предметов прикладного искусства работы своего деда Абилмакыжана Чингисовича, которая свидетельствует о незаурядном художественном вкусе автора. Он прекрасно выполнял аппликации на коврах, инкрустировал, создавал орнамент и рисовал на бумаге. Некоторые его художественные работы находятся в Московском этнографическом институте и в архивах Ленинграда и Омска [3].

Чокан Валиханов в 1860 и 1861 годах жил в Петербурге. Сохранилась небольшая часть семейной переписки за этот период — два письма, полученные им от отца, и два ответные. К счастью, они дают некоторую информацию о портрете, о котором говорится в записке Всеволода, и о

том, что Маки приходил в квартиру старшего брата. Чокан знакомил с Маки своих друзей, во всяком случае, Всеволода.

В первом письме от 6 июля 1860 года Чингис просит Чокана: «При первой возможности пришли нам снимок Маки, — и добавляет: — Как встретил тебя Маки, сразу узнал или нет?» [4].

В ответном письме от 9 августа Чокан ничего не написал отцу о выполнении его просьбы в отношении высылки снимка, но сообщил, что в настоящее время Маки отсутствует в городе, находится на даче с соучениками по училищу [5].

Во втором письме от 19 сентября Чингис вновь, но уже в требовательной и категоричной форме, повторяет просьбу: «Немедленно пришли нам портрет Маки. Сообщите мне, сразу ли узнал тебя Маки, когда ты приехал?» [6].

Итак, Чокан не мог выслать отцу портрет Маки, который, судя по записке Всеволода, хранился в квартире Чокана. Очевидно, это был живописный портрет, выполненный ранее с натуры по заказу родителей. Выслать портрет почтой рискованно — может затеряться или оказаться испорченным, измятым. А сводить брата в фотографию невозможно, он на даче за городом. Поэтому Чокан решает с портрета получить фотографические копии и тем удовлетворить нетерпеливое желание отца. Но будучи занятым на службе срочными работами, попросил Всеволода взять на себя хлопоты по изготовлению фотографий, что и было выполнено им.

К сожалению, на записке не проставлена дата. Но все же хотя бы приблизительно можно установить время ее написания. Вероятно, Чокан только после второго письма отца от 19 сентября 1860 года решил изготовить фотографические копии портрета. Это письмо могло быть получено им во второй половине октября, так как в те годы частная корреспонденция из Кокчетова в Петербург или об-

ратно приходила к адресату через месяц или немногим более. Сообразуясь с такими знаниями и предположениями, записку Всеволода можно датировать последними днями октября 1860 года.

Но кто же этот Всеволод? Что связывало его с Чоканом? Совершенно бесспорно, что отношения их были близкие. Всеволод проявлял готовность кое-какие заботы Чокана взять на себя, был дружески услужлив. А это уже бесспорное свидетельство простоты отношений. Судя по тому, что автор записки назавтра приглашает Чокана прийти к М. Достоевскому, у которого «наши будут», Всеволод и Валиханов давно и коротко знакомы, в какой-то мере единомышленники и являются членами литературного кружка братьев Достоевских.

Чокан Валиханов еще с 1854 года был знаком с Федором Михайловичем Достоевским, когда писателя освободили из Омской каторжной тюрьмы. Потом Достоевский почти три года служил рядовым солдатом седьмого линейного батальона, располагавшегося в Семипалатинске. Сюда нередко приезжал по делам службы офицер Валиханов и неизменно навещал Достоевского. Здесь они сблизились и стали друзьями. Памятниками их дружбы являются известная фотография 1859 года, на которой изображены оба, не менее известное письмо Ф. М. Достоевского к Валиханову от 14 декабря 1856 года, письма Валиханова к Достоевскому от 18 июля 1861 года, от 14 января и 15 октября 1862 и, наконец, от 20 мая 1863 года.

Приехав в феврале 1860 года в Петербург, Чокан Валиханов продолжал общаться с Федором Михайловичем и его братом Михаилом Михайловичем — также литератором.

В литературный кружок братьев Достоевских входили поэты и прозаики их поколения — Я. П. Полонский, А. Н. Плещеев, А. Н. Майков, Н. Н. Страхов, братья Курочкины и люди младшего поколения — Ч. Ч. Валиханов

и неизвестный пока нам Всеволод. Невольно возникает предположение о том, что и Всеволод не был чужд литературных интересов, иначе не было бы его общения с литературным кружком Достоевских. Придя к такому допущению, я приступил к поискам доказательств его правомерности. Доказательства быстро отыскал в статьях современников и друзей Чокана Валиханова.

Через год после смерти Чокана Н. М. Ядринцев опубликовал обширный некролог-статью о Ч. Ч. Валиханове в малораспространенном тогда журнале [7]. Кстати, они познакомились вскоре после приезда Чокана в Петербург. Знакомство состоялось по инициативе и при посредничестве Г. Н. Потанина. Н. М. Ядринцев и Г. Н. Потанин в то время были студентами Петербургского университета. Посещали квартиру Чокана. В статье Н. М. Ядринцев писал, что Чокан Валиханов вошел в литературный кружок Достоевских и «в этом кружке познакомился с поэтом Всеволодом Крестовским».

Да и Г. Н. Потанин в своих «Биографических сведениях о Чокане Валиханове», говоря о его петербургском периоде жизни, свидетельствует: «Из литераторов он чаще всего встречался с Достоевским и Крестовским» [8]. Это уже серьезный повод для отождествления Всеволода — автора записки — с поэтом Всеволодом Крестовским.

В одном дореволюционном издании сочинений В. Крестовского нахожу факсимиле его почерка. Сравниваю с почерком записки. Сходство, несомненно, большое. Оно окончательно укрепляет мое убеждение в правильности сделанного предположения.

В эпистолярном наследии Чокана также встречена фамилия Крестовского в одном из писем к Ф. М. Достоевскому. Чокан упомянул Крестовского в связи со следующими обстоятельствами. В последних числах мая 1861 года Чокан, покидая Петербург, дарил фотографии близким знакомым и друзьям и просил их о том же. Но не все смогли сразу отдарить отъезжающего Чокана. Обещали

выслать, но потом забыли. А Чокану, томящемуся в родной степи без близкого по интеллекту общества, хотелось иметь фотографии друзей и приятелей. Поэтому 14 января 1862 года в письме из Сырымбета* Чокан просит Ф. М. Достоевского: «Вышли мне свою фотографическую карточку и собирай то же самое со всех моих хороших знакомых, которые все мне обещали,— Майков, Полонский, Крестовский» [9].

С этими представителями русской литературы, как мы уже знаем, Валиханов познакомился в петербургской квартире Ф. М. Достоевского, или его брата Михаила Михайловича.

С Крестовским сошелся быстро и близко, чему способствовала небольшая разница в возрасте. Оба были молоды: Чокану шел двадцать шестой, а Крестовскому — двадцать первый год. Чокану в Крестовском нравилась необычайная общительность, веселый, даже какой-то бесшабашный характер, острая наблюдательность и независимость суждений. Крестовский, несомненно, был незаурядной личностью, во всяком случае, неординарной. С семнадцати лет стал печататься. Его многочисленные стихи, очерки, рассказы охотно принимали столичные газеты и толстые журналы «Отечественные записки», «Время», «Библиотека для чтения», «Русский вестник». Молодежь увлекалась им, и ко времени знакомства с Чоканом он уже приобрел довольно широкую известность.

Крестовский в Чокане интуитивно распознал талантливого человека. Привлекли внимание и оригинальная внешность блестящего офицера, и образованность, и редкая для провинциала воспитанность. На впечатлительного юношу-поэта подействовало, видимо, и то обстоятельство, что этот офицер совершил опасное и романтическое путешествие в далекий Восточный Туркестан, где сумел при-

* Урочище, ныне — в Володарском районе Кокчетавской области.

обрести древние манускрипты, собрать ценнейший научный материал, выяснить обстоятельства трагической гибели немецкого путешественника Адольфа Шлагинтвейта. К сожалению, изучением архива Крестовского никто из валихановедов не занимался целеустремленно и глубоко. Значительная часть бумаг Валиханова давно утрачена.

Вне сомнения, Чокан Валиханов и Всеволод Крестовский находили друг в друге интересных собеседников. Это засвидетельствовали их современники и очевидцы.

От серьезных тем они легко переходили к «фривольным». Во время «гусарских» разговоров Чокан давал Крестовскому «темы для его испанских стихотворений, а сей поэт, питаясь красами остроумия талантливового Валиханова, немедленно строчил свои романсы», — писал в конце 1865 года Николай Михайлович Ядринцев. А спустя два десятилетия повторил: «...давал... темы для восточных стихотворений, и Крестовский среди дружеского разговора немедленно воспроизводил их. Правда, темы были большею частью фривольные, но и в них сквозили находчивость и остроумие Валиханова» [10] и, конечно, Крестовского. Чокан рассказывал Потанину, что именно в его квартире Крестовский написал «наделавшее в свое время много шуму и получившее отповедь Н. А. Добролюбова стихотворение... «Об испанской актрисе и Нищем» [8].

Глубокая неприязнь к личности и творчеству В. Крестовского, которая явственно видна в воспоминаниях Н. М. Ядринцева, объяснима. Значительная часть произведений Крестовского действительно заслуживала порицания. В те годы, накануне отмены крепостного права, читателям нужны были стихи, вскрывающие общественные и социальные язвы. А легковесная муза молодого поэта уводила от реальной жизни с ее жгучими проблемами в надуманный мир бескорыстных и добродетельных красавиц с их мотыльковой любовью. Естественно, что в такой ситуации Крестовский павлек на себя справедливое него-

дование, а на собственное творчество — пренебрежительное отношение, граничащее с брезгливостью. В этом аспекте Н. М. Ядринцев, безусловно, справедлив.

И Н. М. Ядринцев и Г. Н. Потанин осуждали Крестовского за то, что своей дружбой он якобы отвлекал Чокана от серьезных научных занятий. Из их слов невольно возникает парадоксальный вывод: Чокан находился под влиянием Всеволода Крестовского. А этого, скорее всего, не было. Было наоборот: юноша Крестовский находился под сильным влиянием обаятельной и талантливой личности Чокана. Увлечение Чоканом не прошло бесследно для способного поэта. Оно отразилось в его творчестве, о чем свидетельствовали в статьях современники. В свою очередь Валиханов не был ни аскетом, ни циником. Да и «фривольные», «гусарские» разговоры отнюдь не были главными в их дружбе.

Крестовский известен в русской литературе далеко не как автор легковесных стихов. Интересны его записки «В гостях у эмира бухарского», изданные отдельной книгой. Его перу принадлежит и книга наблюдений и впечатлений от кругосветного путешествия. В своей жизни, следует особо отметить, он много путешествовал. Изъездил немало стран — почти на всех материках побывал. Писал об аборигенах Азии и Америки. Около двух лет прожил в Туркестанском крае. Может быть, и здесь не обошлось без косвенного влияния дружбы с Чоканом. Результатом наблюдений и поездок Крестовского по Средней Азии явилась уже упомянутая книга. Он одним из первых проводил археологические раскопки на Афраснабе у Самарканды.

Серьезное изучение всего рукописного наследия поэта за 1860—1867 годы, возможно, позволило бы открыть что-то интересное, относящееся к личности Валиханова петербургского и послепетербургского периодов и к их взаимоотношениям. Найденная записка обогатила наши представления о взаимосвязях Крестовского с Валихановым,

но далеко не в желаемом объеме. О полноте освещения остается только мечтать и терпеливо ждать новой счастливой находки.

Ожидание такого случая оправдывается непрерывно пополняющимися материалами о Чокане Валиханове. Так, в личном архиве А. Н. Майкова найдено в 1975 году письмо поэта к Чокану от 10 февраля 1863 года. Оно почему-то в свое время не было отослано адресату и пролежало более ста лет среди черновых бумаг автора, пока его не обнаружили и не опубликовали [11]. От того, что Чокан Валиханов не получил ответа А. Н. Майкова на свое письмо от 6 декабря 1862 года, мы в выигрыше, ибо обогащены интересными сведениями о личных связях и общественных взаимоотношениях Чокана с представителями русской культуры. Действительно, нет худа без добра. Мне кажется, что исследователям Валиханова не стоит обходить даже те «фривольные» стихи на «киргизо-испанские» сюжеты, о которых презрительно отзывался Н. М. Ядринцев. Такие стихи, письма, дневники и различные записи Крестовского при тщательном изучении их, возможно, дали бы неизвестные сейчас сведения о личной жизни и служебных занятиях Чокана в петербургский период его жизни. В результате расширились бы наши представления о мировоззрении, о дружеском и официальном окружении Чокана Валиханова.

Все было бы чрезвычайно интересным как для биографов первого казахского ученого, так и для широкой аудитории почитателей его таланта.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

ПРЕДИСЛОВИЕ

1. *Кунаев Д. А.* Отчетный доклад Центрального Комитета Компартии Казахстана XV съезду Коммунистической партии Казахстана. Алма-Ата, 1981, с. 84.

ВЕРНЕНСКОЕ УКРЕПЛЕНИЕ

1. Центральный Государственный архив (далее ЦГА) Казахской ССР, ф. 44, д. 49117.
2. *Там же*, ф. 3, д. 347.
3. Государственная библиотека Казахской ССР им. А. С. Пушкина. Фонд рукописей и редких книг, инв. № 70.
4. Сборник статей, касающихся до Туркестанского края. СПб., 1876, с. 305—306.
5. *Валиханов Ч. Ч.* Собрание сочинений. Алма-Ата, 1968, т. 4, с. 560.
6. *Там же*, с. 326.
7. *Семенов-Тянь-Шанский П. П.* Путешествие в Тянь-Шань. М., 1958, с. 150.
8. Алма-Ата — столица Казахской ССР. Алма-Ата, 1960, с. 11.
9. Государственный Центральный музей Казахстана. Альбом М. С. Знаменского.
10. ЦГА КазССР, ф. 3, д. 344, л. 1 и 9.
11. *Там же*, д. 352, л. 2—3.
12. Цит. по: *Горячева А. А.* Основание города Верного (1854—1860 гг). Ученые записки КазГУ, серия историческая. Алма-Ата, 1957, т. 31.
13. ЦГА КазССР, ф. 3, д. 8, л. 2.
14. *Голубев А. Ф.* Библиографический очерк. Омск, 1900.
15. *Венюков М. И.* Путешествия по окраинам Русской Азии и записки о них. СПб, 1868. *Его же:* Очерк Заилийского края и Причуйской страны.— Записки ИРГО, 1861, кн. 4.
16. *Абрамов Н. А.* Укрепление Верное.— Записки ИРГО, 1867, т. 1.
17. ЦГА КазССР, ф. 3, д. 16.

1. *Валиханов Ч. Ч.* Собрание сочинений, т. 1, с. 45.
2. *Там же*, т. 4, с. 334.
3. *Там же*, т. 1, с. 395.
4. *Там же*, т. 1, с. 229.
5. *Семенов-Тянь-Шанский П. П.* Путешествие в Тянь-Шань, с. 78—79. *Абрамов Н. А.* Река Ягуз с ее окрестностями.—Тобольские губернские ведомости, 1861, № 34.
6. Государственный Центральный музей Казахстана, КП 2610 и 8766.
7. ЦГА КазССР, ф. 44, д. 50394, л. 1, 39—40, 201—212.
8. *Пугинцев М.* От Семипалатинска до Капала.—Военный сборник, 1865, № 12.
9. *Гейнс А. К.* Собрание литературных трудов. СПб., 1897, т. I.
10. *Валиханов Ч. Ч.* Собрание сочинений, т. 1, с. 231.
11. ЦГА КазССР, ф. 44, д. 39685.
12. *Валиханов Ч. Ч.* Собрание сочинений, т. 1, с. 233—234.
13. *Абрамов Н. А.* Река Лепса.—Тобольские губернские ведомости, 1861, № 7.
14. *Валиханов Ч. Ч.* Собрание сочинений, т. 1, с. 288.
15. *Абрамов Н. А.* Город Капал с его округом в 1862 году.—Записки ИРГО, СПб., 1867, т. I, с. 286, 292—293, 299.
16. *Покровский В.* Очерки Семиречья.—Туркестанские ведомости, 1873, № 44.
17. *Семенов-Тянь-Шанский П. П.* Путешествие в Тянь-Шань, с. 255—256.
18. *Леденев Н. В.* История Семиреченского казачьего войска. Верный, 1908, с. 115—118, 226.
19. *Абрамов Н. А.* Алма-Ата или укрепление Верное с его крепостями.—Записки ИРГО, 1867, т. I, с. 260.
20. *Абрамов Н. А.* Станица Верхнелепсинская с окрестностями в 1864 году. Записки ИРГО, 1867, т. I, с. 322.
21. *Гейнс А. К.* Киргизские очерки.—Военный сборник, 1866, № 8.
22. Воспоминание из путешествия по южной части Семипалатинской области.—Русский инвалид, 1859, № 10.
23. *Валиханов Ч. Ч.* Собрание сочинений, т. 4, с. 37—40; см. также—Русский инвалид, 1865, № 51.
24. *Ивлев Н. П.* Семиреченские мосты. Алма-Ата, 1974 г.
25. *Семенов-Тянь-Шанский П. П.* Путешествие в Тянь-Шань, с. 91—92.
26. *Абрамов Н. А.* Река Каратал с ее окрестностями.—Записки ИРГО, 1867, т. 10, с. 276.
27. Обзор Семиреченской области за 1882—1900 гг. Верный, 1900.
28. *Валиханов Ч. Ч.* Собрание сочинений, т. 1, с. 282.

29. ЦГА УзССР, ф. 715, оп. 1, д. 18, л. 153.
30. *Маев Н.* От Ташкента до Кульджи. Путевые заметки.— Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник, СПб., 1873, вып. 2.
31. ЦГА КазССР, ф. 46, д. 296, л. 8.
32. *Семенов-Тянь-Шанский П. П.* Путешествие в Тянь-Шань, с. 101.
33. *Костенко Л. Ф.* Очерки Семиреченского края.— Военный сборник, 1872, № 11.
34. ЦГА КазССР, ф. 3, оп. 1, д. 8, с. 40, 45, 99.
35. *Хоменко.* Илийский выселок.— Туркестанские ведомости, 1872, № 9.
36. *Семенов-Тянь-Шанский П. П.* Путешествие в Тянь-Шань, с. 247, 149, 248.
37. *Валиханов Ч. Ч.* Собрание сочинений, т. 1, с. 280.
38. ЦГА УзССР, ф. 715, оп. 1, д. 22.
39. ЦГА КазССР, ф. 23, оп. 1, д. 16.
40. *Там же*, ф. 3, оп. 1, д. 25.

АСТРОНОМ ГОЛУБЕВ

1. ЦГА КазССР, ф. 23, д. 12, л. 3—13; ЦГА УзССР, ф. 715, оп. 1, л. 187.
2. *Валиханов Ч. Ч.* Собрание сочинений. Алма-Ата, 1962, т. 2, с. 261.
3. ЦГА КазССР, ф. 23, д. 12, л. 1—2.
4. *Валиханов Ч. Ч.* Собрание сочинений, т. 4, с. 321.
5. Военный сборник, СПб., 1869, № 2.
6. *Валиханов Ч. Ч.* Собрание сочинений, т. 4, с. 573.
7. ЦГА КазССР, ф. 39, оп. 1, д. 2154.

ВСТРЕЧИ В ПУТИ

1. ЦГА КазССР, ф. 3, оп. 1, д. 32, л. 273.
2. ЦГА УзССР, ф. 715, оп. 1, д. 21, л. 192, 264, 273—276; ЦГА КазССР, ф. 3, оп. 1, д. 356, л. 11.
3. *Венюков М. И.* Путешествия по окраинам Русской Азии и записки о них. СПб., 1868, с. 258—259.
4. Записки ИРГО, 1862, кн. 1.
5. ЦГА КазССР, ф. 23, оп. 1, д. 13, л. 40.
6. *Валиханов Ч. Ч.* Собрание сочинений, т. 4, с. 456.
7. ЦГА КазССР, ф. 3, оп. 1, д. 11, с. 12, 42—43.
8. Туркестанские ведомости, 1901, № 58.
9. Знакомые. Альбом М. И. Семевского. СПб., 1888, с. 333.
10. Советская историческая энциклопедия. М., 1963, т. 3, с. 354.
11. Известия ИРГО, СПб., 1905, т. 40, вып. 5.

ВЕРНЕНСКИЙ АРТИЛЛЕРИСТ

1. *Пичугин П.* Вторжение кокандцев в Алатавский округ в 1860 году.— Военный сборник, СПб., 1872, т. 85.
2. *Врангель А. Е.* Воспоминания о Достоевском в Сибири. 1854—1856. СПб., 1912.
3. *Достоевский Ф. М.* Письма. М., 1928, т. 1, с. 199.
4. *Семенов-Тянь-Шанский П. П.* Путешествие в Тянь-Шань, М., 1958.
5. *Сярковский.* Воспоминания офицера о Туркестанских походах в 1864—1865 гг.— Военный сборник, СПб., 1891, № 2.
6. Записки ИРГО, СПб., 1861, кн. 1.
7. Вестник ИРГО, СПб., 1860, ч. 30, кн. 12.
8. Записки ИРГО, СПб., 1860, кн. 3.
9. Государственный Центральный музей Казахстана, КП 2610 и 8766.
10. *Серебрянников А. Г.* Туркестанский край. Сборник материалов для истории его завоевания, ч. 1, 1864. Ташкент, 1914, документ № 111.
11. *Валиханов Ч. Ч.* Собрание сочинений, т. 4, с. 433.
12. *Добросмыслов А. М.* Ташкент в прошлом и настоящем. Исторический очерк. Ташкент, 1912, с. 52.

ОСНОВАТЕЛЬ КАПАЛА

1. *Излев Н. П.* Находки краеведа. Алма-Ата, 1977, с. 28—39.
2. *Абрамов Н. А.* Город Капал...— Записки ИРГО, 1867, т. 1.
3. ЦГА КазССР, ф. 3, оп. 1, д. 344, л. 16—17, 19—20, 22.
4. *Валиханов Ч. Ч.* Собрание сочинений, т. 1, с. 284, 396.
5. *Липский В. И.* Григорий Сялыч Карелин. СПб., 1905, с. 145—146, 193, 205—207.
6. *Семенов-Тянь-Шанский П. П.* Путешествие в Тянь-Шань, с. 86.
7. *Эгцель и Вагнер.* Путешествие по Сибири и прилегающим к ней странам Центральной Азии по описаниям Т. У. Аткинсона. СПб., 1865.
8. *Абрамов Н. А.* Торжественное открытие Капальского окружного приказа.— Тобольские губернские ведомости, 1857, № 10.
9. *Абрамов Н. А.* Город Капал.— Тобольские губернские ведомости, 1862, № 34.

ЗООЛОГ СЕВЕРЦОВ

1. *Золотницкая Р. А.* Н. А. Северцов—географ и путешественник. М., 1953.
- *Дементьев Г. П.* Н. А. Северцов—зоолог и путешественник. М., 1948.

2. *Серебренников А. Г.* Туркестанский край. Сборник материалов для истории его завоевания. Ч. 1. 1864. Ташкент, 1914, с. 55—56, 128—134.
3. *Юнге Е. Ф.* Воспоминания. Изд. Сфинкс, б. г.
4. *Северцов Н. А.* Путешествия по Туркестанскому краю и исследование горной страны Тянь-Шаня. СПб., 1873.
5. Государственный Центральный музей Казахстана, КП 8766.
6. Военные действия Зачуйского экспедиционного отряда летом 1864 года.— Инженерный журнал, СПб., 1865, № 3.

ИНЖЕНЕРЫ КРИШТАНОВСКИЕ

1. ЦГА КазССР, ф. 44, д. 43647, 43768 и 43865.
2. *Там же*, ф. 3, оп. 1, д. 106.
3. ЦГВИА СССР, ф. 400, оп. 173, д. 223.
4. Военные действия Зачуйского экспедиционного отряда летом 1864 года.— Инженерный журнал, 1865, № 3.
5. ЦГА КазССР, ф. 3, оп. 1, д. 253, л. 28, 37.
6. *Серебренников А. Г.* Туркестанский край. Сборник материалов для истории его завоевания, ч. 1. 1864. Ташкент, 1914, документы 54, 58. 81.
7. ЦГА КазССР, ф. 3, оп. 1, д. 262, л. 242, 249, 277.
8. *Добросмыслов А. М.* Ташкент в прошлом и настоящем. 1912.
9. ЦГА КазССР, ф. 3, оп. 1, д. 258, л. 25, 26, 30—32.
10. *Там же*, д. 229, л. 5.
11. *Там же*, ф. 44, оп. 1, д. 50333, л. 289—291.
12. *Там же*, д. 38459, л. 54.

ТОПОГРАФ ЛАРИОНОВ

1. Публичная библиотека Казахской ССР им. А. С. Пушкина, рукописный фонд, № 61, л. 148, 237, 428.
2. *Серебренников А. Г.* Туркестанский край. Ч. 1. Ташкент, 1914, документ 39.
3. В сб.: Джетысу (Семиречье). Естественно-историческое описание края. Ташкент, 1925.
4. ЦГА КазССР, ф. 44, д. 375, л. 398—399.

ЛИСТ, ИСПИСАННЫЙ ДВУМЯ ПОЧЕРКАМИ

1. ЦГА КазССР, ф. 829, оп. 1, д. 2.
2. *Валиханов Ч. Ч.* Собрание сочинений, т. 5, с. 51, 55.
3. ЦГА КазССР, ф. 829, оп. 1, д. 3, л. 37.
4. *Там же*, д. 11, л. 6.
5. *Валиханов Ч. Ч.* Собрание сочинений, т. 2, с. 543—549, 517.
6. *Там же*, т. 4, с. 733; т. 1, с. 333 и 371.

7. ЦГА КазССР, ф. 44, оп. 1, д. 55617, 54776 и ф. 3, оп. 1, д. 476 и 535.
8. *Обручев В. А.* Григорий Николаевич Потанин. М.—Л., 1947, с. 27.
9. ЦГА УзССР, ф. 715, оп. 1, д. 17, л. 104; ЦГА КазССР, ф. 44, оп. 1, д. 55617.
10. ЦГА КазССР, ф. 44, оп. 1, д. 1, л. 15.
11. *Валиханов Ч. Ч.* Собрание сочинений, т. 3, с. 50—52, 594.
12. ЦГА КазССР, ф. 3, оп. 1, д. 11, л. 9—10.
13. Записки ИРГО, кн. 1, 1861.
14. Вестник ИРГО, 1858, ч. 21, кн. 6.
15. *Голубев А. Ф.* Биографический очерк. Омск, 1900.
16. ЦГА КазССР, ф. 64, оп. 1, д. 358, л. 98.

«НЕКТО» ПОЛУЧАЕТ ИМЯ

1. *Валиханов Ч. Ч.* Собрание сочинений, т. 3, с. 419.
2. ЦГА КазССР, ф. 64, оп. 2, д. 181.
3. *Там же*, ф. 44, д. 17.
4. Туркестанские ведомости, № 8, 8 мая 1879 г.
5. ЦГА КазССР, ф. 64, оп. 1, д. 1199.
6. *Там же*, ф. 44, д. 43558, л. 81, 92—93, 104—105, 150—153.
7. *Серебренников А. Г.* Туркестанский край. Сборник материалов для истории его завоевания. Ч. 2. Ташкент, 1914.
8. ЦГА КазССР, ф. 44, д. 38405, л. 6—10, 20—21, 25—26.
9. *Там же*, ф. 44, д. 38600.

СЕРГИОПОЛЬСКИЙ ЭНТУЗИАСТ

1. *Сытина З.* Из воспоминаний о Достоевском.—Исторический вестник, 1885, т. 29.
2. *Ивлев Н. П.* Находки краеведа. Алма-Ата, 1977.
3. *Валиханов Ч. Ч.* Собрание сочинений, т. 1, с. 229.
4. *Семенов-Тянь-Шанский П. П.* Путешествие в Тянь-Шань. М., 1958, с. 82.
5. *Гейнс А. К.* Собрание литературных трудов. СПб., 1897, т. 1, с. 379.
6. *Ивлев Н. П.* Письмо Достоевскому из Аягуза.—Простор, 1971.
7. Вестник ИРГО, СПб., 1860, ч. 30, кн. 12.
8. ЦГА КазССР, ф. 15, оп. 1, д. 237.

ИНЖЕНЕР НИКИТИН

1. *Семенов-Тянь-Шанский П. П.* Путешествие в Тянь-Шань, М., 1958, с. 84—95.
2. *Абрамов Н. А.* Река Каратал с окрестностями.—Записки ИРГО, 1867, т. 1.

3. Вестник ИРГО, 1857, ч. 19, кн. 2.
4. Вестник ИРГО, 1858, ч. 21, кн. 6.
5. ЦГА КазССР, ф. 3, оп. 1, д. 387.
6. Вестник ИРГО, 1869, ч. 5, с. 202.
7. Петр Петрович Семенов-Тянь-Шанский. Его жизнь и деятельность. Л., 1928, с. 99—100.
8. ЦГА КазССР, ф. 44, д. 30553.

КАПАЛЬСКИЙ ЛЕКАРЬ

1. ЦГА КазССР, ф. 44, д. 55525—55530.
2. Маргулан А. Х., Ислев Н. П. Неизвестные письма Чокана Валиханова.— Известия Академии наук Казахской ССР. Серия общественная. 1970, № 6.
3. ЦГА КазССР, ф. 64, оп. 1, д. 762.
4. Там же, ф. 44, д. 1192.

ЗАПИСКА

1. ЦГА КазССР, ф. 829, оп. 1, д. 11, л. 79.
2. Там же, ф. 64, оп. 2, д. 237.
3. Камысов Р. Мақы, брат Чокана.— Огни Алатау, 1963, 25 июля.
4. Валиханов Ч. Ч. Собрание сочинений, т. 4, с. 99.
5. Там же, с. 51.
6. Там же, с. 102—103.
7. Ядринцев Н. М. Ч. Ч. Валиханов (некролог).— Отчет РГО за 1865 г. СПб., 1866, с. 9—11.
8. Валиханов Ч. Ч. Собрание сочинений, т. 4, с. 511 и 321.
9. Там же, с. 62.
10. Там же, с. 511 и 574.
11. Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома, 1975. Л., 1977, с. 115—119.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ВЕРНЕНСКОЕ УКРЕПЛЕНИЕ	11
ПО ДОРОГАМ И ВЕСЯМ	36
АСТРОНОМ ГОЛУБЕВ	75
ВСТРЕЧИ В ПУТИ	81
ВЕРНЕНСКИЙ АРТИЛЛЕРИСТ	93
ОСНОВАТЕЛЬ КАПАЛА	101
ЗООЛОГ СЕВЕРЦОВ	114
ИНЖЕНЕРЫ КРИШТАНОВСКИЕ	122
ТОПОГРАФ ЛАРИОНОВ	132
ЛИСТ, ИСПИСАННЫЙ ДВУМЯ ПОЧЕРКАМИ	142
«НЕКТО» ПОЛУЧАЕТ ИМЯ	155
СЕРГИОПОЛЬСКИЙ ЭНТУЗИАСТ	167
ИНЖЕНЕР НИКИТИН	179
КАПАЛЬСКИЙ ЛЕКАРЬ	184
ЗАПИСКА	187
ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ	197

НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧ ИВЛЕВ

И ОЖИВАЮТ БИОГРАФИИ

Записки краеведа

Редактор *К. Н. Максимович*. Художник *И. В. Кононова*. Худ. редактор *Д. А. Безруков*. Техн. редактор *Л. И. Шашкова*. Корректор *Д. И. Албаева*.

ИБ № 1616

Сдано в набор 25.06.82. Подписано к печати 09.12.82. УГ 15252. Формат 70×108^{1/32}. Бумага тип. № 1. Усл. п. л. 9,98 (вкл. на мелованной бумаге 0,49) Уч.-изд. л. 9,89. Тираж 23 000 экз. Заказ 2460. Цена 50 коп.

Ордена Дружбы народов издательство «Казахстан» Государственного комитета Казахской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 480124, г. Алма-Ата, пр. Абая, 143.

Полиграфкомбинат производственного объединения полиграфических предприятий «Кітап» Государственного комитета Казахской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 480002, г. Алма-Ата, ул. Пастера, 41.

50 к.

